

№2

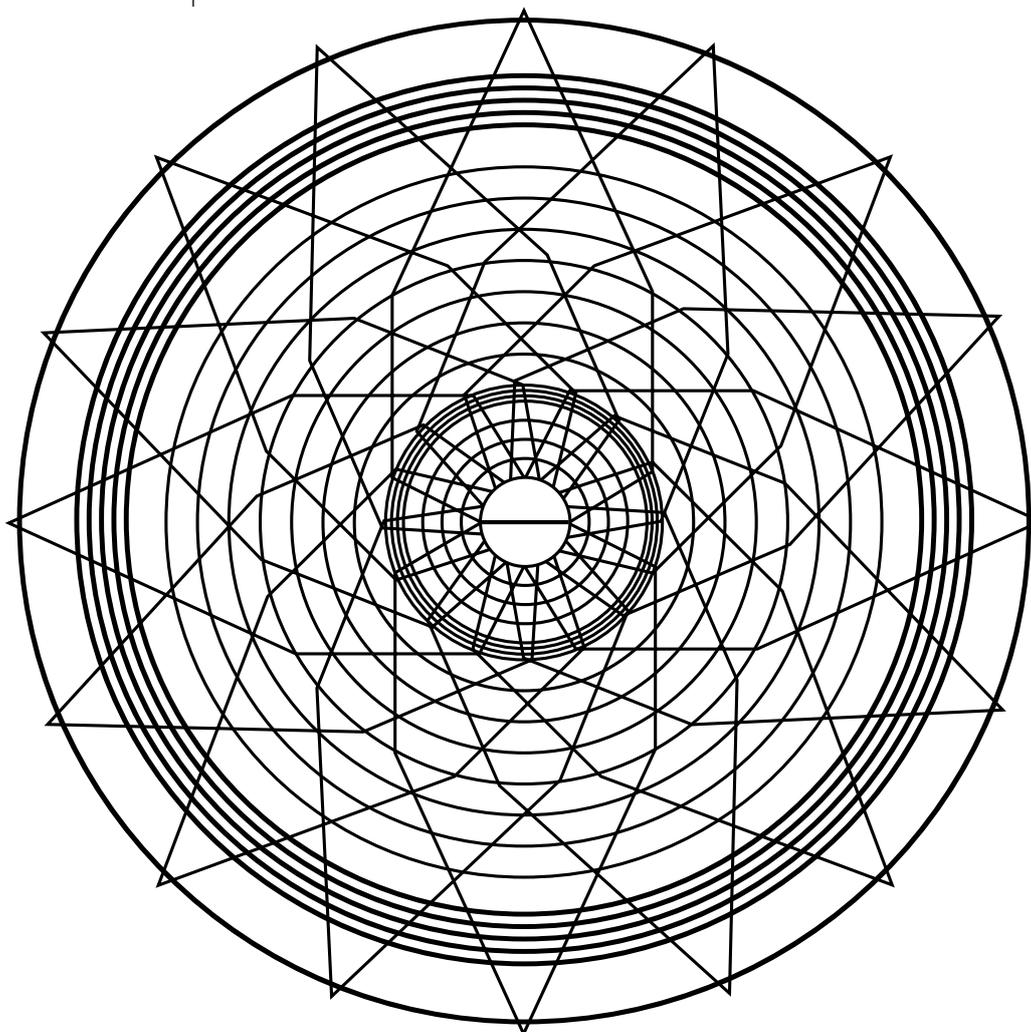
HSE
ART
AND
DESIGN
SCHOOL

2016

стр. 8

Коммуникации. Медиа. Дизайн

КИРИЯ И.В. ЛОГУНОВА О.С.
ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНСЕНСУСЫ/
ДИССЕНСУСЫ В РОССИЙСКОМ
ТЕЛЕВИЗИОННОМ ИНФОРМАЦИОН-
НОМ ДИСКУРСЕ

стр. 57

ЖИЛАВСКАЯ И.В.
МЕДИЙНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ ГРАМОТНОСТЬ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОНВЕРГЕНЦИИ И ДИВЕРГЕНЦИИ

стр. 30

КАЧКАЕВА А.Г., ШОМОВА С.А.,
КОЛЧИНА А.С.
ИНФОРМАЦИОННАЯ, ЦИФРОВАЯ,
НОВОСТНАЯ...

Редакционная коллегия

Букийон Филипп

Доктор наук, профессор, Université Paris13 (Франция)

Великодная Ирина Леонидовна

Кандидат филологических наук, заместитель директора Музея истории МГУ, заместитель заведующего Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ,

Дзялошинский Иосиф Михайлович

Доктор наук (МГУ, специальность «Журналистика»), академический руководитель образовательной программы «Медиакоммуникации», Профессор департамента медиа НИУ-ВШЭ

Дуков Евгений Викторович

Доктор философских наук, кандидат искусствоведения, заведующий сектором, профессор (Государственный институт искусствознания)

Зверев Сергей Александрович

Руководитель департамента интегрированных коммуникаций, член Ученого Совета НИУ-ВШЭ, Президент ЗАО «Компания развития общественных связей»; (КРОС)

Иванов Дмитрий Владиславович

Доктор социологических наук, профессор (кафедра теории и истории социологии, Санкт-Петербургский государственный университет)

Каск Анна Николаевна

Кандидат искусствоведения, хранитель фондов, Государственный музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина (отдел визуальной информации)

Кирия Илья Вадимович

Доктор наук (PhD Université Stendhal - Grenoble 3), Заместитель декана факультета Коммуникаций, медиа и дизайна, руководитель департамента медиа, профессор

Корконосенко Сергей Григорьевич

Доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций (Санкт-Петербургский государственный университет), председатель научной комиссии (Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»)

Короченский Александр Петрович

Доктор филологических наук, профессор (факультет журналистики Национального исследовательского университета «Белгородский государственный университет»)

Крэйг Роберт

Профессор-эмерит Университета Колорадо, Боулдер (США). Основатель и первый главный редактор журнала «Communication Theory». В 2003-2004 гг. президент «Международной коммуникативной ассоциации»

Кужелева-Саган Ирина Петровна

Доктор философских наук, кандидат педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой социальных коммуникаций; руководитель лаборатории гуманитарных новомедийных технологий, Национальный исследовательский Томский государственный университет

Куликова Людмила Викторовна

Доктор филологических наук, директор института филологии и языковой коммуникации, заведующая кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»

Мещеряков Арсений Владимирович

Руководитель школы дизайна НИУ-ВШЭ

Нигрен Гуннар

Профессор, Коммуникации и Медиа, Södertörn University, Huddinge (Швеция)

Перлинжейру Рикарду

Профессор Института права Федерального университета Флуминенсе, федеральный судья Федерального окружного суда 2-го округа Рио-де-Жанейро (Бразилия)

Покровский Никита Евгеньевич

Доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии Факультета социальных наук, НИУ-ВШЭ

Ривчун Татьяна Евгеньевна

Доктор экономических наук, профессор, заместитель декана факультета коммуникаций, медиа и дизайна НИУ-ВШЭ, руководитель образовательной программы «Коммуникационный дизайн», член Ученого совета НИУ-ВШЭ

Савельева Ольга Олеговна

Доктор социологических наук, профессор департамента интегрированных коммуникаций НИУ-ВШЭ

Уразова Светлана Леонидовна

Доктор филологических наук, заведующая Научно-исследовательским сектором ФГБОУ ДПО «Академия медиаиндустрии», главный редактор научного журнала «Вестник ВГИК»

Федоров Александр Викторович

Доктор педагогических наук, профессор (Ростовский государственный экономический университет)

Эммер Мартин

Профессор, журналистика и наука о коммуникациях, Freie Universität Berlin (Германия). Член немецкого общества журналистики и коммуникации, International Communication Association (ICA), European Communication Research and Education Association (ECREA)

Editorial

Bouquillion Philippe

Ph.D., Professor, Université Paris13 (France)

Craig Robert

Ph.D., Professor Emeritus, University of Colorado Boulder (USA)

Dukov Evgeniy

Ph.D., Professor, State Institute of Art Studies, Moscow (Russia)

Dzialoshinsky Iosif

Doctor of Sciences in Journalism, Professor, School of Media, Faculty of Communications, Media and Design, National Research University Higher School of Economics, Moscow (Russia)

Emmer Martin

Ph.D., Professor of Journalism and Communication Studies, FreieUniversität Berlin (Germany), member of the International Communication Association (ICA), the European Communication Research and Education Association (ECREA)

Fedorov Alexandr

Ph.D., Professor, Rostov State University of Economics, Rostov (Russia), Editor-in- Chief of a journal “Media Education”

Ivanov Dmitriy

Ph.D., Professor, Theory and history of sociology, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg (Russia)

Kask Anna

Ph.D., Pushkin State Museum of Fine Arts

Kiria Ilya

Ph.D., Professor, School of Media, Faculty of Communications, Media and Design, National Research University Higher School of Economics, Moscow (Russia)

Korkonosenko Sergey

Ph.D., Professor, Theory of Journalism and Mass Communication, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg (Russia)

Korochenskiy Alexandr

Ph.D., Professor, Faculty of Journalism National research University «Belgorod State University», Belgorod (Russia)

Kuzheleva-Sagan Irina

Ph.D., Professor, Social Communication, Head of Laboratory of humane new media technologies, National Research Tomsk State University, Tomsk (Russia)

Kulikova Lyudmila

Ph.D., Head of Institute of philology and language communication, Siberian Federal University, Krasnoyarsk (Russia)

Mescheryakov Arseniy

Head of School of Design, Faculty of Communications, Media and Design, National Research University Higher School of Economics, Moscow (Russia)

Nygren Gunnar

Professor, Communication and Media, Södertörn University, Huddinge (Sweden)

Perlingeiro Ricardo

Professor, Faculty of Law of Fluminense Federal University (Niterói, Rio de Janeiro), Federal Appellate Judge (Desembargador Federal) of the Federal Regional Court of the 2nd Region, Rio de Janeiro (Brazil)

Pokrovskiy Nikita

Ph.D., Professor, Head of School of General Sociology, Faculty of Social Studies, National Research University Higher School of Economics, Moscow (Russia)

Rivchun Tatiana

Ph.D., Professor, School of Design, Faculty of Communications, Media, and Design, Member of the HSE Academic Council, National Research University Higher School of Economics, Moscow (Russia)

Savelyeva Olga

Ph.D., Professor, School of Integrated Communications, Faculty of Communications, Media and Design, National Research University Higher School of Economics, Moscow (Russia)

Urazova Svetlana

Ph.D., Head of Research Department "Academy of Media Industry", Editor-in-Chief of a journal "Vestnik VGIK"

Velikodnaya Irina

Ph.D., Vice President of Museum of history, Moscow State University, Moscow (Russia)

Zverev Sergey

Head of School of Integrated Communications, Faculty of Communications, Media, and Design, Member of the HSE Academic Council, National Research University Higher School of Economics, Moscow (Russia)

РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА 2

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

- Кирия И.В. Логунова О.С. Политические консенсусы/диссенсусы в российском телевизионном информационном дискурсе 8
- Перлинжейро Р. Развитие права доступа к официальной информации в Латинской Америке в соответствии с прецедентным правом Межамериканского суда по правам человека (перевод с английского Екатерины Андрющенко) 22
- Качкаева А.Г., Шомова С.А., Колчина А.С. Информационная, цифровая, новостная... (исследование уровня медиаграмотности студентов НИУ ВШЭ) 30
- Жилавская И.В. Медийно-информационная грамотность через призму конвергенции и дивергенции 57
- Войнилов Ю.Л., Мальцева Д.В., Шубина Л.В. Медиаграмотность в России: картография проблемных зон 72
- Kajimoto M. Measuring the effectiveness of news literacy education through a MOOC: What we can learn from the behavioural data and learning analytics for better pedagogical strategies 81
- Sadaba C. Youngsters, Digital Technology and Unplugging 88
- Sunders J. "Are We in the Same Boat? Screenagers, Gatekeepers, Gatekeepers in the New Literacy Universe" 104

ИНТЕРВЬЮ

- Медиаграмотность и медиаобразование: Россия и мир (Интервью с Александром Федоровым) 106

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Медиаграмотность и медиаобразование: цифровые медиа для будущего (репортаж о конференции 28-28 ноября 2105, НИУ ВШЭ, Москва) 109

ИЗ ИСТОРИИ

КОММУНИКАЦИЙ, МЕДИА, ДИЗАЙНА

- Корзун С.Л. Александр Варин: живой мотор радиоиндустрии 112
- Ермолаева О.Я. Наследие Александра Варина 188
- Виноградова Е. Смерть Александра Варина приведет к смене системы управления «Проф-медиа» 114
- Виноградова Е. Смерть Александра Варина приведет к смене системы управления «Проф-медиа» 115

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 124

Table of contents

EDITORIAL BOARD	4

SCIENTIFIC ARTICLES

Kiriya I.V., Logunova O.S. Political consensus/dissensus in relation to the informational discourse of Russian television.	20
Perlingeiro R. The development of the right of access to official information in Latin America according to the case law of the Inter-American Court of Human Rights (For the full English version of the article see the “Communications. Media. Design” N°1)	22
Kachkaeva A.G., Kolchina A.S., Shomova S.A. Informational, Digital, News Literacy (Study of level of medialiteracy between the students of Higher School of Economics)	36
Zhilavskaya I.V. Media and information literacy through the prism of convergence and divergence	52
Voynilov Yu.L., Maltseva L.V., Shubina L.V. Media literacy in Russia: mapping the problem areas	70
Kajimoto M. Measuring the effectiveness of news literacy education through a MOOC: What we can learn from the behavioural data and learning analytics for better pedagogical strategies	72
SSadaba C. Youngsters, Digital Technology and Unplugging	81
Sanders J. “Are We in the Same Boat? Screenagers, Gatekeepers, Gatekeepers in the New Literacy Universe”	88

INTERVIEW

Medialiteracy and Mediaeducation: in Russia and Worldwide (Interview with A.V. Fedorov)	104

ACADEMIC LIFE

Media Literacy and Media Education: Digital Media for Future (26-28 November 2015)	108

FROM THE HISTORY

In memory of media manager Alexander Varin	111

INFORMATION ABOUT AUTHORS	126

Политические консенсусы/ диссенсусы в российском телевизионном информационном дискурсе

КИРИЯ И. В.

Кк.ф.н., Ph.D., профессор НИУ
ВШЭ, ikiria@hse.ru

ЛОГУНОВА О.С.

к.с.н., доцент НИУ ВШЭ,
ologunova@hse.ru

АННОТАЦИЯ: Данная статья рассматривает специфику взаимосвязей различных российских политических сил в новостном телевизионном эфире в период протестной активности 2011-2012 гг. Это позволяет судить о том, каким образом преимущественно контролируемые государством телевизионные каналы репрезентировали политические силы и обостряли консенсусы/диссенсусы между ними. Используя метод сетевого анализа, статья создает и анализирует структуру сетей персонажей, фигурирующих в российской политике, репрезентируемой новостным телевидением. Ключевой вывод, сделанный авторами, состоит в том, что на протяжении думской выборной кампании 2011 и президентской кампании 2012 гг. массовые протестные оппозиционные митинги спровоцировали контролируемое государством телевидение на розыгрыш «правой карты», то есть на репрезентацию почти всех существующих в официальном политическом спектре сил по отношению к оппозиции, ее лидерам, ее действиям и т.д.

На протяжении длительного времени до Думской кампании 2011 г. определенные политические силы, преимущественно незарегистрированные политические партии, а также сошедшие с политического олимпа, были фактически исключены из официального политического поля. На телевизионных каналах действовал определенный запрет на репрезентацию определенных политических фигур и событий, например, таких, как процесс над М. Ходорковским, регулярные митинги в поддержку 31 статьи конституции (Прибыловский, 2006). Журналисты, многие из которых сформировались в профессии в этот период, сформировали устойчивые практики самостоятельного игнорирования определенных фигур в публичном поле (Koltsova, 2006).

Все это в значительной степени привело к тому, что в альтернативных видах медиа (преимущественно в Интернет-СМИ и блогосфере) сформировалась в некотором роде оппозиционная среда, своего рода изолированное пространство (Кирия, 2013) (Kiriyu, *Les réseaux sociaux comme outil d'isolation politique en Russie*, 2012), в котором зачастую прямо противоположные дискурсы националистов и «либералов» ссылались друг на друга в связи с их изолированностью от медиа широкой направленности (Etling, Alexanyan, Kelly, Palfrey, Faris, & Gasser, 2010).

Ряд официальных медиа, находящихся под надзором государства (и околосударственных собственников), имели определенный карт-бланш на обслуживание ин-

формационных потребностей альтернативного оппозиционного пространства. К ним относились «Эхо Москвы», «Новая газета», отчасти газета «Коммерсантъ», канал «РЕН-ТВ». Таким образом формировалась «параллельная общественная сфера», в которой оппозиционные медиа обслуживали узкие кластеры интеллигенции. Такая форма политического параллелизма является исторически укорененной и унаследованной еще с XIX в. (Kiriya, *The Culture of Subversion and Russian Media Landscape*, 2012).

Однако события 2011 г. дали повод многим говорить об изменении информационной парадигмы. Массовый протест против «рокировки» премьер-министра Путина и президента Медведева, которая была фактически анонсирована обоими на съезде партии «Единая Россия» в сентябре, вылился в массовые митинги в крупных городах-миллионниках. И данные события имели настолько значительные масштабы (несмотря на то что данные о количестве участников, предоставляемые оппозицией и городскими властями, сильно разнятся), что не могли быть полностью проигнорированы телевизионными новостями. В результате многие представители так называемой «несистемной оппозиции» в том или ином виде стали появляться в этот период в выпусках телевизионных новостей и информационно-аналитических передач, что вселило оптимизм во многих представителей общественной сферы, которые восприняли данный факт как «либерализацию телевидения».

С нашей точки зрения, речь идет не о «либерализации телевидения», а напротив – об освоении еще одной манипулятивной технологии, заключающейся в умелом построении консенсусов и диссенсусов в медиапространстве через репрезентацию митингов и определенных политических сил через противопоставление другим политическим силам. С нашей точки зрения, телевидение использовалось в период данного политического кризиса для того, чтобы максимально поляризовать политические силы и, следовательно, отделить «агрессивное меньшинство» и его политических сторонников от большинства, поддерживающего преимущественно консервативные взгляды. В этой статье, используя метод контент-анализа и анализа сетей, мы попытаемся рассмотреть природу данного феномена репрезентации оппозиции.

Теоретический обзор

Политическими альянсами и группами занимались разные школы политической мысли. С точки зрения Роберта Дала, проблема консенсуса-диссенсуса заключается в том, что значительный раскол политических сил препятствует нормальной политической борьбе, которая строится на умении идти на компромиссы. Свою исходную посылку Даль строит на идее о том, что полиархия (именно так Даль, во избежание употребления чрезмерно идеологизированного понятия «демократии», называет наиболее либеральную форму правления) базируется на двух измерениях политического режима. Первый представляет собой степень публичного оспаривания, то есть отражает способность различных сил политического спектра публично оспаривать путем выборов идеи других политических сил (Даль, 2010).

Разные общества переходили к полиархическим режимам (именно так Даль называет «демократические режимы», дабы уйти от чрезмерной идеологизированности данного термина) разными траекториями. Наиболее стабильным Даль называет путь от расширения степени политического оспаривания к расширению степени политического участия. Этот путь приняли Швеция, Великобритания, Голландия и т.д. То есть, согласно данной траектории, сначала в недрах элит растет внутренняя политическая конкуренция, элиты получают право избирать и быть избранными, в результате на протяжении относительно длительного периода институты общества приучаются к открытой политической конкуренции. Затем круг избирателей постепенно увеличивается (через расширение избирательных прав).

Вторая траектория предполагает прямой и одновременный переход к расширению степени оспаривания и участия. Таким путем фактически шла только революционная Франция. Третья траектория, по Далю, наиболее рискованная, потому что предполагает расширение политического участия при сохранении политической монополии одной партии или силы, а затем последовательное расширение границ политической конкуренции. Такая траектория предполагает, что в той или иной степени все граждане вовлекаются в принятие политических решений без должной культуры политического выбора. В этой ситуации расширение границ политической конкуренции приводит к созданию резко конфликтующих друг с другом непримиримых и бескомпромиссных партий, сосуществование которых невозможно. Как пишет Даль, риск возврата к гегемонистскому режиму в этом случае чрезвычайно велик в связи с тем, что отсутствие консенсуса вынуждает партии бороться друг с другом через включение/исключение из политики. По данной траектории двигалась Веймарская Республика, существование которой, как мы знаем, завершилось в результате прихода к власти путем демократических выборов одной из таких партий.

Мотором полиархии, таким образом, является не столь распространенное утверждение, что демократия – это власть большинства, а консенсус, то есть способность политических сил идти на уступки с целью привлечения дополнительных голосов и победы, и способность оппозиционных им сил признавать собственное поражение. Отсутствие консенсуса между двумя политическими силами (той, которая у власти, и всеми остальными) приводит к тому, что риски находящейся у власти партии в случае проигрыша увеличиваются, что повышает стремление такой партии сохранять за собой власть любой ценой, в том числе через ограничения доступа оппозиции к политической борьбе, что является ничем иным, как откатом обратно к гегемонистскому режиму.

Таким образом, гегемонистский режим может быть установлен в случае, если одна социальная группа чувствует угрозу со стороны другой социальной группы по отношению к собственным ценностям. В этом случае либо будет восстановлен режим гегемонии, либо произойдет той или иной степени интенсивности гражданская война (или гражданский конфликт). Такие конфликты между социальными группами, как уже было сказано, возникают отнюдь не на почве классовой борьбы, но в первую очередь на почве этнических, культурных, национальных и расовых противоречий (Даль, 2010). Самые значительные общественные дебаты в США, связанные с избирательным правом, касались предоставления избирательных прав чернокожему населению. Студенческие волнения в Париже в 1968 г. были связаны с представлениями о социальной справедливости и т.д. Даль приводит статистику, которая демонстрирует, что среди стран с более высоким уровнем культурного плюрализма гораздо меньше полиархических режимов.

Коммуникативные отношения между политическими группами и соответствующими им социальными группами устанавливаются через средства массовой коммуникации. В период до XIX в. данные связи устанавливались через обслуживание определенными медиа определенных коммуникативных интересов политических партий. В результате каждая газета соответствовала, грубо говоря, определенной политической ориентации. В этом смысле медиа выполняли функцию медиаторов между политическими движениями и их адептами в социуме. По мнению Роберта Макчесней, именно такая форма взаимодействия была подлинно плюралистичной, потому что позволяла аудитории на основе знакомства с сообщениями разных СМИ получать информацию о политических позициях различных политических структур (McChesney, 2000). Фактически это сформировало типичную для Европы систему коммуникативного параллелизма, когда у каждой политической партии были свои каналы медиатизированной массовой коммуникации, и аудитория была осведомлена о соответ-

ствии определенной политической идеологии позиции того или иного печатного СМИ (Hallin & Mancini, 2004).

Системе партийного параллелизма на смену пришла коммерческая система, предполагающая, что СМИ – это бизнес, а владельцам СМИ, таким образом, стало невыгодно, чтобы медиапотребители обращались к конкурирующим каналам коммуникации. Держать строгую политическую позицию с коммерческой точки зрения становилось невыгодно. Вместе с тем, будучи в массе своей крупными бизнесменами, владельцы медиаканалов, были в большей степени склонны настраивать принадлежащие им медиаканалы на поддержку правых взглядов. Таким образом, родилась соответствующая современности модель, при которой каждое медиа в том или ином виде отражает или пытается отражать всю ширину политического спектра. Для этого, по утверждению Макчесней, современные коммерческие медиа, будучи на деле манипулируемы крупными собственниками, создают и активно культивируют идею «объективной журналистики» (McChesney, 2000). Так или иначе в коммерческой системе политическая репрезентация строится на основе уделения большего или меньшего внимания той или иной политической силе при ее освещении. Такая модель получила название «повестки дня» (McCombs & Shaw, 1972) и производных от нее моделей «спирали молчания» (Noelle-Neumann, 1984) или гейткиперов (Shoemaker, 1991). Первая предполагает, что медиа, уделяя большее или меньшее внимание той или иной теме, формируют определенную модель общественных приоритетов, разделяемых реципиентами. Вторая исходит из того, что публично политические силы стараются озвучивать максимально популярные мнения, что депопуляризирует менее популярные мнения. Третья предполагает, что за счет «отсечения» тех или иных сообщений от медиа журналисты и редакторы выполняют роль гейткиперов, хранителей ворот на пути информации.

Таким образом, система консенсусов-диссенсусов может репрезентироваться через совместные упоминания одних политических сил вместе с другими в сообщениях масс-медиа и наоборот через их взаимную изоляцию. Мы исходим из того, что политическая репрезентация в наиболее эффективном смысле строится через упоминаемость политических партий, их лидеров и представителей различных социальных слоев в выпусках телевизионных новостей, которые до сих пор являются наиболее значимыми по охвату видами информирования общественности о политической жизни в России.

Новости как элементы телевизионного контента легитимизируют и наделяют властью тех или иных политиков (Ван Дейк, 2013, стр. 76). В исследованиях Ван Дейка демонстрируется, каким образом новостной дискурс изображал беженцев, мигрантов, этнические меньшинства как «аут-группы», противопоставляя их другим группам, наделенным властью. С этой точки зрения разная репрезентация политических сил может свидетельствовать в том числе о репрезентации определенных оппозиционных политических сил как «аут-групп».

В данном анализе мы исходим из того, что репрезентация политических сил и их адептов представляет собой не что иное, как упоминаемые в новостных сюжетах друг про друга представители этих сил. Упоминаемость одного персонажа в репортажах про другого фиксирует силу связи одного персонажа с другим в телевизионном дискурсе. Таким образом, структуру отношений между данными персонажами можно представить в виде социальной сети, фиксируя материально-семиотические отношения (Latour, 2005), то есть отношения между материальными фигурами, воплощенными в дискурсе.

Методика

Настоящее исследование построено на методе контент-анализа, выполненного коллективом Лаборатории медиаисследований Факультета медиакоммуникаций «Высшей школы экономики». Единицей подсчета был телевизионный сюжет. Кодировались две волны телевизионного информационно-политического эфира: в период думской предвыборной кампании 2011 г. и 3 недели после нее, и в период президентской кампании 2012 и 3 недели после нее. Среди параметров кодировки (многие из которых используются в других исследованиях упомянутого коллектива) была сквозная кодировка упоминаемых, цитируемых и показанных в телевизионном эфире персонажей. Затем полученная база использовалась для построения сетевых графов. Фиксировались только сюжеты про 11 ключевых политических персонажей во власти и несистемной оппозиции: Путин, Медведев, Прохоров, Зюганов, Жириновский, Миронов, Немцов, Навальный, Яшин, Удальцов, Гудков. При этом размер каждого узла зависел от общего количества сюжетов, в которых один из указанных персонажей был показан или говорил прямую речь. Толщина связей в графе между двумя персонажами зависела от количества упоминаний одного в сюжетах про другого. Очевидно, что количество упоминаний отличается в большую сторону от количества сюжетов, в которых тот или иной персонаж фигурировал в качестве главного.

Каждое упоминаемое лицо проверялось с точки зрения принадлежности в период упоминания к той или иной группе. Основные группы:

- степень позиционирования по отношению к государству (Правительство, Администрация президента, Государственная Дума, Совет Федерации, другие чиновники, бизнес, медиа);
- степень позиционирования по отношению к системе политических партий («ЕР», «СР», КПРФ, ЛДПР, «Яблоко», «Правые» (Прохоров), «Патриоты», оппозиция (незарегистрированные и зарегистрированные партии, представленные в ходе протестных митингов в координационном совете оппозиции и среди организаторов, и участников митингов);
- принадлежность к сфере культуры, образования, спорта;
- во второй волне: принадлежность к штабу Путина (список доверенных лиц).

Один и тот же персонаж мог принадлежать к нескольким сферам (например, депутат, который одновременно является известным актером, помечался три раза: как представитель Государственной Думы, как член определенной партии и как представитель сферы культуры). Таким же образом помечались деятели культуры, которые в указанный период открыто поддерживали определенные политические силы и партии.

Все умершие персонажи (исторические личности, писатели, музыканты и т.д.) попадали в категорию «исторические персонажи», как исключенные из актуального политического поля.

Политические и властные пространства

В целом получившиеся сетевые графы 1 и 2 (рис. 1 и рис. 2) свидетельствуют том, что сюжеты представляют собой сеть взаимного цитирования правительственных и парламентских персонажей с явным преобладанием Государственной Думы, и системы зарегистрированных официальных политических партий в первой волне, и с минимальной партийной и парламентской репрезентацией во второй волне, что замещается более плотной сетью кандидатов в президенты, ссылающихся друг на друга.

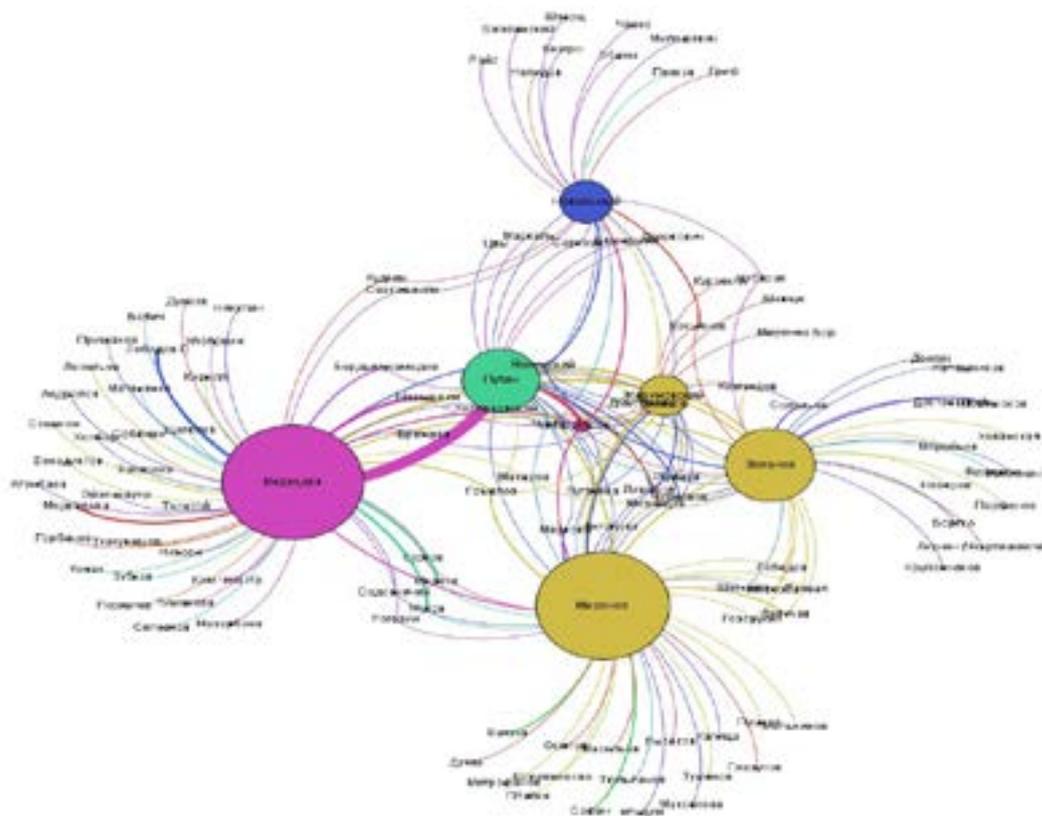

Рисунок 1: Сетевой граф первой волны исследования

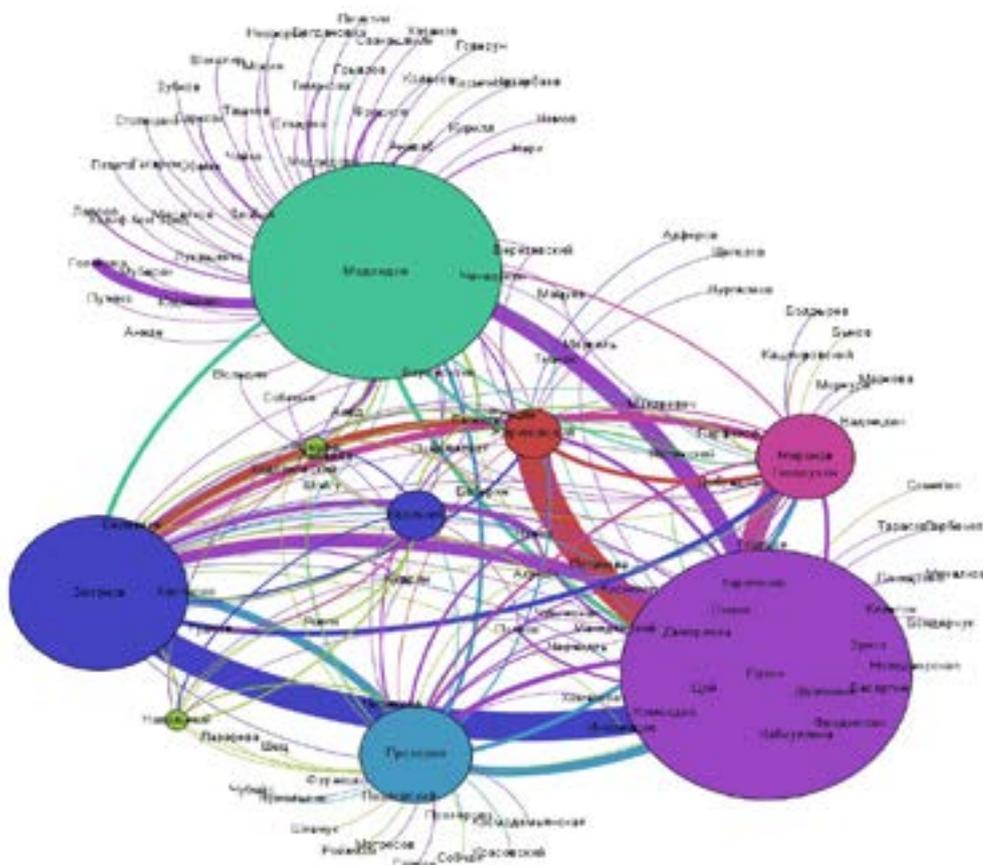

Рисунок 2: Сетевой граф второй волны исследования

То есть президентские выборы действуют как бы за пределами существующей партийной системы и не опираются на партийную принадлежность кандидатов, о чем свидетельствует относительно небольшой уровень ссылок и цитирования персонажей, репрезентирующих действующие политические партии в Государственной Думе во второй волне.

Становится также очевидным, что протестные митинги и в целом повышенная гражданская активность выводят на второе место по цитированиям в партийном пространстве так называемую несистемную оппозицию (в первой волне), а во второй волне оппозиция становится главным действующим лицом в партийном пространстве. То есть весь политический спектр во второй волне позиционирует себя по отношению к оппозиционным политикам, то есть представителям несистемной оппозиции. Как свидетельствуют сетевые графы, более структурно связаны друг с другом оказываются представители пространства «Государственная Дума», тогда как пространства «Правительство» и «Администрация Президента» связаны исключительно с собственными лидерами, причем одиночными связями.

Кроме того, как свидетельствует рисунок 8, социальная сеть «наука, спорт, образование» абсолютно автономна и не имеет собственных связей. То есть представители этой сферы цитируются в политических сюжетах исключительно совместно с политиками и отдельной сферы из себя (не?) представляют.

Важно также обратить внимание на наличие четкой сети взаимочитований внутри «тандема» (то есть связки президент-премьер-министр), которая, однако, менее выражена по направлению от Путина к Медведеву, чем наоборот. Особенно это характерно для первой волны, в которой, очевидно, действующий премьер-министр не очень хотел отождествляться с партийной игрой, в которой преобладала партия власти и ее лидер, действующий президент.

Еще одной особенностью является тот факт, что сеть взаимного цитирования политических деятелей, с одной стороны, и представителей сферы науки, культуры и спорта с другой, почти целиком строится на уникальных цитированиях (к примеру, когда Андрей Макаревич появляется в сюжете про Прохорова, но больше нигде не появляется). Это свидетельствует о существенной инструментализации сферы политики, в которой действует значительное (а во второй волне – преобладающее) количество персонажей «переходного характера», своего рода switchers в терминах Кастельса (Castells, 2010).

Логика репрезентации партийной принадлежности свидетельствует о том, что представители «Единой России» не цитируются в сюжетах друг о друге, а «перемешаны» в сюжетах о других персонажах: представителях иных партий, лидерах оппозиции и т.д. Отсюда – очень небольшое количество членов других партий, окружающих их лидеров в телевизионных сюжетах. Следовательно, доминирование навязывается не через самостоятельные сюжеты о партии, а через то, что существующие доминирующие в публичной сфере представители иных партий позиционируются по отношению к партии власти. Таким же образом ведут себя представители «несистемной оппозиции».

Фактически партия КПРФ представлена на графах только тремя персонажами в первой волне: неизменным лидером Геннадием Зюгановым, членом комитета по обороне Комоедовым, а также бессменным членом КПРФ, начиная с Думы 1 созыва, Николаем Харитоновым. Это значит, что представители КПРФ упоминаются чаще вместе с представителями других партий. Интересна в этом смысле роль Сергея Удальцова: во второй волне он, будучи не членом КПРФ, а скорее одним из участников и организаторов протестных митингов, официально поддержал кандидата на пост президента

от коммунистов. Поэтому будучи представителем оппозиции, этот персонаж был в то же время агитатором за КПРФ.

Говоря о структуре социальной сети партии «Справедливая Россия», нужно отметить в целом больший вес лидера партии, то есть количество сюжетов, в которых он фигурирует в качестве одного из главных героев. Однако при этом количество ссылок на членов или адептов партии в первой волне очень незначительно, а во втором минимально.

Интеракции персонажей

В целом необходимо отметить изменение « сетевого поведения» нескольких персонажей от первой волны ко второй. Таких персонажей всего три: Путин, Навальный и Прохоров. Эти изменения лучше всего демонстрируются показателем «коэффициент кластеризации», который означает степень, с которой два персонажа, цитируемых в сюжетах о третьем, цитируются в репортажах друг про друга. Более высокий коэффициент означает более плотную сеть. В первой волне у Путина и Прохорова существенно более «плотные» (связанные с ними персонажи связаны также друг с другом) сети (таблица 1). Это значит, что в сюжетах об этих персонажах упоминаются преимущественно ключевые политические акторы (связанные соответственно между собой). И наоборот, у Медведева, Миронова, Зюганова, Жириновского, а также Навального в первой волне минимально плотная сеть. Иными словами, в сюжетах они окружены преимущественно персонажами, не связанными друг с другом.

ТАБЛИЦА 1.

Коэффициент кластеризации сюжетов о ключевых персонажах в первой и второй волнах

ПЕРСОНАЖ	КОЭФФИЦИЕНТ КЛАСТЕРИЗАЦИИ 1 ВОЛНА	КОЭФФИЦИЕНТ КЛАСТЕРИЗАЦИИ 2 ВОЛНА
ПУТИН	0,178	0,014
МЕДВЕДЕВ	0,024	0,014
ЗЮГАНОВ	0,066	0,1
ЖИРИНОВСКИЙ	0,2	0,176
ПРОХОРОВ	0,556	0,044
МИРОНОВ	0,052	0,065
НАВАЛЬНЫЙ	0,03	0,222

Во второй волне ситуация меняется. Путин по количеству упоминаний и плотности сети становится вполне сопоставимым с Дмитрием Медведевым, а также другими кандидатами в президенты. При этом то же самое можно сказать о Михаиле Прохорове. И наоборот, Алексей Навальный оказывается окружен более плотной сетью (что также объясняется немногочисленностью сюжетов о нем во второй волне).

В первой волне Путин репрезентируется телеканалами как минимально вовлеченный в политику: у него минимум связей с партией власти и относительно небольшое количество упоминаний президента. В то же время у Медведева количество упоминаний премьер-министра достаточно большое. Важно также отметить, что в первой

волне среди всех партийных упоминаний (упоминаний представителей партий) в сюжетах про Путина преобладают представители «самоликвидировавшихся правых» в лице Прохорова (6 против 3-х у КПРФ, например). То есть налицо надпартийность премьер-министра, нежелание телеканалов четко позиционировать его по отношению к какой-либо из официальных партий и особенно партии власти.

Отметим также, что в сюжетах про премьер-министра очень мало связей с действующими членами правительства и администрации президента, причем в обеих волнах. То есть если медийная репрезентация премьера в первой волне не позиционирует его вовсе как представителя власти, то во второй волне он позиционируется исключительно как кандидат в президенты, а не как действующий премьер.

Политическую роль президента того периода, Дмитрия Медведева, мы могли бы охарактеризовать как «ракета-носитель». Если в первой волне у него максимальное количество упоминаний членом партии «Единая Россия», то во второй волне его партийная аффилиация практически отсутствует, то есть он не упоминается вместе с персонажами, имеющими отношение к этой партии (см. рис. 15). Следовательно, предполагалось, что фигура президента должна была вывести партию «ЕР», которая незадолго до выборов потеряла популярность и воспринималась как бюрократизированная «партия крупного бизнеса».

Важно отметить значительное количество ссылок на так называемую несистемную оппозицию в сюжетах про Медведева. Особенно во второй волне, где общее количество упоминаний адептов «несистемной оппозиции» больше, чем общее количество упоминаний действующих членом других зарегистрированных партий («ЕР», «СР», КПРФ, ЛДПР).

Сергей Миронов наиболее активно действует в первой волне, где он окружен большим количеством персонажей, которые больше ни с кем из других политических фигур не связаны. В первой волне общее количество сюжетов с его участием больше, чем общее количество сюжетов с участием Владимира Путина. В сюжетах, где Миронов фигурирует в качестве одного из основных персонажей, парадоксально много упоминаний персонажей, являющихся членами «Единой России», что видно на графе.

Важно также отметить, что в целом в сети данного персонажа очень много деятелей культуры, образования и спорта. Они доминируют в обеих волнах. Причем среди них довольно много тех, кто будучи деятелями культуры, являются депутатами Государственной Думы или кандидатами в депутаты. Например, такие персонажи, как Мария Кожевникова (звезда сериала «Универ»), Мария Максакова-Игенбергс (солистка Мариинского театра), Николай Валуев (известный спортсмен), были избраны в депутаты Государственной Думы VI созыва от партии «Единая Россия». Таким образом, Сергей Миронов выступает в качестве персонажа, связывающего сферу культуры и интеллигенции с политической сферой.

Сеть Геннадия Зюганова максимально дистанцирует его от всех остальных политических деятелей, фактически лишая его собственного круга упоминаний. То есть в сюжетах про Геннадия Зюганова он окружен персонажами из других партий, что видно на графе. В первой волне среди них преобладает также «Единая Россия».

Важно также отметить значительное количество упоминаний несистемной оппозиции и правых в сюжетах про Зюганова (соответственно 11 и 12 во второй волне). Таким образом, можно сказать, что Геннадий Зюганов выполняет роль «официальной оппозиции», его позиция всегда соседствует с позицией провластных партийных сил. Сетевой граф Владимира Жириновского свидетельствует о достаточно ограниченном наборе связей этого политика. То есть сюжеты о нем в значительной степени построены на упоминаниях в основном известных персонажей из политического спек-

тра, преимущественно из Государственной Думы (лидеры других партий, президент, премьер и т.д.). В этом смысле граф Жириновского менее всего выразителен.

Такая стратегия освещения демонстрирует, что Жириновский зачастую соседствует с Зюгановым, что, как мы знаем, является традиционным шаблоном «обзорного» репортажа государственных каналов, в котором коротко представлен обзор действий основных кандидатов в президенты, или основных лидеров партий на выборах, или основных лидеров парламентских фракций во время утверждения очередного закона.

Михаил Прохоров более активно присутствует на телеканалах во второй волне и характер его связей в первой волне вполне конъюнктурный (связи с Путиным, Медведевым, ключевыми политиками (рис. 23)). Во второй волне он действует как оппозиционный политик, фактически ближе связанный с оппозицией (упоминания лидеров несистемной оппозиции в сюжетах про него существенно больше), и у него есть собственная сеть персонажей, по отношению к которым он позиционируется. Таким образом, он действует как связующее звено между властью и несистемной оппозицией.

Усиление роли Прохорова вполне понятно. Если в первой волне он был обычным политиком без партии (тем не менее не исключенным из федеральной повестки дня), то во второй – кандидатом в президенты. В этом смысле интересно, что Прохоров после потери партии «Правое дело» (а это произошло на съезде задолго до выборов) не уходил с политической сцены. Более того, по упоминаниям он присутствует в политическом пространстве больше, чем представители «Правого дела». Понимая ситуацию на федеральных каналах, нужно сказать, что такое сохранение присутствия Прохорова было своего рода подготовкой к его выводу на политическую сцену уже в качестве кандидата в президенты.

Что касается связей Прохорова с оппозицией, об этом свидетельствует максимальное количество упоминаний оппозиционных политиков и активистов. Наконец, у Прохорова, как и у Миронова, много связей с представителями сферы культуры, науки и спорта.

Алексей Навальный в первой волне действует как вполне самостоятельный политик. Это единственный представитель несистемной оппозиции, о котором много сюжетов и которого окружают упоминания относительно большого и самостоятельного круга персонажей.

Во второй волне количество сюжетов с Навальным существенно меньше, а его связи с ведущими политиками существенно меньше. Фактически мы имеем дело с ситуацией, когда роли Прохорова и Навального меняются на противоположные во второй волне. То есть мы можем предполагать, что ответом федерального телевидения и правящей коалиции было замещение Прохоровым на президентских выборах протестной фигуры Навального.

Обратим также внимание на то, что в дискурсе сюжетов, где фигурирует Алексей Навальный, много ссылок на зарубежных лидеров (причем в первую очередь лидеров арабских государств: Асада, Мубарака и т.д.) в первой волне. Это свидетельствует о том, что протесты и движение за честные выборы, очевидно, сравнивались с гражданским активизмом в этих странах.

Некоторые персонажи, включенные нами в исследование, однако, не обнаружили значимого присутствия в телевизионных новостях, поэтому построение сетевых графов для них достаточно бессмысленно. Это такие представители «несистемной оппозиции», как Борис Немцов (1-й сюжет в первой волне и 11-й во второй), Илья Яшин и Геннадий Гудков (отсутствуют в телевизионных новостях), а также Сергей Удальцов, также насчитывающий около двух десятков сюжетов во второй волне. Однако у этого

политика по одному–двум упоминаниям ключевых персонажей, поэтому он не представляет значимого количественного интереса.

ВЫВОДЫ

В целом необходимо отметить, что результаты исследования свидетельствуют о двух принципиально разных стратегиях двух кампаний. Думская кампания представляла собой «борьбу маргиналов» против всеохватывающей партии «Единая Россия», кандидаты от которой и депутаты которой цитируются в дискурсе о любых кандидатах любых других партий. То есть стратегия репрезентации партии строится на ее сравнении со всеми остальными. При этом в целом в публичном поле в это время присутствовали фигуры из Государственной Думы, как будто происходило переутверждение одних и тех же депутатов на новый срок. Во второй волне мы имеем дело с абсолютно непартийным дискурсом, максимально дистанцированным от партийной принадлежности кандидатов в президенты.

Второе, что нужно отметить – это то, что произошел выход оппозиции в публичное поле, и остальные силы (кандидаты в президенты в первую очередь) позиционировались по отношению к этой оппозиции за исключением одного персонажа: кандидата в президенты В.В. Путина. Таким образом оппозиция противопоставлялась всем иным политическим силам, причем происходило это в первую очередь во второй волне, а не в первой. Таким образом сам по себе «беспартийный дискурс» президентской кампании противопоставлялся вполне партийному дискурсу несистемной оппозиции. Поэтому упоминания оппозиционных политиков и представителей несистемной оппозиции присутствуют почти у всех политиков, кроме Владимира Путина. Интересно также, что при этом в целом «правая карта» разыгрывается в том или ином виде всеми политиками. Следовательно, в значительной степени правые силы в лице Михаила Прохорова выступили своего рода буфером между несистемной оппозицией и системными партиями. Отчасти такую же роль выполняет Геннадий Зюганов. Таким образом, федеральные телеканалы создают пространство диссенсуса между политическими силами и несистемной оппозицией. В этом смысле протестные движения оказались как нельзя кстати для того, чтобы внести какое-то содержание в президентскую кампанию с предопределенным финалом.

Наконец, третий важный вывод касается роли представителей сферы культуры, науки и спорта. Фактически они выступают в роли «обслуживающего персонала» для политических дискурсов ведущих политиков (что затем щедро вознаграждается попаданием в Думу). В этом смысле продолжается дальнейшая депрофессионализация политики и деполитизация населения с последующей медиатизацией политической сферы.

БИБЛИОГРАФИЯ

Кирия, И. (2013). Социальные медиа как инструмент политической изоляции в России. В А. Г. Качкаева (Ред.), *Смеющаяся Нереволуция: Движения протеста и медиа (мифы, язык, символы)* (стр. 12-25). Москва: Фонд «Либеральная миссия».

Ван Дейк, Т. (2013). *Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке коммуникации*. Москва: Книжный дом «Либроком».

Etling, B., Alexanyan, K., Kelly, J., Palfrey, J., Faris, R., & Gasser, U. (2010). Public Discourse in the Russian Blogosphere. Mapping RuNet Politica and Mobilization. Berkman Center, Harvard University.

Даль, Р. А. (2010). Полиархия: участие и оппозиция. Москва: НИУ ВШЭ.

Hallin, D., & Mancini, P. (2004). Comparing Media Systems: Three Models of Media and Politics. Cambridge: Cambridge University Press.

Kiriya, I. (2012). Les réseaux sociaux comme outil d'isolation politique en Russie. ESSACHESS - Journal of communication studies , 5, 193-208.

Kiriya, I. (2012). The Culture of Subversion and Russian Media Landscape. International Journal of Communication , 6.

Koltsova, O. (2006). News media and power in Russia. London: Routledge.

Latour, B. (2005). Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory. New York: Oxford University Press.

McChesney, R. (2000). Rich Media, Poor Democracy: Communication Politics in Dubious Times. New York: The New Press.

McCombs, M., & Shaw, D. (1972). THE Agenda-Setting Function of Mass Media. Public Opinion Quarterly , 36 (2), 176-187.

Noelle-Neumann, E. (1984). The spiral of silence: Public opinion – our social skin, Chicago: The University of Chicago Press. Chicago: Chicago University Press.

Shoemaker, P. (1991). Gatekeeping. Newbury Park: Sage.

Прибыловский, В. (2006). Власть и СМИ в правление Путина. Хроника. В А. Верховский (Ред.), Демократия вертикали (стр. 68-103). Москва: Центр «Сова».

Political Consensus/ Dissensus at informational discourse of Russian television

KEYWORDS:

Russian television, elections in Russia, news, political powers, political protests, representation of protests.

ABSTRACT: The article analyses the specific connections between the political powers at television news during the protest movements in Russia in 2011-2012. This research can show the nuances of representation of political powers by news television and explains how this representation might provoke the radicalization of consensuses and dissensuses between them.

REFERENCES

Kiriya, I. (2013). Sotsial'nye media kak instrument politicheskoy izolyatsii v Rossii. V A. G. Kachkaeva (Red.), Smeyushchayasya Nerevoluytsiya: Dvizheniya protesta i media (mify, yazyk, simvoly) (str. 12-25). Moskva: Fond «Liberal'naya missiya».

Van Deyk, T. (2013). Diskurs i vlast'. Rerezentatsiya dominirovaniya v yazyke kommunikatsii. Moskva: Knizhnyy dom «Librokom».

ribylovskiy, V. (2006). Vlast' i SMI v pravlenie Putina. Khronika. V A. Verkhovskiy (Red.), Demokratiya vertikali (str. 68-103). Moskva: Tsentri «Sova».

Dal', R. A. (2010). Poliarkhiya: uchastie i oppozitsiya. Moskva: NIU VShE.

Hallin, D., & Mancini, P. (2004). Comparing Media Systems: Three Models of Media and Politics. Cambridge: Cambridge University Press.

Kiriya, I. (2012). Les réseaux sociaux comme outil d'isolation politique en Russie. ESSACHESS - Journal of communication studies , 5, 193-208.

Kiriya, I. (2012). The Culture of Subversion and Russian Media Landscape. International Journal of Communication , 6.

Koltsova, O. (2006). News media and power in Russia. London: Routledge.

Latour, B. (2005). Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory. New York: Oxford University Press.

McChesney, R. (2000). Rich Media, Poor Democracy: Communication Politics in Dubious Times. New York: The New Press.

McCombs, M., & Shaw, D. (1972). THE Agenda-Setting Function of Mass Media. Public Opinion Quarterly , 36 (2), 176-187.

Noelle-Neumann, E. (1984). The spiral of silence: Public opinion – our social skin, Chicago: The University of Chicago Press. Chicago: Chicago University Press.

Развитие права доступа к официальной информации в Латинской Америке в соответствии с прецедентным правом Межамериканского суда по правам человека

ПЕРЛИНЖЕЙРУ Р.

Профессор юридического факультета Федерального университета Флуминенсе (Нитерой, Рио-де-Жанейро). Федеральный апелляционный судья (Desembargador Federal) Федерального регионального суда 2-го региона (Рио-де-Жанейро). Автор благодарит за комментарии Габриеля Рибейру Перлинжейру Мендос, Рейли Сампайо и Витора Габриеля Гонсалвеса, студентов юридического факультета Федерального университета Флуминенсе.

АНДРЮЩЕНКО Е.

(переводчик)

К.ю.н., магистр юриспруденции (НИУ ВШЭ), LL.M (Riga Graduate School of Law).

КЛЮЧЕВЫЕ

СЛОВА:

доступ к информации, права человека, Латинская Америка

АННОТАЦИЯ: данный текст представляет собой дескриптивный анализ декларации принципов доступа к информации, сформулированной Межамериканским судебным комитетом Организации американских государств на основе прецедентного права Межамериканского суда по правам человека, консолидированного в Модельный межамериканский закон о доступе к публичной информации, включая следующие принципы: концепция права на информацию; объем права на информацию; проактивное раскрытие информации, административный запрос информации; ограничения доступа к информации; демонстрация выполнения необходимых условий для отказа в доступе к информации; административный процесс; административные и уголовные наказания; содействие реализации и реализация права на информацию.

¹ Статья основана на материалах доклада "Принципы доступа к информации в Латинской Америке" (Access in Latin America) на 4-м коллоквиуме "Luso-Brasileiro Direito e Informação" [Португальско-Бразильское Право и Информация], прошедшем в Университете Порту, Португалия, 18 марта 2016 г., и на выступлении на Круглом столе «Нормативное правовое обеспечение развития информационного общества» на VIII Международном IT-Форуме с участием стран БРИКС, Ханты-Мансийск, Россия, 8-9 июня 2016.

Межамериканский суд по правам человека¹ в своем решении по делу *Claude Reyes et al. v. Chile* 2006 года признал существование права на доступ к официальной информации, т.е. права запрашивать и получать находящуюся в распоряжении государства информацию, на основании статьи 13 Американской конвенции о правах человека, регулирующей свободу мысли и слова². Приняв это решения, МАСПЧ стал первым международным судом, признавшим, что право на доступ к официальной информации является фундаментальным правом человека³.

Следующий существенный шаг был сделан в 2008 году⁴, когда принципы права на доступ к информации были утверждены Межамериканской юридической комиссией (Inter-American Juridical Committee, IAJC) Организации американских государств (Organization of American States), далее - ОАГ⁵.

В 2010 году⁶ Генеральной ассамблеей ОАГ был утверждён Модельный межамериканский закон о доступе к публичной информации⁷, в котором были воплощены как рекомендации из указанного решения Межамериканского суда по правам человека, так и принципы доступа к информации, предложенные Межамериканской юридической комиссией.

Я собираюсь показать определённые принципы, провозглашенные Межамериканской комиссией и находящиеся где-то посередине между прецедентным правом Межамериканского суда и Модельным межамериканским законом ОАГ, чтобы прояснить латиноамериканские тенденции в праве на доступ к официальной информации.

Понятие права на информацию

По мнению Межамериканской юридической комиссии ОАГ, «доступ к информации является фундаментальным правом человека, в двойном смысле – индивидуальном и социальном, которое устанавливает, что любой человек может иметь доступ к информации, которой располагают органы публичной власти, кроме лишь ограниченного перечня исключений, совместимых с демократическим устройством общества и соразмерных интересам, для защиты которых они установлены»⁸.

Универсальность права на информацию закреплена в Модельном межамериканском законе о доступе к информации, обеспечивающем возможность запрашивать информацию анонимно и без обоснования причины своих запросов, в соответствии

¹ Межамериканский суд по правам человека – это независимый судебный институт, расположенный в городе Сан-Хосе, в Санта-Рике. Вместе с Межамериканской комиссией по правам человека он образует систему защиты прав человека Организации американских государств (ОАГ), которая служит для поддержания и укрепления основных прав и свобод человека в Северной и Южной Америке. Организация американских государств создала Суд в 1979 году для обеспечения соблюдения и толкования положений Американской конвенции о правах человека. Таким образом, его две основные функции – это судебная и консультативная. В рамках первой из них, он слушает и разрешает конкретные дела по нарушениям прав человека, поступившие к нему. В рамках последней, он выдает заключения по вопросам правового толкования, которые ставят перед ним другие органы ОАГ или государств-членов. Судебная функция требует от Суда вынесения решений по поданным в него искам, в которых государство-участник Конвенции, признавшее таким образом юрисдикцию Суда, обвиняется в нарушении прав человека. В дополнение к ратификации Конвенции, государство-участник должно добровольно подчиниться юрисдикции Суда, чтобы он имел компетенцию рассматривать дела с участием этого государства. Признание юрисдикции Суда по таким спорам может быть дано на бланкетной основе: на сегодняшний день, так сделали Аргентина, Боливия, Бразилия, Чили, Колумбия, Коста-Рика, Доминиканская Республика, Эквадор, Сальвадор, Гватемала, Гаити, Гондурас, Мексика, Никарагуа, Панама, Парагвай, Перу, Суринам, Уругвай и Венесуэла. В качестве альтернативы, государство может согласиться на юрисдикцию Суда в только конкретном, индивидуальном случае.

² Межамериканский суд по правам человека, дело *Claude-Reyes et al. v. Chile* (решение суда от 19 сентября 2006 г)

³ Межамериканская комиссия по правам человека, 2015. С. 22.

⁴ Межамериканская юридическая комиссия. Принципы права на доступ к информации, 2008. См. также: Mendel, 2009. С. 13.

⁵ Межамериканская юридическая комиссия (Inter-American Juridical Committee, IAJC), имеющая штаб-квартиру в Рио-де-Жанейро, является одним из органов, посредством которых Организация американских государств (ОАГ) реализует свои цели. Комиссия выполняет в Организации функции консультативного органа по юридическим вопросам международной природы и содействует прогрессивному развитию и кодификации международного права.

⁶ Организация американских государств. Модельный межамериканский закон о доступе к публичной информации, 2010.

⁷ Модельный межамериканский закон о доступе к публичной информации является правовой основой, необходимой для обеспечения права на доступ к информации; вместе с ним действует Руководство по реализации Модельного закона для обеспечения дорожной карты, необходимой для практической реализации функций закона. Окончательные варианты обоих документов были утверждены в марте 2010 года и представлены Комитету по юридическим и политическим вопросам Постоянного совета в апреле 2010 года. Постоянный совет в мае 2010 года представил резолюцию и текст Типового закона на 40-ой очередной сессии Генеральной Ассамблеи, состоявшейся в июне 2010 года, которая приняла резолюцию по Модельному закону AG / RES 2607 (XL-O / 10), полный текст которого прилагался к резолюции, и через Департамент международного права поручила Генеральному секретариату оказывать поддержку государствам-членам, которые обратятся с такой просьбой, в разработке, принятии и оценке их собственных регламентов и положений по обеспечению доступа граждан к публичной информации. Модельный закон был основан на предшествующих усилиях, которые ОАГ приняла для продвижения права на доступ к информации, в том числе на Совместных рекомендациях о доступе к информации [CP / SAJP-2599/08], которые предоставляют подробную информацию о праве на доступ к информации, а также концепцию и рекомендации для законодателя, а также на отчете по социологическому исследованию (опросу) «Законодательство и передовые практики Комиссии по юридическим и политическим вопросам о доступе к публичной информации» [CP / SAJP-2608/08], в котором содержатся ответы представителей государств и гражданского общества на вопросы, а также рекомендации от общественных гражданских организаций. Кроме того, Межамериканский Модельный закон и Руководство по реализации этого закона включают принципы, изложенные Межамериканским судом по правам человека в деле *Клод Рейе проти. Чили*, а также Принципы доступа к информации, принятые Межамериканской юридической комиссией [CJI / RES. 147 (LXXIII-O / 08)].

⁸ Принципы права на доступ к информации, п.1 Резолюции.

с позицией Межамериканского суда, что «контроль государства со стороны гражданского общества, являющийся целью предоставления доступа к информации, находящейся в распоряжении государства, и природа запрашиваемой информации являются достаточным основанием для удовлетворения запроса о предоставлении информации, не требуя от заявителя доказать наличие конкретного интереса или непосредственную вовлеченность»⁹.

Объем права на информацию

Межамериканская юридическая комиссия утверждает: «Право на доступ к информации относится ко всем органам публичной власти, включая исполнительную, законодательную и судебную ветви всех уровней; правительство; органы, учрежденные конституцией или законами; органы, относящиеся к правительству или контролируемые им; организации, относящиеся к правительству или контролируемые им, а также организации, распоряжающиеся общественными средствами или выполняющие публичные функции»¹⁰.

Проактивное раскрытие

По мнению Межамериканской юридической комиссии, «органы публичной власти должны распространять информацию о своих функциях и деятельности — включая информацию об их политике, возможностях получить консультацию, деятельности, затрагивающей интересы членов общества, их бюджете и субсидиях, благах и контрактах — на постоянной и проактивной основе, даже в отсутствие конкретного запроса, чтобы обеспечить, что эта информация является доступной и понятной»¹¹.

Глава II Модельного межамериканского закона в статьях с 9 по 14 подробно описывает процедуру и состав информации, проактивно распространяемой органами власти, включая публичную политику и предупреждение, что «никто не может быть подвергнут каким-либо ограничениям в связи с применением положений, которые не были раскрыты»¹².

Административный запрос

Руководящим является принцип, что «должны быть установлены ясные, честные, недискриминационные и простые правила обработки запросов о предоставлении информации. Эти правила должны включать ясные и обоснованные сроки, предоставление помощи запрашивающим информацию, бесплатный доступ или доступ за плату, не превышающую стоимости копирования и пересылки информации, и требование, что если в доступе отказано, обоснование, включая конкретные причины отказа, должно быть предоставлено своевременно»¹³.

Ограничения доступа к информации

По мнению Межамериканской юридической комиссии, «исключения из права на доступ должны быть установлены статутами (законами), должны быть ясными и узкими»¹⁴ с оговоркой, что обычные стандарты и правила, такие как регламенты, не считаются «законом» для целей этой нормы¹⁵. Межамериканский суд объясняет цель такого определения закона следующим образом: «чтобы гарантировать, что ограничения права на информацию не устанавливаются органами публичной власти произвольно, любые такие ограничения должны быть определены заранее статутом

9 Ст.ст. 5(d), 5(e) Главы I Модельного межамериканского закона о доступе к информации.

10 Принципы права на доступ к информации, п.2 Резолюции.

11 Принципы права на доступ к информации, п.4 Резолюции.

12 Ст. 12(b) и ст. 13(1), (2) Модельного межамериканского закона о доступе к информации.

13 Принципы права на доступ к информации, п.5 Резолюции.

14 Принципы права на доступ к информации, п.6 Резолюции.

15 Сходный принцип обнаруживается в праве Германии: Grundsatz des Vorbehalts des Gesetzes. Межамериканский суд по правам человека. Слово «законы» в Американской конвенции о правах человека. Консультативное мнение OC-6/86 от 9 мая 1986, пп. 26-29.

(законом)»¹⁶

Более того, следует указать, что в Колумбии Конституционный суд постановил, что «общие или неясные нормы, которые могут в результате стать своего рода генеральным разрешением органам власти хранить в секрете любую информацию по своему усмотрению, являются неконституционными»¹⁷.

Модельный межамериканский закон определил четыре параметра ограничений на доступ к информации: а) применение принципа пропорциональности, т. е. в секрете может храниться только та информация, которая абсолютно необходима для защиты правомерных интересов государства в секретности¹⁸, б) всегда, когда это возможно, должно производиться частичное раскрытие информации, скрывающее только ту информацию, которая заслуживает секретности¹⁹, в) исключения из правила, основанные на нарушении публичных интересов, не могут применяться ни к каким документам, созданным более чем 12 лет назад, и любое продление этого периода должно быть одобрено Информационной комиссией и ограничено следующими 12 годами²⁰, г) исключения, основанные на нарушении публичных или частных интересов, не могут применяться в случаях серьезных нарушений прав человека или преступлений против человечества²¹.

Демонстрация выполнения условий предоставления исключений из правил о доступе к информации

Согласно позиции Межамериканского суда, бремя опровержения презумпции обязанности органа публичной власти раскрыть информацию лежит на этом органе. Он должен продемонстрировать и доказать, что фактические и юридические условия предоставления исключений из правила выполнены²².

В деле *Gomes Lund et al. (Guerrilha do Araguaia) v. Brazil* Межамериканский суд решил, что Государство «...должно представить обоснование своего отказа предоставить информацию, продемонстрировав, что оно приняло все доступные ему меры, чтобы доказать, что не существует способа предоставить запрошенную информацию [...]»²³.

(Внесудебная и судебная) процедура

Согласно позиции Юридической комиссии, «любому гражданину должно быть предоставлено право обжаловать в административный орган любой отказ или любое воспрепятствование доступу к информации и обжаловать решения такого органа в суде»²⁴.

Модельный закон предоставляет гражданам три различных способа защиты своего права на информацию: а) внутриведомственная апелляция или запрос о пересмотре решения, адресованные органу, отказавшему в праве на информацию, в качестве необязательной предварительной меры перед применением других механизмов оспаривания решения, б) внешняя апелляция, адресованная органу, отличному от

16 Межамериканский суд по правам человека, дело *Claude-Reyes et al. v. Chile* (решение суда от 19 сентября 2006 г.), п. 89.

17 Конституционный суд Республики Колумбия, *Sentencia C 491/07, Expediente D 6583* (решение от 27 июня 2007), *Legal Basis 11*.

18 Ст. 44 Модельного межамериканского закона о доступе к информации.

19 Ст. 42 Модельного межамериканского закона о доступе к информации.

20 Ст. 43 Модельного межамериканского закона о доступе к информации.

21 Ст. 45 Модельного межамериканского закона о доступе к информации.

22 Межамериканский суд по правам человека, дело *Claude-Reyes et al. v. Chile* (решение суда от 19 сентября 2006 г.), пп. 93, 159.

23 Межамериканский суд по правам человека, дело *Gomes Lund et al. (Guerrilha do Araguaia) v. Brazil* (решение суда от 24 ноября 2010 г.), п. 211.

24 Принципы права на доступ к информации, п.8 Резолюции.

органа, отказавшего в праве на информацию, в качестве обязательной предварительной меры перед судебным надзором, в) судебный надзор²⁵.

Ещё одним институтом фундаментальной важности, предусмотренным Модельным законом, но реализованным лишь небольшой частью латиноамериканских стран, была Информационная комиссия как независимый и автономный внесудебный орган, целью которого является повышение эффективности доступа к официальной, нормативной и исполнительной информации, включая функцию внесудебного разрешения споров по жалобам на решения об отказе в доступе к информации²⁶.

В последнее время наблюдается тенденция, хотя и находящаяся в зародышевом состоянии, создавать независимые органы по доступу к информации. В Латинской Америке, однако, есть только четыре примера надзорных органов, которые пользуются достаточной независимостью, гарантированной установленными законом прерогативными правами: Consejo de Transparencia (Совет прозрачности)²⁷ в Чили; Instituto de Acceso a Información Pública (Институт доступа к публичной информации)²⁸ в Сальвадоре; Instituto de Comisários (Институт комиссионеров)²⁹ в Гондурасе и Organismos Garantes (надзорные агентства)³⁰ в Мексике.

Таким образом, новая тенденция создавать надзорные органы по доступу к информации, наделенные прерогативой независимой деятельности, в Латинской Америке имела лишь слабый отклик. Это связано с тем, что континентально-европейская правовая культура, в которой берет свое начало латиноамериканское административное право, несовместима с системой квази-судебных административных органов или административных трибуналов, типичных для стран общего права³¹.

Административное и уголовное наказание

Модельный межамериканский закон о доступе к информации закрепляет принцип, что «любое лицо, которое умышленно отказывает или препятствует доступу к информации в нарушение правил, гарантирующих указанное право, должно быть подвергнуто наказанию»³² и добавляет, что «умышленное уничтожение или изменение документов после того, как они стали предметом запроса о предоставлении информации, является уголовно наказуемым деянием»³³.

Развитие и реализация права на информацию

Государства обязаны развивать культуру доступа к информации, принимать меры для обеспечения надлежащей реализации доступа к информации, и изменять свои законы так, как это необходимо для защиты права на информацию³⁴.

- 25 Ст.ст. 46-52 Модельного межамериканского закона о доступе к информации.
- 26 Ст.ст. 54-63 Модельного межамериканского закона о доступе к информации. См.: Mendel 2007, с. 9. См. также: Snell 2007, с. 29.
- 27 Ст. 31-44 Закона Чили № 20.285 от 11 июля 2008 О доступе к информации (Ley sobre acceso a la información pública).
- 28 Ст. 51-60 Декрета Сальвадора № 534 от 3 марта 2011 О доступе к информации (Ley de Acceso a la Información Pública).
- 29 Ст. 8-11 Законодательного декрета Гондураса № 170 от 30 декабря 2006 О доступе к информации (Ley de Transparencia y Acceso a la Información Pública).
- 30 Ст.ст. 8.III e IV, 30, 37-42 Закона Мексики от 4 мая 2015 О доступе к информации (Ley General de Transparencia y Acceso a la Información Pública).
- 31 См. подробнее: Perlingeiro 2016.
- 32 Принципы права на доступ к информации, п.9 Резолюции.
- 33 Ст.ст. 64-66 Модельного межамериканского закона о доступе к информации.
- 34 Принципы права на доступ к информации, п.10 Резолюции.

Более того, согласно позиции Межамериканского суда, **недостаточная подготовка органов публичной власти по данному вопросу, особенно в части внедрения рекомендованных конвенцией ОАГ критериев для системы исключений**, показывает, что органы власти пренебрегают своими обязанностями защищать право на доступ к информации. Поэтому государства обязаны своевременно обеспечить своим органам, публичным органам, агентствам и органам власти надлежащую юридическую подготовку³⁵.

Заключительные соображения

В целом, законодательство и прецедентное право латиноамериканских стран (по крайней мере, бывших иберийских колоний, являющихся участниками Американской конвенции о правах человек) соответствует Декларации принципов Межамериканской юридической комиссии Организации американских государств (ОАГ) и Модельному межамериканскому закону о доступе к информации, который систематизирует и кодифицирует прецедентное право Межамериканского суда по правам человека.

Признание права на информацию фундаментальным правом, как было задумано Межамериканской юридической комиссией в свете прецедентного права Межамериканского суда, укоренилось в латиноамериканских правовых системах и является ключевым фактором обеспечения реализации прочих принципов, рекомендованных ОАГ законодателями, органами власти и судьями.

Тем не менее, стоит обратить внимание на два процедурных вопроса, связанных с правом на информацию, которые было бы проще решить в политической, нежели в правовой сфере.

Первый вопрос, осложняющий применение принципа надлежащей реализации доступа к информации, связан с **нечеткими понятиями**, описывающими исключения из права на доступ к информации, допускающими интерпретацию по усмотрению гражданских служащих, не имеющих достаточного юридического образования и не дающих гарантий беспристрастности в своих действиях. С учетом верховенства фундаментальных прав, гражданские служащие должны действовать в соответствии с конституционными принципами, регулирующими доступ к информации, даже в случаях, когда положения законов, которые могли бы дать им указания, недостаточны. Однако поскольку у них зачастую нет юридического образования, им не хватает как когнитивных способностей, так и доверия, необходимых для надлежащего рассмотрения таких дел.

Второй вопрос связан с принципом защиты права на информацию в отношении прерогативы независимости административных органов, ответственных за рассмотрение жалоб на решения об отказе в доступе к информации. Предложение, содержащееся в Модельном межамериканском законе, принятое только четырьмя латиноамериканскими странами (Чили, Сальвадор, Гондурас и Мексика), содержит следы квази-судебных органов власти и закрытого судебного надзора, типичных для административного права стран общего права, что осложняет дело в Латинской Америке с ее гражданско-правовой традицией.

Это означает, что для эффективного развития демократического надзора над органами публичной власти в части доступа к информации (имеющего необъятную важность в нынешнем политическом и экономическом контексте латиноамериканских стран) совместимость национального законодательства и принципов ОАГ не может быть ограничена декларациями прав и обязанностей в области доступа к информации. Пересмотр институциональных гарантий права на информацию также имеет **первостепенную важность**.

35 Межамериканский суд по правам человека, дело Claude-Reyes et al. v. Chile (решение суда от 19 сентября 2006 г.), п.п. 164 и 165.

БИБЛИОГРАФИЯ

Asimow, M. (2015). Пять моделей административного обжалования [Five Models of Administrative Adjudication]. *Forthcoming American Journal of Comparative Law*, 63, 3-31. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2502210. (дата обращения: 13.02.2016).

Конституционный Суд Республики Колумбия (Corte Constitucional de la República de Colombia), Sentencia C 491/07, Expediente D 6583 (решение от 27 июня 2007). URL: <http://www.corteconstitucional.gov.co/relatoria/2007/C-491-07.htm> (дата обращения: 13.02.2016).

Межамериканский суд по правам человека. Слово «законы» в Американской конвенции о правах человека. Консультативное мнение OC-6/86 от 9 мая 1986. URL: http://www.corteidh.or.cr/docs/opiniones/seriea_06_ing.pdf (дата обращения: 14.02.2016).

Межамериканский суд по правам человека, Case of Claude-Reyes et al. v. Chile (решение от 19 сентября 2006). URL: http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_151_ing.pdf (дата обращения: 02.01.2016).

Межамериканский суд по правам человека, Case of Gomes Lund et al. (Guerrilha do Araguaia) v. Brazil (решение от 24 ноября 2010). URL: http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_219_ing.pdf (дата обращения: 14.05.2016).

Межамериканская юридическая комиссия (2008). Принципы права на доступ к информации [Principles on the right of access to information]. CJI/RES. 147 (LXXIII O/08). URL: http://www.oas.org/cji/eng/CJI-RES_147_LXXIII-O-08_eng.pdf (дата обращения: 04.05.2016).

Mendel, T. (2007). Доступ к информации: существующий порядок вещей в мире [Access to Information: The Existing State of Affairs Around the World] // In Villanueva, E. (Ed.), [Derecho de la información] (pp. 3-12). Mexico: UNAM.

Mendel, T. (2009). Право на информацию в Латинской Америке: сравнительно-правовой анализ [El derecho a la información en América Latina - Comparación Jurídica]. Ecuador: UNESCO. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0018/001832/183273s.pdf> (дата обращения: 02.01.2016).

Organization of American States (2010). Model Inter-American Law on Access to Public Information. AG/RES. 2607 (XL-O/10). URL: https://www.oas.org/dil/AG-RES_2607-2010_eng.pdf (дата обращения: 02.01.2016).

Perlingeiro, R. (2016). Историческая перспектива административной юстиции в Латинской Америке: континентально-европейская традиция против влияния США [A Historical Perspective on Administrative Jurisdiction in Latin America: Continental European Tradition vs. US Influence]. *British Journal of American Legal Studies*, 5(1). <http://ssrn.com/abstract=2592418> (дата обращения: 06.05.2016).

Snell, R. (2007). Использование сравнительных исследований с целью улучшения свободы анализа информации. Выводы Австралии, Канады и Новой Зеландии [Using

comparative studies to improve freedom of information analysis. Insights from Australia, Canada and New Zealand] / E. Villanueva (Ed.) Derecho de la información (pp. 13-52). Mexico: UNAM. URL: http://ricksnell.com.au/Articles/Snell_Mexico_2005.pdf (дата обращения: 10.05.2016).

Информационная, цифровая, новостная... (исследование уровня медиаграмотности студентов НИУ ВШЭ)

КАЧКАЕВА А.Г.

кандидат филологических наук,
профессор департамента медиа
НИУ ВШЭ
akachkaeva@hse.ru

КОЛЧИНА А.С.

кандидат филологических наук,
старший преподаватель департа-
мента медиа НИУ ВШЭ
akolchina@hse.ru

ШОМОВА С.А.

доктор политических наук,
профессор департамента медиа
НИУ ВШЭ
sshomova@hse.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

медиаобразование,
медиаграмотность,
новостная грамот-
ность, новость

АННОТАЦИЯ: Новостная грамотность – одно из наиболее актуальных и пока недостаточно известных в России направлений современного медиаобразования. В статье рассматриваются результаты исследования, проведенного в НИУ ВШЭ и посвящённого динамике медиаповедения студентов до и после изучения курса новостной грамотности.

Медиа в контексте педагогических проблем (хотя тогда этот термин не использовался в его современном значении) в СССР начали изучать еще в 1960-е годы XX века. Однако медиаобразование как попытка важнейшего общедемократического и гуманистического направления педагогики и общественного развития появляется в новой России только в начале 1990-х гг. [об эволюции отечественных подходов к проблемам медиаобразования см., например: Федоров, 2009, 2015]. Однако медиаобразование как попытка важнейшего общедемократического и гуманистического направления педагогики и общественного развития появляется в новой России только в начале 1990-х гг. Исторически понятно, почему развитие медиаобразования не получало официальной поддержки в советские времена: система была заинтересована в том, чтобы массовая аудитория (как взрослая, так и школьно-студенческая) как можно меньше задумывалась по поводу целей и задач создания того или иного (особенно «государственно значимого») медиатекста. Отсутствие медиаграмотной публики всегда открывало широкий простор для манипуляций в СМИ.

После перестройки утверждение идей медиаграмотности осложнялось из-за следующих факторов: опасения исследователей рассматривать медиаобразование через принятые в зарубежной практике «идеологические» теории (например, Л. Мастермана [Masterman, 1985]); позиции школьных учителей, получивших постсоветскую травму «негативной идентичности» и часто трактующих коммерческие медиа новой России исключительно как «источник безнравственности и насилия»; невнимания самой медиаиндустрии и ее исследователей к осмыслению, и выработке подходов в этой междисциплинарной области.

Деятельность нескольких педагогических локальных школ, Ассоциации кинообразования и медиапедагогики России, Ассоциации специалистов медиаобразования получила новый импульс в результате сотрудничества с программой ЮНЕСКО «Информация для всех» и Московским Бюро ЮНЕСКО при поддержке Федерального

Агентства по печати и массовым коммуникациям. Но все эти усилия пока не привели к принятию масштабной программы в области медиаобразования и не помешали укреплению «охранительного» (часто трактуемого исключительно в контексте информационной безопасности государства) вектора в развитии медиаграмотности, который обозначился (и актуализировался из-за массового развития интернета и социальных сетей) к концу 2000-х гг.

Многие российские исследователи и педагоги и сегодня не видят особой разницы между медиаобразованием и использованием информационных технологий, дистанционного обучения, медийной техники в учебном процессе, то есть до сих пор не существует строгого водораздела между изучением медиа и обучением с помощью медиа. В школах, как правило, медиаобразование понимается как создание школьных СМИ. Между тем медиаобразование в современном контексте давно перестало быть всего лишь технологическим или педагогическим феноменом, связанным с применением медиа в образовательных целях. Сегодня медиаграмотность начинает рассматриваться как академическая дисциплина в контексте «медиаэкологической» теории (Маклюэн, Инис, Постман и другие [см., например: Маклюэн, 1992; Innis, 1951; Postman, 1985]). Современное же медиаобразование – это широкий круг направлений деятельности, целый комплекс различных типов грамотности (цифровой, информационной и т.д.), и в том числе такие новые для России векторы развития и направления обучения, как News Literacy (новостная грамотность). Под новостной грамотностью понимается способность человека эффективно использовать навыки критического мышления, чтобы судить о достоверности, степени надежности и сбалансированности информации, поступающей из новостных сообщений (прессы, радио, телевидения или Интернета).

Первый в России курс по новостной грамотности был разработан на факультете медиакоммуникаций НИУ ВШЭ в 2013 году (идея курса была предложена центром новостной грамотности американского университета Стони Брук [см. подробнее материалы соответствующего Центра новостной грамотности www.centerfornewsliteracy.org]). Учебный план включает в себя лекции и семинары и рассчитан на два модуля (62 академических часа). В 2013-2016 гг. курс прошли более двухсот студентов-бакалавров, изучающих журналистику (возраст 17-20 лет). А в 2015 году дисциплина начала преподаваться в рамках майнора для бакалавров самых разных направлений подготовки: социологов, юристов, психологов, экономистов, специалистов в области бизнес-информатики.

Курс, в том числе, охватывает темы: «Новость в историческом контексте»; «Новости в современном социуме: закономерности производства, распространения и потребления»; «Способы анализа, декодирования и деконструкции новостных сообщений»; «Методики оценки источников информации»; «Анализ аудиовизуальных текстов и развлекательного контента» и иные. Задачей авторов курса было показать, что новостная грамотность в значительной степени развивает «критическое мышление» и «критическую автономию» аудитории, а медиаграмотность (формально введенная в 2013 году Министерством связи и массовых коммуникаций России в число приоритетных направлений развития медиаотрасли страны) должна стать частью экосистемы медиа и самого общества.

Исследование, отдельные результаты которого представлены в данной статье, было проведено, чтобы оценить, какой именно результат дала реализация курса в среде студентов-журналистов. Итоги этого исследования, реализованного на факультете в 2014-2015 гг., подтверждают не только академическую, но и вполне прикладную пользу курса новостной грамотности. При этом в исследовании частично затрагивались различные аспекты широкого и комплексного понятия «медиаграмотность»:

часть вопросов была связана с работой с информацией (информационная грамотность), часть касалась владения цифровыми и иными медиаустройствами (азы цифровой грамотности)... Однако, безусловно, в центре исследования находились понятие новости и новостная грамотность в целом.

В рамках исследования были проведены опросы в двух референтных группах: в группе первого курса (далее Group 0), еще не изучавшей новостную грамотность, и в группе второкурсников (далее Group 1), уже закончивших обучение дисциплине. На данный момент обработано по 50 анкет из каждой группы; сбор анкет и их обработка продолжаются на других курсах, обучающихся по данной дисциплине.

Гипотезой исследования стало следующее предположение: до и после прохождения курса по новостной грамотности уровень критического осмысления новостей меняется и в том числе, повышается тенденция к построению более сложных представлений об окружающей реальности.

Вопросы были разделены на несколько категорий: владение медиаустройствами; распространенность различных каналов получения новостей; доверие к различным источникам информации. В отдельный блок были выделены вопросы по этике, миссии и функциям журналистики. Основные методы исследования: анкетирование и сравнительный анализ. Для обработки данных мы использовали программное обеспечение Software Statistica v.10. В ходе исследования было вычислено, есть ли статически значимая разница в ответах студентов до и после прохождения курса. Гипотеза о связи и различиях между признаками (ответами на вопросы) устанавливалась с помощью двустороннего критерия Фишера.

Сразу отметим, что в группе первого курса, еще не изучавшей новостную грамотность, и в группе второкурсников, уже закончивших обучение дисциплине, отношение к ключевым понятиям новостной грамотности существенно отличается. При этом курсы не различаются по региональному составу. Можно выделить следующие основные тенденции, которые были выявлены в ходе исследования.

Студенты первого курса, не изучавшие курс, отмечают, что практически каждый день смотрят телевизионные новости и читают новости в Интернете. Практически все отмечают, что узнают о новостях в стране и мире из новостей федеральных каналов. Обычно студенты этой группы не проверяют новости в нескольких источниках и привыкли полностью доверять той информации, которую получают. Почти все студенты указали, что знают как минимум один иностранный язык, но никто не написал, что постоянно читает новости в зарубежных источниках. В группе, которая прошла курс, наблюдается тенденция к сокращению процента студентов, не проверяющих информацию; студенты начинают пользоваться зарубежными источниками (читают новости на английском, немецком, французском и других языках).

Важным источником информации для студентов становятся социальные сети. Статистически значимых различий в ответах студентов до и после прохождения курса по данному критерию не выявлено, но есть заметная тенденция: после курса студенты больше доверяют информации в социальных сетях (в комментариях к вопросу они отмечают, что больше всего доверяют facebook).

ТАБЛИЦА 1

Доверяете ли информации в социальных сетях? (0 – не доверяю; 1 – частично доверяю; 2 – доверяю)

Group_0_1	S7_Do you trust information from Social Media? 0	S7_Do you trust information from Social Media? 1	S7_Do you trust information from Social Media? 2	Row Totals	
Count	17	28	5	50	
Row Percent	34,00%	56,00%	10,00%		
Count	12	22	12	46	
Row Percent	26,09%	47,83%	26,09%		
Count	All Grps	29	50	17	96

ТАБЛИЦА 2

Каким источникам информации Вы более всего доверяете в освещении новостей в стране и мире? (0 – никому не доверяю; 1- доверяю радио; 2 – доверяю Интернету; 3 – доверяю социальным сетям; 4 – доверяю другим источникам; 5 – доверяю западным источникам)

ТАБЛИЦА 3

Как часто при просмотре телепередач, прослушивании радио, чтении газет и журналов у вас складывалось ощущение, что вас обманывают – дают заведомо ложную, непроверенную информацию или пытаются навязать вам определенную точку зрения? (0 - почти никогда; 1 – иногда; 2 – почти всегда)

Студентам предлагалось ответить на вопрос, как они относятся к выкладыванию информации в социальных сетях. Выявлены статистически значимые различия в распределении студентов до и после прослушивания курса. Было доказано, что существует связь между обучением и количеством информации, выкладываемой студентами. На наш взгляд, это может свидетельствовать, в частности, о том, что студенты после курса становятся более «открытыми», медиапространство становится для них более понятным и менее угрожающим (хотя, разумеется, остается вопрос о влиянии других факторов на изменение медиаповедения студентов)

Число студентов, не доверяющих новостям, меняется с 4 до 32% – до и после курса. Это свидетельствует о том, что развивается навык критического мышления.

Group	S3_trusting different information sources_Q4 0	S3_trusting different information sources_Q4 1	S3_trusting different information sources_Q4 2	S3_trusting different information sources_Q4 3	S3_trusting different information sources_Q4 4	S3_trusting different information sources_Q4 5	Row Totals
Count	10	32	8	10	10	6	50
Row Percent	20,00%	64,00%	16,00%	20,00%	20,00%	12,00%	
Count	1	27	18	1	2	2	46
Row Percent	2,17%	58,70%	39,13%	2,17%	4,35%	4,35%	
Count	All Grps	11	59	26	11	8	96

Выявлена статистически значимая связь в распределении студентов до и после курса по степени критической оценки информации из разных источников; практически не остается студентов, которые доверяют новостям безоговорочно (такой показатель снижается с 20 до 2%). (См. Приложение: Таблица 3). При этом число тех студентов, которые, как они полагают, могут обнаружить фейковую и непроверенную информацию, возрастает более чем в два раза. Снижается количество студентов, которые считают, что есть один источник, которые удовлетворяет их потребностям. Пятьдесят процентов студентов на первом курсе получают информацию только из сети Интернет; на старшем курсе этот показатель увеличивается до 59%. Также увеличивается процент людей, читающих новости только в ленте социальных сетей; в то же время уменьшается число студентов (с 20 до 6 %), которые указывают в качестве двух источников: телевидение и Интернет. Это происходит, по нашему мнению, за счет падения интереса и доверия к телевизионным новостям. Изменяется распределение слушателей по различным радиостанциям среди студентам.

Group_0_1	S3_trusting different information sources_Q4 0	S3_trusting different information sources_Q4 1	S3_trusting different information sources_Q4 2	Row Totals	
Count	10	32	8	50	
Row Percent	20,00%	64,00%	16,00%		
Count	1	27	18	46	
Row Percent	2,17%	58,70%	39,13%		
Count	All Grps	11	59	26	96

Наблюдается тенденция снижения процента студентов, которые «легко находят информацию»; в процессе изучения курса они начинают понимать, что это достаточно сложный процесс. Статистически значимых различий не выявлено, но наблюдается тенденция к снижению количества слушателей, которые считают, что рекламу и пропаганду определить легко. Вырабатывается своего рода «иммунитет» к манипулятивным техникам современных медиа; студенты начинают критически осмысливать информацию, появляется понимание того, какой серьезной профессией они собираются заниматься и какую ответственность на себя берут.

ТАБЛИЦА 4

«Я легко определяю, какая информация содержит в себе пропаганду» (согласен/ частично согласен / не согласен)

Summary Frequency Table (2015_HSE_AK_work)				
Marked cells have counts > 10 (Marginal summaries are not marked)				
Group_0_1	S4_Opinions_Q5 0	S4_Opinions_Q5 1	S4_Opinions_Q5 2	Row Totals
Count	0	5	1	44
Row Percent	10,00%	2,00%	88,00%	
Count	1	8	0	38
Row Percent	17,39%	0,00%	82,61%	
Count	All Gips	13	1	82

Проанализировав ответы на «открытые вопросы» (блок по этике, миссии и функциям журналистики), можно сделать следующие выводы: студенты, изучившие курс, соблюдают «новостную диету»; демонстрируют более глубокое понимание общественно-политических и социальных проблем, занимают активную гражданскую позицию; демонстрируют понимание миссии СМИ; разбираются в том, какой информации можно и нельзя доверять, а также объясняют почему; для проверки информации используют несколько источников; отличают новости от других видов информации (пропаганды, рекламы, PR и т.д.); способны определять манипуляции в СМИ; с большей вероятностью находят ошибки/ неточности в новостных сообщениях.

В 2015-2016 гг. (при поддержке фонда «Либеральная миссия») разработчиками курса были проведены две школы по новостной грамотности в Санкт-Петербурге. Программа школы была рассчитана на «студентов не медиаспециальностей» из регионов России. Результаты исследования, проведенного в ходе школ, также показывают, что отношение к ключевым понятиям новостной грамотности – до и после обучения – существенно отличается.

Данные всероссийского исследования медиаграмотности (ЦИРКОН, 2009-2015 гг. [см. подробнее <http://www.zircon.ru>]) и исследования российского медиа-ландшафта («Левада-центр», 2014 г. [см. подробнее: <http://www.levada.ru>]) свидетельствуют о том, что более 50% населения России получают новости только из одного источника информации. Это еще один сигнал для осознания того, насколько важно современной аудитории владеть новостной грамотностью и чувствовать себя более уверенно в информационном поле – причем не только неискушенным потребителям, но даже студентам, обучающимся по направлению «журналистика».

На наш взгляд, можно констатировать, что курс новостной грамотности порождает у студентов «вкус» к самостоятельной исследовательской деятельности в этой предметной области, а также вызывает дополнительный интерес к таким смежным проблемам теории медиа, как экология журналистской профессии, закономерности производства, распространения и потребления новости в современном социуме.

БИБЛИОГРАФИЯ

Жилавская И.В. Медиаобразование молодежной аудитории. Томск, 2009.

Маклюэн М., Фиоре К. Война и мир в глобальной деревне. М., 2012.

Федоров А.В. Медиаобразование: вчера и сегодня. М., 2009.

Федоров А.В. Медиаобразование: история и теория. М., 2015.

Masterman L. Teaching the Media. Comedia Books. 1985.

McLuhan H.M., McLuhan E. Laws of Media: The New Science, University of Toronto Press, 1992

Innis H. The Bias of Communication. Toronto. University of Toronto Press. 1951

Postman N. Amusing Ourselves to Death: Public Discourse in the Age of Show Business. Penguin. 1985.

<http://www.centerfornewsliteracy.org>

<http://www.zircon.ru>

<http://www.levada.ru>

Informational, Digital, News Literacy (Study of level of medialiteracy between the students of Higher School of Economics)

ABSTRACT: News literacy is one of the most actual and unknown in Russia trends in modern media education. The article discusses the results of a research, which was conducted by High School of Economics. It was dedicated to the dynamics of student's media literacy skills before and after they study the course of news literacy.

KEYWORDS:

media education,
media literacy, news
literacy, news

REFERENCES

- Zhilavskaya I.V. Mediaobrazovanie molodezhnoy auditorii. Tomsk, 2009.
- Maklyuen M., Fiore K. Voyna i mir v global'noy derevne. M., 2012.
- Fedorov A.V. Mediaobrazovanie: vchera i segodnya. M., 2009.
- Fedorov A.V. Mediaobrazovanie: istoriya i teoriya. M., 2015.
- Masterman L. Teaching the Media. Comedia Books. 1985.
- McLuhan H.M., McLuhan E. Laws of Media: The New Science, University of Toronto Press, 1992
- Innis H. The Bias of Communication. Toronto. University of Toronto Press. 1951
- Postman N. Amusing Ourselves to Death: Public Discourse in the Age of Show Business. Penguin. 1985.
- <http://www.centerfornewsliteracy.org>
- <http://www.zircon.ru>
- <http://www.levada.ru>

Медийно-информационная грамотность через призму конвергенции и дивергенции

ЖИЛАВСКАЯ И.В.

к.ф.н., доцент Московского педагогического государственного университета, член Российского комитета Программы ЮНЕСКО «Информация для всех», главный редактор электронного научно-образовательного журнала «Медиа. Информация. Коммуникация»

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

конвергенция, дивергенция, грамотность, медийно-информационная грамотность, эмерджентность

АННОТАЦИЯ: В статье впервые рассматривается процесс формирования медийно-информационной грамотности в контексте конвергенции и дивергенции. Показана эволюция этих понятий в системе гуманитарных наук. Исследованы глобальные условия, использования этих понятий применительно к экономическим, политическим, идеологическим процессам. Процесс дивергенции подробно рассматривается на примере дробления и наращивания смыслов в концепции грамотности от элементарных навыков чтения и письма до множества разнообразных форм и видов грамотности, которые возникают в цифровую эпоху. Конвергентные процессы раскрываются на примере концепции медийно-информационной грамотности (МИГ), провозглашенной ЮНЕСКО в начале XXI века. В статье рассматриваются наиболее актуальные в настоящее время термины и определения МИГ. В заключении автор приходит к выводу о том, что, концепцию, согласно которой развитие живых систем представляет собой некую закономерность чередования процессов дивергенции и конвергенции, можно экстраполировать и на информационные системы. Это позволяет предположить, что в результате современного переосмысления синергетического концепта медийно-информационной грамотности в скором времени возникнет очередной процесс расхождения мысленных форм, следствием которого станет формирование принципиально новых компетенций.

В основании способности человека получать и обрабатывать знания лежит грамотность, как определённая степень владения навыками устной и письменной речи. Термин «грамотность» обозначает также наличие соответствующих знаний в какой-либо сфере деятельности, умение излагать свои мысли в соответствии с нормами литературного языка. При этом конкретное содержание понятия «грамотность» существенно меняется на различных этапах экономического, политического, технологического развития общества. Например, сегодня Российская научная электронная библиотека eLIBRARY.ru содержит упоминания о 67 видах грамотности в диапазоне от алгоритмической (Algorithmic), гигиенической (Hygienic), до научной (Science), педагогической (Teaching), визуальной (Visual) и читательской (Written), приведенных согласно концепции Н. Гендиной (Гендина, 2012).

В информационном обществе одним из наиболее универсальных и соответствующих вызовам времени видов грамотности становится медийно-информационная грамотность, возникшая в результате конвергенции информационной и медиаграмотности. Трансформация концепта медийно-информационной грамотности является собой наглядный пример пульсации таких процессов, как дивергенция и конвергенция,

которые в реальной жизни постоянно сменяют друг друга, обеспечивая стабильное функционирование всех существующих природных и общественных систем.

Приступая к анализу понятия «медийно-информационная грамотность» с точки зрения его актуализации в своем интегральном качестве, дадим вначале толкования терминам «дивергенция» и «конвергенция». Прежде всего, отметим, что дивергенция представляет собой понятие, противоположное конвергенции. Если коротко, то «дивергенция» (от средневекового лат. *divergo* – отклоняюсь, *divergere* – обнаруживать расхождение или англ. *divergence* – расхождение) – это наличие существенно разных тенденций в чем-либо, а «конвергенция» (от лат. *convergo* – приближаюсь, схожусь или англ. *convergence* – схождение в одной точке) – это стирание границ и различий между чем-либо.

Понятие дивергенции введено в научный дискурс Чарльзом Дарвином (Дарвин, 1991) для объяснения многообразия сортов культурных растений, пород домашних животных, биологических видов. Если вид занимает обширный ареал и приспосабливается к разным экологическим условиям, то возникает явление дивергенции, выражающееся в появлении каких-либо различий между первоначально сходными популяциями. Согласно традиционной теории эволюции, дивергенция решает сразу три задачи глобального развития: во-первых, она позволяет данному типу организма выжить в измененном виде за счет использования новых биологических ниш, во-вторых, обеспечивает живым организмам увеличение разнообразия и, в-третьих, повышает адаптационные возможности нового поколения к разнообразным средам обитания.

Термин «конвергенция» в середине XX века, во время бурного развития научно-технической революции, из теории эволюции перекочевал в социальные и экономические теории и стал использоваться применительно к экономическим, политическим, идеологическим процессам, происходящим в обществе. Под конвергентностью стали понимать возникновение схождения, сглаживание различий и противоречий между общественными системами, их взаимопроникновение и взаимообогащение. В основу теории была положена идея создания смешанной общественно-политической системы, которая одновременно обладает чертами социализма и капитализма.

Один из авторов идеи конвергенции в индустриальном обществе Джон Гэлбрейт (Galbraith), автор теории уравнивающих сил, утверждает, что основной смысл идеи слияния «индустриальной системы», мира крупных корпораций с государством, заключается в том, чтобы погасить социальные конфликты и обеспечить экономическую эффективность. По мнению Дж. Гэлбрейта, необходимо противопоставить мощи монополий – госпланирование, изменить природу государства, переключить контроль над ними правительством от технотехники к ученым и профессорам, повысить роль «третьей силы» (профсоюзов, других организаций). Его размышления о будущем привели к пониманию важности «тенденции к конвергенции индустриальных обществ, как бы ни были различны их национальные или идеологические притязания. Мы имеем в виду конвергенцию, обусловленную приблизительно сходной системой планирования и организации. Конвергенция связана, прежде всего, с крупными масштабами современного производства, с большими вложениями капитала, совершенной техникой и со сложной организацией как наиболее важным следствием названных факторов» (Гэлбрейт, 2004).

Наиболее убедительно теория общественно-политической конвергенции была сформулирована американским ученым Дэниелом Беллом (Bell) в его работе «Социальные рамки информационного общества», в которой исследователь говорит о слиянии технологий. Д. Белл отмечает, что «в XIX и вплоть до середины XX века коммуникации существовали в двух различных формах. Первая – это почта, газеты, журналы

и книги, т. е. средства, которые печатались на бумаге и распространялись методами физической транспортировки или хранились в библиотеках. Вторая – это телеграф, телефон, радио и телевидение; здесь закодированные сообщения или речь передавались средствами радиосигналов или по кабельной связи от человека к человеку. Сейчас технологии, некогда существовавшие в разных областях применения, стирают эти различия, так что потребители информации получают в свое распоряжение множество альтернативных средств, что порождает и ряд сложных проблем с точки зрения законодателей» (Белл, 1986).

Термин «конвергенция» сегодня употребляется в разных гуманитарных и естественных науках. В изобразительном искусстве конвергенция – это одно из средств выразительности в видео и фотографии. Конвергенция в языкознании – схождение, уподобление элементов языка (например, звуков) или различных языков. В математике конвергенция описывает сходимость бесконечного ряда. Конвергенция в политологии – это сближение экономических, в юриспруденции – правовых систем, в экономике – уподобление систем хозяйствования, экономических укладов и институциональных механизмов. Конвергенция в общемировой экономике представляет собой приобретение экономическими системами разных стран одинаковых черт. Конвергенция в физике применяется для теоретических расчетов при работе с вычислением пространственно-временного континуума. Конвергенция в медиаиндустрии – это процесс интеграционных и традиционных медиа на основе современных информационных технологий.

В социальных системах дивергенция связана с расширением политических, социально-культурных, идеологических и иных проявлений в обществе, она ведет к усложнению существующих и появлению новых систем отношений, что приводит, в свою очередь, к увеличению разногласий и конфликтов. Конвергенция же, наоборот, представляет собой фактор компромисса, объединения, примирения сторон, стабилизации, равновесия.

Говоря о дивергенции и конвергенции, нельзя не упомянуть концепцию Д. П. Гилфорда о структуре интеллекта, где ученый выделяет несколько факторов интеллектуальных способностей, в том числе конвергентное мышление как логическое, последовательное однонаправленное, которое проявляется в задачах, имеющих единственный правильный ответ, и дивергентное мышление как альтернативное, отступающее от логики, которое проявляется в задачах, допускающих существование множества правильных ответов (Дж. Гилфорд, 1965). Познание, по мнению Дж. Гилфорда, означает повторное открытие или узнавание. Память – сохранение того, что было познано. Два вида продуктивного мышления порождают новую информацию из уже известной и сохранившейся в памяти информации. При операциях дивергентного мышления мы мыслим в различных направлениях, исследуя или отыскивая различие. В процессе конвергентного мышления информация приводит нас к одному правильному ответу или к узнаванию лучшего или обычного ответа.

Эти сложные взаимодополняющие друг друга процессы протекали и продолжают протекать в ходе трансформации концепта грамотности. Само слово «грамотность» в русском языке не имеет множественного числа. Долгое время это понятие было цельным и неделимым. Эпоха письменности потребовала от человека навыков кодирования и декодирования смыслов с помощью символов. Чтение, письмо и счет несколько столетий обеспечивали процесс торговли, политики, разного рода хозяйственных, семейных, правовых отношений, развития образования, культуры, религии. И только в эпоху электричества, вместе с усложнением коммуникаций и методов их изучения в результате процесса дивергенции, концепт грамотности раздробился на множество форм и видов.

Концептуально принято различать две основные формы грамотности – общую и функциональную. Общая грамотность базируется на адекватном понимании человеком окружающей действительности. Под функциональной грамотностью понимается способность к эффективному действию. А. А. Леонтьев характеризует функционально грамотного человека как человека, «который способен использовать все постоянно приобретаемые в течение жизни знания, умения и навыки для решения максимально широкого диапазона жизненных задач в различных сферах человеческой деятельности, общения и социальных отношений» (Леонтьев, 2003).

Функциональная грамотность является социальным феноменом, поскольку от нее зависят возможности человека в реализации его жизненных интересов. И если эти интересы удовлетворяются не в полной мере, то следует говорить о недостаточности компонентов грамотности для выполнения практической задачи более высокого уровня сложности. Сегодня происходит возникновение все новых и новых видов грамотности в такой системе как «функциональная грамотность».

Тенденция к расширению видов грамотности прослеживается в современном образовании при оценке результатов обучения школьников. В частности, программа международных исследований PISA (Programme for International Student Assessment), которая является мониторинговым исследованием качества общего образования, отвечает на вопрос «Обладают ли учащиеся 15-летнего возраста, получившие обязательное общее образование, знаниями и умениями, необходимыми им для полноценного функционирования в современном обществе, т. е. для решения широкого диапазона задач в различных сферах человеческой деятельности, общения и социальных отношений?». При этом проверяются три вида грамотности:

читательская грамотность, как способность к пониманию и осмыслению письменных текстов, к использованию их содержания для достижения собственных целей, развития знаний и возможностей, для активного участия в жизни общества;

математическая грамотность – способность человека определять и понимать роль математики в мире, в котором он живет, высказывать хорошо обоснованные математические суждения и использовать математику так, чтобы удовлетворять в настоящем и будущем потребности, присущие созидательному, заинтересованному и мыслящему гражданину;

естественнонаучная грамотность – способность использовать естественнонаучные знания для отбора в реальных жизненных ситуациях тех проблем, которые могут быть исследованы и решены с помощью научных методов, для получения выводов, основанных на наблюдениях и экспериментах, необходимых для понимания окружающего мира и тех изменений, которые вносит в него деятельность человека, а также для принятия соответствующих решений (Цукерман, 2010).

В российской социологической энциклопедии приводится еще более широкий спектр различных видов функциональной грамотности: языковая, компьютерная, информационная, правовая, гражданская, финансовая, экологическая.

Оставив за рамками нашего анализа математическую, естественнонаучную и прочие грамотности, коротко остановимся на читательской, поскольку именно она является одной из ключевых в формировании медийно-информационной грамотности человека.

Читательская грамотность (по PISA) определяется по уровню сформированности трех групп умений:

1. ориентация в содержании текста и понимание его целостного смысла, нахождение информации;

2. интерпретация текста;
3. рефлексия на содержание текста или на форму текста и его оценка.

Обучение стратегиям чтения включает не только умение раскрывать иерархию информационных уровней (факты, мнения, суждения), иерархию смыслов текста (основная мысль, тема, подтема, микротема и т. д.), но и собственно процесс понимания (рефлексивная информация), т. е. процедуру обучения пониманию при чтении (Сметанникова, 2007). Когнитивный аспект в изучение процессов восприятия текста внес нидерландский лингвист, один из пионеров теории текста и анализа дискурса Тёнван Дейк (Dijk). Вопросам восприятия текста посвящена его работа «Язык. Познание. Коммуникация», в которой автор утверждает, что «понимание текста предполагает не только знание языка, но также и знание мира. Важнейшим компонентом процессов построения и восприятия текстов является осмысление стоящих за ними социальных ситуаций и их когнитивная репрезентация (Дейк, 1989).

Однако долгое время за пределами изучения восприятия текста оставались медийный фактор, фактор доставки контента, влияние тех каналов или средств связи, с помощью которых человек получает информацию. Как известно, средство само есть сообщение. А поскольку современная информационная среда всеобъемлюще, всеохватно медийная, состоящая из плотной паутины средств коммуникации, то не учитывать этот фактор в структуре читательской грамотности означает либо искусственно сдерживать интеллектуальные возможности формирования современных компетенций, либо оказаться в стороне от магистральных путей развития цивилизации.

В XX в. появилось и получило широкое распространение понятие «медiateкст» (от лат. *Mediatextus* – средства, посредники+ткань; сплетение, связь, сочетание), которое вобрало в себя многообразные способы передачи информации с помощью различных видов медиа – текст, картинка, звук, графика, анимация. Кинематограф, живопись, скульптура, музыка, танец, драматургия, литература, печатные СМИ, радио, телевидение в поисках новых форм выражения создавали принципиально отличные от старых форматы передачи информации. Сегодня, к примеру, Вадим Басс в рамках проекта *Arzamas* весьма убедительно раскрывает тему «Как разговаривает архитектура», где рассматривает здания, архитектурные строения как медiateкст, как способ коммуникации; мы научились считывать информацию с артефактов городской медиасреды, сформировалась целая индустрия рекламных медiateкстов и т. д. Алан Белл, один из исследователей медiateкста, отмечает, что «определение медiateкста выходит далеко за рамки традиционного взгляда на текст в виде печатных слов, воспроизведенных чернилами на бумаге, и включает в себя широкий спектр различных факторов: речи, музыки, звуковых эффектов, изображений и прочего» (Белл, 1996) В XXI веке Т. Г. Добросклонская предложила выделить медiateкстуальные исследования в новую дисциплину: «медиалингвистика» (Добросклонская, 2008).

В результате развития новых медиа возникает интернет-текст как гибридная, конвергентная форма, созданная с помощью интегрированных технологий на основе массовых сообщений. Отличительные признаки подобных текстов – «узлов в сети» (М. Фуко), – обусловлены преимуществами интернет-коммуникации: гипертекстуальность, интерактивность, не линейность, использование нарративных стратегий, ускорение времени и сжатие пространства, устранение барьеров физической дистанции, конвергенция (Мельник, 2012). Подобный уровень сложности коммуникационных процессов делает вопрос о грамотности в медиасреде одним из ключевых.

Следует отметить в данном контексте позицию ЮНЕСКО, которая, по словам заместителя Генерального директора ЮНЕСКО по коммуникации и информации Яниса Карклинса, осознает, что современному обществу нужно новое понятие грамотности – плюралистическое, динамическое и ситуативное. Оно должно подразумевать не только базовые навыки письма и счета на одном языке, но и способность выявлять,

понимать, создавать, передавать и обрабатывать информацию на различных языках. В равной степени необходимо уметь критически взаимодействовать с сообщениями средств массовой информации производить контент для совместного использования посредством различных коммуникационных информационных средств. Это также означает, что грамотность включает в себя постоянное обучение, которое позволит людям достигать своих целей, развивать потенциал своих знаний, а также в полной мере участвовать в жизни своего сообщества и общества в целом. Грамотность как свобода, вот самое главное в новых знаниях (Кузьмин, Паршакова, 2013).

В постиндустриальном обществе в момент перехода цивилизации от бумажных носителей информации к эпохе электричества, в результате революции в производстве информации и появлении новых каналов ее доставки, сформировались два направления теоретического и практического осмысления коммуникации, в основу которых заложены базовые сущности коммуникации – медиа и информация.

Отметим, что под медиа мы понимаем любые каналы или средства передачи информации, в конечном счете – медиасреду, которая сформирована человеком и является частью глобальной медиасистемы. Это интегральная, самоорганизующаяся субстанция, которая подобно кровеносным сосудам пронизывает весь общественный организм, все сферы нашей жизни. Это не нечто, отстоящее от индивида или сообщества как производителей информации, а неотъемлемая часть целого. Более того, в определённый момент сам человек становится медиа, пропуская через себя поток информации, преобразуя их и выступая, в свою очередь, источником новых информационных потоков. Это средства коммуникации, но не только массовой, но любой другой – немассовой: аутокоммуникации, межличностной, групповой, смешанной.

Понятие «информация» с учетом всего терминологического разнообразия мы трактуем как качество, которое присуще всем материальным объектам. В то же время оно находится в них в латентном состоянии и приобретает свойства «информационности» лишь в том случае, когда начинается процесс актуализации данных для конкретного потребителя. Скрытые в объекте сведения, не проявленные до определенного времени, преобразуются в информацию исключительно в случае её «распаковывания», расшифровки, декодирования субъектом в результате возникающей коммуникации. Информация закрытых архивов, не разгаданных рукописей, умерших языков для получателя, не владеющего «ключами» к её пониманию, попросту отсутствует.

Эволюционно исследования в области технологий поиска, получения, хранения информации привели к формированию концепции информационной грамотности. Изучение истории, теории медиа, систем массмедиа и журналистики обусловили появление медиаграмотности. Данные виды грамотности породили два соответствующих вида деятельности – информационную подготовку и медиаобразование. Долгое время эти два направления существовали параллельно друг другу. У каждого из направлений в процессе дивергенции появился свой понятийный аппарат, научные школы, собственные методология и технологии.

В России развитием теории и методики информационной подготовки целенаправленно занимается научная школа формирования информационной культуры личности в НИИ информационных технологий социальной сферы Кемеровского государственного университета культуры и искусств под руководством профессора Н. И. Гендиной. Большой вклад в развитие российского медиаобразования внесла научная школа «Медиаобразование и медиакомпетентность», возникшая на базе Таганрогского педагогического института имени А. П. Чехова и руководимая профессором А. В. Федоровым. Проблемами российского медиаобразования долгие годы занимается профессор НИУ ВШЭ А. В. Шариков, положивший начало фундаментальным теоретическим изысканиям в этой области. Большую роль в развитии медиаобразования в России сыграла лаборатория медиаобразования бывшего Института содержания и

методов обучения РАО, которую возглавляла Е. А. Бондаренко. В настоящее время активно работает в продвижении научных идей медиаобразования кафедра ЮНЕСКО медийно-информационной грамотности и медиаобразования граждан (МПГУ).

Согласно исследованию Н. И. Гендиной, проведенному по заказу ЮНЕСКО в 2010 году, в период с 1976 по 2010 г.г. советские, а затем российские справочные издания зафиксировали значительное разнообразие терминов, характеризующих информационную подготовку и медиаобразование. К числу основных терминов медиаобразования относятся: аудиовизуальная грамотность, визуальная грамотность, медиаграмотность, экранная культура, видеокультура, киновидеокультура, визуальная культура, фотографическая культура, медиакультура, медиакомпетентность. Они используются преимущественно в сфере педагогики образования, частично в коммуникативистике.

В состав терминов, раскрывающих различные направления информационной подготовки, входят: культура чтения, библиографическая культура, пропаганда библиотечно-библиографических и информационных знаний, информационная грамотность, компьютерная грамотность, информационная культура, информационная культура личности, информационная культура человека.

Проведенный анализ позволил установить, что обучение библиотечно-библиографической грамотности, культуре чтения, компьютерной грамотности, информационной культуре неразрывно связано с библиотековедением, библиографоведением, книговедением, документоведением, информатикой, педагогией. Развитие визуальной грамотности, фотографической культуры, аудиовизуальной грамотности, медиаграмотности невозможно без опоры на изучение техники фотографии, видео- и кино- съемки, киноведения, искусствоведения, журналистики, медиапедагогики. (Гендина, 2013)

В России сегодня во всех школах на уроках информатики, которые входят в обязательную программу обучения, продвигается компьютерная грамотность. Учителя информатики разрабатывают собственные сайты для обучения навыкам работы с компьютером, в интернете. Кроме того, интернет-сообщество разрабатывает и продвигает курсы компьютерной грамотности на специализированных сайтах, что оказывает влияние на общий уровень информационной подготовки.

В связи с возросшими рисками и угрозами, связанными с цифровизацией жизненного пространства детей и подростков, на повестку дня был вынесен еще один вид грамотности – цифровая. Это понятие активно разрабатывается в последнее время в исследованиях интернета (Gilster 1997, Martin, Madigan, 2006, Ilomäki et al. 2011).

В 2013 году в России было проведено первое общероссийское научное исследование цифровой грамотности (компетентности) подростков и их родителей. В исследовании приняли участие 1203 подростка 12-17 лет и 1209 родителей детей этого возраста. Опрос был проведен в 45 регионах 8 федеральных округов Российской Федерации. Опрос проводился Аналитическим Центром Юрия Левады по специально разработанной методике Фонда Развития Интернет (Солдатова, Нестик, Рассказова, Зотова, 2013).

Цифровая компетентность в данной работе понимается как способность индивида уверенно, эффективно, критично и безопасно выбирать и применять инфо-коммуникационные технологии в разных сферах жизнедеятельности (информационная среда, коммуникации, потребление, техносфера), а также его готовность к такой деятельности. Авторы выделяют четыре вида цифровой компетентности:

информационная и медиакомпетентность – знания, умения, мотивация и ответственность, связанные с поиском, пониманием, организацией, архивированием цифровой информации и ее критическим осмыслением, а также созданием

материалов с использованием цифровых ресурсов (текстовых, изобразительных, аудио и видео);

коммуникативная компетентность – знания, умения, мотивация и ответственность, необходимые для онлайн-коммуникации в различных формах (электронная почта, чаты, блоги, форумы, социальные сети др.) и с различными целями;

техническая компетентность – знания, умения, мотивация и ответственность, позволяющие эффективно и безопасно использовать компьютер и соответствующее программное обеспечение для решения различных задач, в том числе использования компьютерных сетей;

потребительская компетентность – знания, умения, мотивация и ответственность, позволяющие решать с помощью компьютера и через интернет различные повседневные задачи, связанные с конкретными жизненными ситуациями, предполагающими удовлетворение различных потребностей.

В данной концепции информационная и медийная грамотности оказались «зашиты» в грамотность цифровую в силу разночтений понятий «медиа» и «информация».

Еще одна попытка работы с понятием «цифровая грамотность» была предпринята в 2015 году Региональным общественным центром интернет-технологий, который совместно с ВЦИОМ, НИУ ВШЭ и некоторыми другими российскими операторами цифровых медиа провел комплексное исследование «Индекс цифровой грамотности граждан Российской Федерации». В задачи исследования входило измерение уровня использования цифровых услуг, составление регионального рейтинга цифровой грамотности, определение универсального портфеля государственных и коммерческих интернет-услуг, предлагаемых пользователю, формирование новых потребностей у населения и пр.

Индекс цифровой грамотности в России, по данным исследования, составил 4,79 из 10 возможных. (РОЦИТ, 2015) Ключевыми аспектами индекса стали: потребление контента, цифровые компетенции информационная безопасность. По данным РОЦИТ, наибольшее значение в среднем по России имеет субиндекс потребления – он составляет 5,17. Лидером в этом сегменте стал Северо-Дальневосточный федеральный округ. Безопасность находится на отметке 4,85, где первое место занял Северо-Западный ФО. Наиболее критичным значением, как заявил директор РОЦИТ С. В. Гребенников, обладает субиндекс цифровых компетенций, составляющий 4,48.

В данном исследовании вызывает вопросы научная обоснованность определения основных категорий цифровой грамотности: «потребление контента», «цифровые компетенции» и «информационная безопасность», которые, по сути, существенно перекрывают одна другую. В результате спорными выглядят итоги этой исследовательской работы, на которые ссылается министр связи и массовых коммуникаций Николай Никифоров. Явный технологически-потребительский контекст понимания проблемы проявился в его оценке стратегии развития регионов по уровню цифровой грамотности. «Там, где плохие погодные и природные условия для обеспечения связи, – подчеркнул Никифоров на RIW 2015 в ходе презентации результатов исследования цифровой грамотности населения РФ, – нет и достаточного проникновения интернета, следовательно, нет и потребления цифровых услуг. Где неудовлетворительные экономические условия, у населения нет возможности покупать дорогие мобильные устройства». По мнению министра, государству следует продумать программы образования населения – в первую очередь, для детей и пенсионеров – и популяризировать их. Но унифицированной госпрограммы ожидать не следует. С точки зрения министра связи и массовых коммуникаций РФ, выправление ситуации с неравномерностью развития регионов в данной сфере – задача «каждого представителя индустрии». Каждый из них должен проводить работу «в своей нише». Никифоров добавил

также, что особенно этим должны озаботиться губернаторы. Они должны чувствовать необходимость устранения дисбаланса в интернет-сфере «на уровне своих инстинктов», должны своим примером показывать пользу IT, поскольку люди тянутся за лидером. В тех регионах, где создается «политическая мода» на IT, повышается индекс цифровой грамотности населения (Рябова, 2015).

В этом смысле закономерным представляется понимание термина «медиаграмотность» специалистами Министерства связи и массовых коммуникаций РФ. Медиаграмотность, с точки зрения специалистов Минкомсвязи России, включает в себя «умение пользоваться поисковыми системами и находить нужную и полезную информацию, способность отличить добросовестные и вызывающие доверие источники информации от недобросовестных, знание о системах родительского контроля и умение ими пользоваться. Также пользователи должны понимать, что в интернете не стоит выкладывать лишнюю информацию о себе и свои персональные данные, чтобы не стать жертвой мошенников и злоумышленников» (Минкомсвязь России, 2015). При проведении социологических исследований, в том числе при самоопределении гражданами уровня медиаграмотности, Министерством связи и массовых коммуникаций РФ рекомендовано руководствоваться настоящей методикой оценки уровня медиаграмотности и следующими критериями медиаграмотности:

- б) способность обращать внимание на источники информации, верифицировать информацию и критически ее оценивать;
- в) умение защитить свои персональные данные в сети интернет и способность не допускать утечки информации, касающейся личной жизни, которая может представлять интерес для злоумышленников;
- г) знание о системах «родительского контроля», умение пользоваться ими, а также способность провести для детей курс личной безопасности по их действиям в социальных сетях и сети интернет;
- д) способность сопоставлять информацию из различных источников, стремиться проверять любую полученную информацию.

(Критерии медиаграмотности. Приказ Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 28 июля 2014 г. N226)

Представление о дивергентном процессе в структуре грамотности будет неполным без понятия «новостная грамотность», которое изначально получило широкое развитие как отдельное, но крайне важное направление медиаобразования в США. Центральная категория этого направления знания – журналистская новость, с которой как с коммуникационным инструментом сегодня связано множество рисков: она используется и как метод формирования общественного мнения, и как способ манипуляции аудиторией, и как средство ведения информационных войн. Под технологиями новостной грамотности понимается способность человека эффективно использовать аналитические навыки и навыки критического мышления, чтобы судить о достоверности, степени надежности и сбалансированности информации, поступающей из новостных сообщений. Программы по newsliteracy учат отличать новость от «неновости», отбирать релевантные новостные материалы среди информационного мусора, понимать разницу между фактом и мнением, адекватно по целому ряду параметров оценивать источники информации, декодировать (анализировать) материалы традиционных СМИ и социальных (Лапина-Карасюк, Шомова, 2014).

Однако сегодня становится понятно, что дальнейшее членение понятия «грамотность» на все более узкие фракции представляется бесперспективным и уводит научную дискуссию в сторону от существенных проблем современности, и не позволяет получить тот синергетический эффект, который бы продвинул исследователей в понимании природы медийно-информационного пространства. Причем расхождение

между экспертами в области медиа и информации не носит концептуального характера. Оно разводит исследователей скорее по отраслевому принципу: библиотеки и все, что связано с сохранением информации, относится к области компетенции информационной грамотности; СМИ и все, что интегрировано в среду массмедиа, так или иначе ассоциируется с медиаграмотностью.

Замысел изучения концептуальной связи информационной грамотности и медиаграмотности возник в 2010 году, в ходе Первой международной встречи экспертов ЮНЕСКО по медиа- и информационной грамотности в Бангкоке. ЮНЕСКО совместно с ИФЛА провозгласили идею интеграции этих двух направлений в единое целое – медиа- и информационную грамотность (русский перевод «медийно-информационная грамотность», МИГ). Реально же процесс конвергенции двух видов грамотности начался на I Международном Форуме по медийной и информационной грамотности, который состоялся в июне 2011 года в Марокко (г. Фес). Форум был организован факультетом культуры и искусств университета Сиди Мохаммеда Бен Абдаллы (Фес, Марокко) и прошел при поддержке ЮНЕСКО.

В Форуме приняли участие более 200 представителей из 43-х стран мира. Для обсуждения актуальных проблем медийной и информационной грамотности собрались исследователи, ученые, профессионалы и специалисты, работающие в различных областях, включая науки, связанные с изучением медиа и информации, журналистики, ИКТ, а также педагоги, занимающиеся разработкой учебных программ. Форум объединил специалистов в области социологии, экономики, науки о международных отношениях, исследователей молодежных медиа, лингвистики, семиотики, семейного права, институциональных прав, науки и техники, интернет-технологий, истории, культурологии, гендерных вопросов.

Такая широта охвата экспертов говорит о насущной потребности в осмыслении интеграции медиа- и информационной грамотности. Это тот случай, когда процесс конвергенции вызревает в социуме, но его институционализация происходит под влиянием конкретных организаций в результате целенаправленной деятельности заинтересованных сторон. В данном случае в роли такой организации выступила ЮНЕСКО.

Итогом работы Форума стала «Фесская декларация о медийной и информационной грамотности», в которой участники продемонстрировали свою убежденность в том, что «медиа и информационная грамотность является основным правом человека в информационном обществе. Цифровая эпоха и конвергенция коммуникационных технологий неотъемлемо связаны с медийной и информационной грамотностью, которая необходима для достижения устойчивого развития, укрепления мира, главенства свободы, демократии, расширения межкультурного знания, углубления диалога и взаимопонимания». В декларации подчеркивается, что «медиа- и информационная грамотность имеет особое значение для социального, экономического и культурного развития, улучшает качество жизни человека, воспитывает его гражданственность. Грамотность в области медиа и информации играет ключевую роль в привлечении всех граждан, и в особенности молодежи, к активному участию в жизни общества, способствует саморазвитию».

Участники Форума обратились ко всем главам мировых государств, к учреждениям ООН, и в частности ЮНЕСКО, другим международным и региональным учреждениям, неправительственным организациям, педагогам, специалистам в сфере медиа и информации, политикам и представителям гражданского общества с призывом «объединить усилия и содействовать развитию медийной и информационной грамотности, укреплению регионального, межрегионального и глобального сотрудничества по этому вопросу» (Фесская декларация, 2011).

Участники Первого международного форума по МИГ призвали всех подтвердить свою заинтересованность данными вопросами, включить изучение принципов МИГ в

формальные и неформальные образовательные программы, с тем чтобы обеспечить право каждого гражданина на это новое гражданское образование, извлекать пользу из эффекта мультипликации преподавателей для обучения критическому мышлению и анализу, предоставить как учителям, так и учащимся право обладать компетенциями в области МИГ, чтобы построить общество медийной и информационной грамотности, подготовить почву для информационного общества.

Еще через год, в июне 2012 года, в России состоялась Международная конференция «Медиа- и информационная грамотность в обществах знания». Она была организована Министерством культуры Российской Федерации, Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям, Комиссией Российской Федерации по делу ЮНЕСКО, Российским комитетом Программы ЮНЕСКО «Информация для всех» и Межрегиональным центром библиотечного сотрудничества при участии ИФЛА, Института ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании и Секретариата ЮНЕСКО.

Этот форум объединил представителей 42-х стран мира – экспертов в области политики построения обществ знания, ведущих исследователей и преподавателей, работающих в сфере журналистики, библиотечного дела, педагогики, руководителей и специалистов органов власти, осуществляющих управление в сфере образования, библиотечного дела, печатных и электронных СМИ, и других специалистов, занимающихся вопросами медиа- и информационной грамотности.

Участниками конференции было отмечено, что сегодня каждый человек и общество в целом сталкиваются с рядом препятствий и проблем, число которых постоянно возрастает. Среди них:

- недостаток ресурсов и неразвитость инфраструктуры;
- цензура, сужение общественного сектора информации, коммерциализация, приватизация и монополизация информации;
- недостаточное внимание к культурному и языковому разнообразию;
- избыточные и нецелесообразные правовые ограничения на доступ к информации, на владение информацией и на ее распространение;
- недостаточное осознание проблем долгосрочного сохранения информации, в частности, персональной информации в цифровых форматах;
- отсутствие межведомственного сотрудничества и междисциплинарного взаимодействия заинтересованных сторон (библиотекарей и медиапедагогов; СМИ и учреждений высшего образования и т. д.).

Эта конференция внесла большой вклад в теоретическое обоснование интеграции медиа- и информационной грамотности. В принятой на конференции «Московской декларации о медиа- и информационной грамотности» (28 июня 2012) зафиксировано определение понятия, которое в дальнейшем было принято на международном уровне как основное. Согласно Московской декларации, «медиа- и информационная грамотность – это совокупность знаний, установок, умений и навыков, которые позволяют получать доступ к информации и знаниям, анализировать, оценивать, использовать, создавать и распространять их с максимальной продуктивностью в соответствии с законодательными и этическими нормами и с соблюдением прав человека. Медиа- и информационная грамотность выходит за рамки владения коммуникационными и информационными технологиями и включает навыки критического мышления, осмысления, и интерпретации информации в различных областях профессиональной, образовательной и общественной деятельности. Медиа- и информационная грамотность предполагает умение работать с любыми источниками информации (устными, письменными, аналоговыми и электронными/цифровыми), а также со всеми видами и

типами информационных ресурсов» (Московская декларация о медиа- и информационной грамотности, 2012).

Следует подчеркнуть, что слияние двух видов грамотности не происходит механически, когда новая структура складывается из старых элементов. Хотя на начальном этапе медийно-информационная грамотность воспринималась именно таким образом. Экспертное сообщество не было готово к подлинной интеграции, поэтому не сразу стали возникать по-настоящему эмерджентные (от англ. «возникать») свойства МИГ. Как заметил директор австралийской компании Allimar Community Diagnostics Ральф Каттс (Catts), «в борьбе двух лагерей происходило «присвоение» МИГ. Но нам нужна интегрированная концепция, а не «победа». Необходимо было осмыслить МИГ не как две слитые грамотности, а как совершенно новую концепцию, поскольку МИГ предполагает слияние технологий, изменений в образовании, а также последовательных изменений в гражданском обществе» (Catts 2012).

Согласно теории систем, «объединение частей в систему порождает у системы качественно новые свойства, не сводящиеся к свойствам частей, присущие только самой системе и существующие только пока система составляет одно целое. Система есть нечто большее, нежели простая совокупность частей» (Тарасенко, 2004). Таким образом, интеграция породила новый вид грамотности, который можно оценить как грамотность XXI века. Ставшее сегодня крайне актуальным это слияние отражает объективный процесс эволюции научных знаний и глобальных технологий.

Изучая историю развития живых систем как устойчивую закономерность чередования процессов дивергенции и конвергенции, мы можем экстраполировать ее и на информационные системы и спрогнозировать, что в результате переосмысления концепта медийно-информационности в скором времени возникнет новый процесс расхождения мысленных форм, следствием которого станет формирование принципиально новых компетенций. Пульсирующие процессы дивергенции и конвергенции не останавливаются, порождая все новые и новые векторы развития.

БИБЛИОГРАФИЯ

Белл Д. (1986) Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс. – С. 330-342.

Большой энциклопедический словарь. Доступно по ссылке: <http://www.vedu.ru/BigEncDic/18855> (дата обращения: 22. 07. 2016).

Гэлбрейт Дж. (2004) Новое индустриальное общество. Перевод на русский язык: Л. Я. Розовский, Ю. Б. Кочеврин, Б. П. Лихачев, С. Л. Батасов. – М. // Центр гуманитарных технологий. Доступно по ссылке: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5021> (дата обращения: 22. 07. 2016).

Гендина Н. И. (2012) Триада «Гражданская, информационная и медиаграмотность» в контексте новой инициативы ЮНЕСКО – Учебной Программы ЮНЕСКО по медиа- и информационной грамотности. Riga: IFLA.

Гендина Н. И. (2013) Информационная и медиаграмотность в России: результаты исследования, выполненного по заказу ЮНЕСКО // Медиа. Информация. Коммуникация. №6. – С. 10-12.

Гилфорд Дж. (1965) Три стороны интеллекта. Лекция, прочитанная в Стенфордском университете 13 апреля 1959 г. Сборник переводов «Психология мышления», под редакцией А. М. Матюшкина. – М.: Прогресс. – С. 433-456.

Дарвин Ч. (1991) Происхождение видов путем естественного отбора или Сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь. Перевод с шестого издания (Лондон, 1872). Санкт-Петербург: НАУКА. Доступно по ссылке: <http://charles-darwin.narod.ru/origin-content.html> (дата обращения: 12. 06. 2016).

Дейк ван Т. А. (1989) Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ. / Сост. В. В. Петрова; Под ред. В. И. Герасимова; Вступ. ст. Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова. – М.: Прогресс. С. 161.

Дзялошинский И. М. , Пильгун М. А. (2011) Медиатекст: особенности создания и функционирования. – М.: Нац. ун-т Высш. шк. экономики.

Дивеев И. Т. (2015) Тенденции развития конвергентности в медиахолдингах при высших учебных заведениях // Гуманитарные научные исследования, №6. Доступно по ссылке: URL: <http://human.snauka.ru/2015/06/11622> (дата обращения: 12. 06. 2016).

Добросклонская Т. Г. (2008) Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. Москва. Доступно по ссылке: <http://www.ffl.msu.ru/research/publications/dobrosklonskaya/dobrosklonskaya-medialingvistika.pdf> (дата обращения: 12. 06. 2016).

Ковалева Г. С. (2010) Первые результаты международной программы PISA-2009. Презентация и обсуждение первых результатов международной программы PISA-2009, 7 декабря 2010 года. Российская академия образования, Институт содержания и методов обучения, отдел оценки качества общего образования // Сайт отдела оценки качества общего образования ИСМО РАО – Доступно по ссылке: <http://www.centeroko.ru/> (дата обращения: 12. 06. 2016).

Лапина-Кратасюк Е. Г., Шомова С. А. (2014) Международная научно-практическая конференция «Newsliteracy и проблемы современного медиаобразования» (НИУ ВШЭ, Москва, 5-6 марта 2014 г.), Журнальный клуб «Интелрос НЛО» №130. Доступно по ссылке: <http://www.intelros.ru/readroom/nlo/130-2014/26212-mezhdunarodnaya-nauchno-prakticheskaya-konferenciya-news-literacy-i-problemy-sovremennogo-mediaobrazovaniya-niu-vshe-moskva-5-6-marta-2014-g.html> (дата обращения: 12. 06. 2016).

Медиа- и информационная грамотность в обществах знания (2013) Сост. Кузьмин Е. И., Паршакова А. В. – М.: МЦБС.

Мельник Г. С. (2012) Медиатекст как объект лингвистических исследований // Журналистский ежегодник, №1. С. 29.

Московская декларация о медиа- и информационной грамотности(принята на Международной конференции «Медиа- и информационная грамотность в обществах знаний» 28 июня 2012 года) Доступно по ссылке: http://www.ifapcom.ru/files/News/Images/2012/mil/Moscow_Declaration_on_MIL_rus.pdf (дата обращения: 11. 06. 2016).

Минкомсвязь России. Медиаграмотность и медиаобразование. Доступно по ссылке: <http://minsvyaz.ru/ru/activity/directions/540/> 2015 (дата обращения: 11. 06. 2016).

Образовательная система «Школа 2100». Педагогика здравого смысла (2003). Под ред. А. А. Леонтьева. М.: Баласс. С. 35.

Розина Н. М. , Карпенко О. М. , Бершадская М. Д. (2004) Общие рекомендации по совершенствованию государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования // Материалы XIV Всероссийского совещания по проблемам качества образования. Книга 1. Образовательные стандарты и программы. Общие проблемы. Москва — Уфа. С. 5-14;

РОЦИТ. Цифровая грамотность Доступно по ссылке: <http://www.mindex.rocit.ru/> (дата обращения: 21. 05. 2016).

Рябова В.(?) Индекс цифровой грамотности в России составил 4,79 из 10. Экспертный центр Электронного государства. Доступно по ссылке: <http://d-russia.ru/indeks-cifrovoj-gramotnosti-v-rossii-sostavil-479-iz-10.html> (дата обращения: 11. 06. 2016).

Сметанникова Н. Н. (2007) Воспитание читателя в культуросозидающей модели образования. Поддержка и развитие чтения в библиотечном пространстве России: Сборник научно-практических работ / Составитель В. Я. Аскарова. – М.:МЦБС.

Солдатова Г. У. , Нестик Т. А. , Рассказова Е. И. , Зотова Е. Ю. (2013) Цифровая компетентность российских подростков и родителей: результаты всероссийского исследования. – М. : Фонд Развития Интернет. С. 158-159.

Социология: Энциклопедия (2003) Сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. — Мн.: Книжный Дом.

Сусов И. П. (2006) Введение в теоретическое языкознание. Доступно по ссылке: <http://homepages.tversu.ru/~ips/LingFak1.htm#2> (дата обращения: 21. 07. 2016).

Тарасенко Ф. П. (2004) Прикладной системный анализ (наука и искусство решения проблем): Учебник. – Томск; Издательство Томского университета.

Тоффлер Э. (1999) Третья волна. – М. : ООО «Издательство АСТ». – С. 224.

Фесская Декларация о медийной и информационной грамотности. – Доступно по ссылке: <http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/CI/CI/pdf/news/Fez%20Declaration.pdf> (дата обращения: 11. 06. 2016).

Цукерман Г. А. (2010) Оценка читательской грамотности. Презентация и обсуждение первых результатов международной программы PISA-2009, 7 декабря 2010 года. Российская академия образования, Институт содержания и методов обучения, отдел оценки качества общего образования // Сайт отдела оценки качества общего образования ИСМО РАО Доступно по ссылке: <http://www.centeroko.ru/>(дата обращения: 11. 06. 2016).

Bell D. (1965) *The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties*. – N. Y.: Free Press.

Bell A. (1996). *Approaches to Media discourse*. London, P. 3.

Catts Ralph (2012) *The Search for Indicators of Information Literacy: Lessons for MIL Indicators* <http://www.ifapcom.ru/files/News/Images/2012/mil/Catts.pdf> (Retrieved: 21. 04. 2016).

ELDREDGE NILES. (2006) *Confessions of a Darwinist* // *The Virginia Quarterly Review*. – No. Spring. – P. 32-53.

Freedman D. (2006) *Internet transformations: old media resilience in the new media revolution* // *Media and Cultural theory* / J. Curran & D. Morley (Eds.). London: Routledge. P. 277.

Martin A., Madigan D. (2006) *Digital literacies for learning*. L.: Facet.

Gilster P. (1997) *Digital Literacy*. N. Y.: Wiley Computer Publishing.

J. M. Perez Tornero, TapioVaris (2010) *Media Literacy and New Humanism*. UNESCO Institute for Information Technologies in Education.

Ilomäki L., Lakkala M. and Kantosalo A. (2011) *What is digital competence?* // *Linked portal*. Brussels: European Schoolnet (EUN). P. 1-12.

MYRON BRILLIANT. *The World in 2030: Are we on the path to convergence or divergence?* <http://gt2030.com/2012/05/27/the-world-in-2030-are-we-on-the-path-to-convergence-or-divergence/> (Retrieved: 21. 04. 2016).

NATIONAL INTELLIGENCE COUNCIL. *Global Trends 2030: Alternative Worlds* (2012). <http://globaltrends2030.files.wordpress.com/2012/12/global-trends-2030-november2012.pdf> (Retrieved: 20. 02. 2016).

Media and information literacy through the prism of convergence and divergence

ZHILAVSKAYA I.V.

Ph.D., Professor, Pedagogical State University of Moscow, Member of a Russian Committee of UNESCO "Information for All" Programme, Editor-in-Chief of academic Journal "Media.Information.Communication"

KEYWORDS:

convergence, divergence, literacy, media and information literacy, the emergence.

ABSTRACT: In the paper the author firstly discusses the process of formation of a media and information literacy in the context of convergence and divergence, which replace each other. The author also discusses etymology of the concepts and their evolution in the system of humanities. The author focuses special attention on the global environment, according to which concepts moved from the theory of the evolution to the social and economic theories and began to be used applicable to the economic, political and ideological processes occurring in society. The process of divergence is discussed in details, as the example of the crushing and addition of meanings in the concept of literacy from basic skills of reading and writing to a variety of different forms and types of literacy arised in the digital age. The subjects of more detailed discussion are information literacy and media literacy, their theoretical basis and practical application. Convergent processes are revealed through the concept of media-information literacy (MIL), proclaimed by UNESCO in the early XXI century. The article provides the most current at the moment definitions of MIL.

In conclusion, the author states that it is possible to extrapolate to information systems by studying the history of the development of living systems as a kind of change of divergence and convergence processes. Author also concludes that we will create a new process of divergence of thought-forms, which will make fundamentally new competences in the near future, as a result of contemporary rethinking of the concept of synergetic media-information literacy.

REFERENCE

Bell D. (1965) The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. – N. Y.: Free Press.

Bell A. (1996). Approaches to Media discourse. London, P. 3.

Catts Ralph (2012) The Search for Indicators of Information Literacy: Lessons for MIL Indicators <http://www.ifapcom.ru/files/News/Images/2012/mil/Catts.pdf> (Retrieved: 21. 04. 2016).

ELDREDGE NILES. (2006) Confessions of a Darwinist // The Virginia Quarterly Review. – No. Spring. – P. 32-53.

Freedman D. (2006) Internet transformations: old media resilience in the new media revolution // Media and Cultural theory / J. Curran & D. Morley (Eds.). London: Routledge. P. 277.

Martin A., Madigan D. (2006) Digital literacies for learning. L.: Facet.

Gilster P. (1997) Digital Literacy. N. Y.: Wiley Computer Publishing.

J. M. Perez Tornero, TapioVaris (2010) Media Literacy and New Humanism. UNESCO Institute for Information Technologies in Education.

Iilomäki L., Lakkala M. and Kantosalo A. (2011) What is digital competence? // Linked portal. Brussels: European Schoolnet (EUN). P. 1-12.

MYRON BRILLIANT. The World in 2030: Are we on the path to convergence or divergence? <http://gt2030.com/2012/05/27/the-world-in-2030-are-we-on-the-path-to-convergence-or-divergence/> (Retrieved: 21. 04. 2016).

NATIONAL INTELLIGENCE COUNCIL. Global Trends 2030: Alternative Worlds (2012). <http://globaltrends2030.files.wordpress.com/2012/12/global-trends-2030-november2012.pdf> (Retrieved: 20. 02. 2016).

Bell D. (1986) Sotsial'nye ramki informatsionnogo obshchestva // Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade. M.: Progress. – S. 330-342.

Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'. Dostupno po ssylke: <http://www.vedu.ru/BigEncDic/18855> (data obrashcheniya: 22. 07. 2016).

GelbreytDzh. (2004) Novoe industrial'noe obshchestvo. Perevod na russkiy yazyk: L. Ya. Rozovskiy, Yu. B. Kochevrin, B. P. Likhachev, S. L. Batasov. – M. // Tsentri gumanitarnykh tekhnologiy. Dostupno po ssylke: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5021> (data obrashcheniya: 22. 07. 2016).

Gendina N. I. (2012) Triada «Grazhdanskaya, informatsionnaya i mediagramotnost'» v kontekste novoy initsiativy YuNESKO – Uchebnoy Programmy YuNESKO po media- i informatsionnoy gramotnosti. Riga: IFLA.

Gendina N. I. (2013) Informatsionnaya i mediagramotnost' v Rossii: rezul'taty issledovaniya, vpolnennogo po zakazu YuNESKO // Media. Informatsiya. Kommunikatsiya. №6. – S. 10-12.

Gilford Dzh. (1965) Tri storony intellekta. Lektsiya, pročitannaya v Stenfordskom universitete 13 aprelya 1959 g. Sbornik perevodov «Psikhologiya myshleniya», pod redaktsiey A. M. Matyushkina. – M.: Progress. – S. 433-456.

Darvin Ch. (1991) Proiskhozhdenie vidov putem estestvennogo otbora ili Sokhranenie blagopriyatnykh ras v bor'be za zhizn'. Perevod s shestogo izdaniya (London, 1872). Sankt-Peterburg: NAUKA. Dostupno po ssylke: <http://charles-darwin.narod.ru/origin-content.html> (data obrashcheniya: 12. 06. 2016).

Deyk van T. A. (1989) Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya: Per. s angl. / Sost. V. V. Petrova; Pod red. V. I. Gerasimova; Vstup. st. Yu. N. Karaulova i V. V. Petrova. – M.: Progress. S. 161.

Dzyaloshinskiy I. M. , Pil'gun M. A. (2011) Mediatekst: osobennosti sozdaniya i funktsionirovaniya. – M.: Nats. un-t Vyssh. shk. ekonomiki.

Diveev I. T. (2015) Tendentsii razvitiya konvergentnosti v mediakholdingakh pri vysshikh uchebnykh zavedeniyakh // Gumanitarnye nauchnye issledovaniya, N°6. Dostupno po ssylke: URL: <http://human.snauka.ru/2015/06/11622> (data obrashcheniya: 12. 06. 2016).

Dobrosklonskaya T. G. (2008) Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI. Moskva. Dostupno po ssylke: <http://www.ffl.msu.ru/research/publications/dobrosklonskaya/dobrosklonskaya-medialingvistika.pdf> (data obrashcheniya: 12. 06. 2016).

Kovaleva G. S. (2010) Pervye rezul'taty mezhdunarodnoy programmy PISA-2009. Prezentatsiya i obsuzhdenie pervykh rezul'tatov mezhdunarodnoy programmy PISA-2009, 7 dekabrya 2010 goda. Rossiyskaya akademiya obrazovaniya, Institut sodержaniya i metodov obucheniya, otdel otsenki kachestva obshchego obrazovaniya // Sayt otdela otsenki kachestva obshchego obrazovaniya ISMO RAO – Dostupno po ssylke: <http://www.centeroko.ru/> (data obrashcheniya: 12. 06. 2016).

Lapina-Kratasyuk E. G., Shomova S. A. (2014) Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Newsliteracy i problemy sovremennogo mediaobrazovaniya» (NIU VShE, Moskva, 5-6 marta 2014 g.), Zhurnal'nyy klub «Intelros NLO» N°130. Dostupno po ssylke: <http://www.intelros.ru/readroom/nlo/130-2014/26212-mezhdunarodnaya-nauchno-prakticheskaya-konferentsiya-news-literacy-i-problemy-sovremennogo-mediaobrazovaniya-niu-vshe-moskva-5-6-marta-2014-g.html> (data obrashcheniya: 12. 06. 2016).

Media- i informatsionnaya gramotnost' v obshchestvakh znaniya (2013) Sost. Kuz'min E. I., Parshakova A. V. – M.: MTsBS.

Mel'nik G. S. (2012) Mediatekst kak ob'ekt lingvisticheskikh issledovaniy // Zhurnalistskiy ezhegodnik, N°1. S. 29.

Moskovskaya deklaratsiya o media- i informatsionnoy gramotnosti (prinyata na Mezhdunarodnoy konferentsii «Media- i informatsionnaya gramotnost' v obshchestvakh znaniya» 28 iyunya 2012 goda) Dostupno po ssylke: http://www.ifapcom.ru/files/News/Images/2012/mil/Moscow_Declaration_on_MIL_rus.pdf (data obrashcheniya: 11. 06. 2016).

Minkomsvyaz' Rossii. Mediagramotnost' i mediaobrazovanie. Dostupno po ssylke: <http://minsvyaz.ru/ru/activity/directions/540/> 2015 (data obrashcheniya: 11. 06. 2016).

Obrazovatel'naya sistema «Shkola 2100». Pedagogika zdravogo smysla (2003). Pod red. A. A. Leont'eva. M.: Balass. S. 35.

Rozina N. M. , Karpenko O. M. , Bershadskeya M. D. (2004) Obshchie rekomendatsii po sovershenstvovaniyu gosudarstvennykh obrazovatel'nykh standartov vysshego professional'nogo obrazovaniya // Materialy XIV Vserossiyskogo soveshchaniya po problemam kachestva obrazovaniya. Kniga 1. Obrazovatel'nye standarty i programmy. Obshchie problemy. Moskva – Ufa. S. 5-14;

ROTsIT. Tsifrovaya gramotnost' Dostupno po ssylke: <http://www.mindex.rocit.ru/> (data obrashcheniya: 21. 05. 2016).

Ryabova V.(?) Indeks tsifrovoy gramotnosti v Rossii sostavil 4, 79 iz 10. Ekspertnyy tsentr Elektronnoy gosudarstva. Dostupno po ssylke: <http://d-russia.ru/indeks-cifrovoy-gramotnosti-v-rossii-sostavil-479-iz-10.html> (data obrashcheniya: 11. 06. 2016).

Smetannikova N. N. (2007) Vospitanie chitatelya v kul'turosozidayushchey modeli obrazovaniya. Podderzhka i razvitie chteniya v bibliotечnom prostranstve Rossii: Sbornik nauchno-prakticheskikh rabot / Sostavitel' V. Ya. Askarova. – M.:MTsBS.

Soldatova G. U. , Nestik T. A. , Rasskazova E. I. , Zotova E. Yu. (2013) Tsifrovaya kompetentnost' rossiyskikh podrostkov i roditeley: rezul'taty vserossiyskogo issledovaniya. – M. : Fond Razvitiya Internet. S. 158-159.

Sotsiologiya: Entsiklopediya (2003) Sost. A. A. Gritsanov, V. L. Abushenko, G. M. Evel'kin, G. N. Sokolova, O. V. Tereshchenko. – Mn.: Knizhnyy Dom.

Susov I. P. (2006) Vvedenie v teoreticheskoe yazykoznanie. Dostupno po ssylke: <http://homepages.tversu.ru/~ips/LingFak1.htm#2> (data obrashcheniya: 21. 07. 2016).

Tarassenko F. P. (2004) Prikladnoy sistemnyy analiz (nauka i iskusstvo resheniya problem): Uchebnik. – Tomsk; Izdatel'stvo Tomskogo universiteta.

Toffler E. (1999) Tret'ya volna. – M. : OOO «Izdatel'stvo ACT». – S. 224.

Fesskaya Deklaratsiya o mediynoy i informatsionnoy gramotnosti. – Dostupno po ssylke: <http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/CI/CI/pdf/news/Fez%20Declaration.pdf> (data obrashcheniya: 11. 06. 2016).

Tsukerman G. A. (2010) Otsenka chitatel'skoy gramotnosti. Prezentatsiya i obsuzhdenie pervykh rezul'tatov mezhdunarodnoy programmy PISA-2009, 7 dekabrya 2010 goda.

Rossiyskaya akademiya obrazovaniya, Institut sodержaniya i metodov obucheniya, otdel otsenki kachestva obshchego obrazovaniya // Sayt otdela otsenki kachestva obshchego obrazovaniya ISMO RAO

Медиаграмотность в России: картография проблемных зон

АННОТАЦИЯ: Проект по изучению уровня медиаграмотности населения РФ реализуется Исследовательской группой ЦИРКОН в формате массовых репрезентативных опросов россиян мониторингового типа с 2009 года и позволяет отслеживать изменения в распространенности среди населения различных навыков, связанных с обращением с медиа. В ходе подготовки шестой волны исследования в 2014 году была проведена реконцептуализация понятия «медиаграмотность», процедура проведения которой подробно описывается в тексте. В рамках седьмой волны, проведенной в ноябре 2015 года, произошло уточнение некоторых измеряемых индикаторов. На основании собранных в ходе опроса эмпирических данных была составлена карта медиаграмотности россиян, а также были рассчитаны интегральные индексы медиаграмотности. Основная часть статьи посвящена описанию полученной карты и содержательной интерпретации рассчитанных индексов, позволяющих выделить несколько уровней медиаграмотности.

ВОЙНИЛОВ Ю.В.

Эксперт, Институт статистических исследований и экономики знаний, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, Москва, Мясницкая ул., 9/11.
e-mail: yuvoinilov@hse.ru

МАЛЬЦЕВА Д.В.

к.с.н., специалист-исследователь, Исследовательская группа ЦИРКОН, Россия, Москва, ул. Солянка, д.3, стр.1, офис 14.
e-mail: maltceva@zircon.ru (для связи редакции с авторами статьи)

ШУБИНА Л.В.

заместитель руководителя, Исследовательская группа ЦИРКОН, Россия, Москва, ул. Солянка, д.3, стр.1, офис 14.
e-mail: ludmila@zircon.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

медиаграмотность, информационная грамотность, медиаобразование, опрос населения, интегральный индекс

В последние десятилетия в повседневную жизнь российских граждан активно входят различного рода новые информационные и медиатехнологии. Стремительное развитие «новых медиа» в последние несколько лет способствует выстраиванию совершенно новых отношений в медиа-среде. Постоянное обращение к информационным и медиа-технологиям становится как неотъемлемой частью профессиональной деятельности специалистов разного профиля, так и элементом досугового времяпрепровождения людей из различных социальных групп. Более того, некомпетентность в вопросах обращения с современными информационными технологиями имеет значительные риски, связанные, например, с невозможностью обеспечить безопасность личных данных или оградить себя от вредоносного контента. Отсюда для каждого человека становится важным умение «правильно» вести себя в информационной среде, то есть обладать определенной медиаграмотностью. Это, в свою очередь, также означает необходимость внедрения образовательных и/или социальных программ, направленных на развитие медиаграмотности среди населения. Для этого необходимо выявление конкретных проблемных зон в уровне медиаграмотности на основании соответствующих исследований населения.

В статье разбираются подходы к определению понятия «медиаграмотность» и предлагается ее оригинальная реконцептуализация в парадигме прикладной социологии. Данная реконцептуализация легла в основу эмпирического исследования уровня медиаграмотности россиян¹, результаты которого анализируются в тексте.

¹ Проект «Текущее состояние и перспективы медиаграмотности населения РФ на основе национального мониторинга медиаповедения» реализуется Исследовательской группой ЦИРКОН с 2009 года. В 2014 году в ходе подготовки шестой волны опросов было принято решение реконцептуализировать понятие медиаграмотности в связи с очевидными изменениями в практиках медиапотребления; в 2015 году в методику были внесены некоторые изменения для уточнения измерения некоторых индикаторов.

Статья представляет собой попытку с помощью авторского инструментария составить карту проблемных зон медиаграмотности населения России.

Понимание медиа: подходы к концептуализации понятия «медиаграмотность»

Понятие «медиаграмотность» вошло в научный лексикон достаточно недавно. Его статус и трактовки на данный момент весьма неоднозначны.

В определениях различных исследователей и организаций понятие медиаграмотности часто рассматривается в совокупности с понятием информационной грамотности. Попытки развести эти понятия оказались весьма проблематичны, и в настоящее время прослеживается тенденция к их объединению. Так, международная группа экспертов, созданных ЮНЕСКО, представила новое понимание единства медийно-информационного пространства и предложила к использованию понятие медиа-информационной грамотности (МИГ, МИ-грамотности) как новой грамотности 21 века.

В Московской декларации Российского комитета Программы ЮНЕСКО «Информация для всех» 2012 г. (5) медиаграмотность определяется вместе с информационной грамотностью как *совокупность знаний, установок, умений и навыков, которые позволяют получать доступ к информации и знаниям, анализировать, оценивать, использовать, создавать и распространять их с максимальной продуктивностью в соответствии с законодательными и этическими нормами и с соблюдением прав человека*. Медиа- и информационная грамотность предполагает умение работать с любыми источниками информации (устными и письменными; аналоговыми и электронными/цифровыми), а также со всеми видами и типами информационных ресурсов.

Таким образом, медиа- и информационная грамотность *выходит за рамки владения коммуникационными и информационными технологиями и включает навыки критического мышления, осмысления и интерпретации информации* в различных областях профессиональной, образовательной и общественной деятельности. Чтобы избежать дальнейшей путаницы и наслоения терминов, будем считать в рамках данной статьи понятие «медиа- и информационная грамотность» синонимом понятия «медиаграмотность».

Понятие медиаграмотности также часто связано с понятием *медиаобразования* - процесса развития личности с помощью и на материале средств массовой коммуникации (медиа) с целью формирования культуры общения с медиа, творческих, коммуникативных способностей, критического мышления, умений полноценного восприятия, интерпретации, анализа и оценки медиатекстов, обучения различным формам самовыражения при помощи медиатехники; медиаграмотностью называются приобретенные в результате этого процесса навыки.

Многие методики наряду с понятиями медиаграмотности и информационной грамотности рассматривают такие виды грамотности, как *аудиовизуальная, цифровая, компьютерная, интернет-грамотность, телевизионная, новостная, грамотность в сфере рекламы* (Гендина, Корконосенко 2012). В настоящее время можно зафиксировать тенденцию к сближению и объединению этих понятий в интегрирующие, «зонтичные» определения.

Если же говорить о конкретных методиках измерения медиаграмотности, то среди них эксперты (Солдатова 2013) выделяют три основных группы:

- использующие как объективные показатели, так и субъективные оценки респондентов, например «индекс сетевой готовности» и «индекс развития информационных и коммуникационных технологий»;

- подразумевающие замену объективных показателей одним или несколькими субъективными вопросами – например, индекс COQS, созданный в рамках проекта Statistical Indicators benchmarking the Information Society (SIBIS);
- оценивающие умения и навыки пользователей по субъективным оценкам - более индивидуальный подход, однако большинство разработанных в нем индексов ограничены конкретной сферой - безопасностью детей в Интернете, навыками поиска и коммуникации, компьютерной безопасности, - например индекс компьютерной безопасности компании Майкрософт (Microsoft Computing Safety Index).

Данная типология не является объемлющей (всеобъемлющей?), однако дает возможность очертить пространство выбора эмпирически измеримых показателей – что было важно для проекта, направленного на практико-ориентированную реконцептуализацию медиаграмотности.

Реконцептуализация понятия «медиаграмотность»

Ценность концепта медиаграмотности состоит в том, что он изначально возник как практико-ориентированное понятие - медиаграмотность предполагалась принципиально измеримой. Поэтому концептуализацию медиаграмотности имеет смысл рассматривать в связке с теми измерительными инструментами, которые могут быть разработаны на ее основе, и той информацией, которая может быть собрана с их помощью.

Понятие медиаграмотности уже было концептуализировано в исследованиях ЦИРКОН 2009-2013 гг., однако в рамках реализации проекта 2014 г. появилось представление о необходимости его реконцептуализации – что было вызвано в первую очередь изменившимися реалиями в области медиа (появление новых и уход от старых форматов медиа и коммуникаций), а также и более широким теоретическим осмыслением данного понятия (в него стали входить не только отношения с медиа, но и другие навыки, главным образом связанные с распространением данных, информационной безопасностью). Работа по реконцептуализации понятия «медиаграмотность» была проведена сотрудниками Исследовательской группы ЦИРКОН в ноябре 2014 года. Все реализованные процедуры можно разбить на три этапа.

На первом этапе было проведено формирование первичного списка показателей для измерения медиаграмотности. Основой формирования первичной базы показателей стали методики измерения уровня медиаграмотности в России и за рубежом: «Основные характеристики медиаповедения населения России» (ЦИРКОН, 2009 – 2013 гг.), Каталог навыков медиа- и информационной грамотности «Цифровое будущее» (ЮНЕСКО, 2013), «Цифровая компетентность подростков и родителей» (Фонд Развития Интернет, 2013), «New Media Literacy Skills» (I. Literat, 2014). В каждом случае были отобраны конечные индикаторы, которые непосредственно использовались в ходе массовых опросов по конкретной методике, либо имеют свое эмпирическое выражение и могут быть измерены в ходе массового опроса населения. В итоге был получен набор из 105 различных показателей.

На втором этапе была реализована экспертиза первичного списка показателей. Исходный замысел этой процедуры состоял в оценке экспертной группой каждого показателя по критериям важности (значимости) показателя с точки зрения оценки состояния медиаграмотности населения России и *валидности* – возможности измерения показателя в рамках массового опроса, через самооценку респондента.

На третьем этапе были проведены отбор и формирование финального списка показателей. Всего для анкеты были отобраны 43 показателя из расширенного списка, которые были дополнены 14 дополнительными показателями из методики группы

ЦИРКОН, использованной в 2009-2013 гг., для соблюдения преемственности методического инструментария (таким образом, все индикаторы прошлых лет вошли и в обновленную методику, которая подробно описана в ЦИРКОН, 2013). В итоговую анкету для проведения массового опроса населения РФ были включены 57 показателей.

В 2015 году в рамках седьмой волны инструментарий (анкета) массового опроса был вновь доработан с учетом замечаний, предложений и комментариев методологического характера, высказанных представителями экспертного сообщества в рамках обсуждения результатов исследования 2014 г. – некоторые вопросы были удалены, некоторые – будучи актуальными (влияние информации из СМИ) – наоборот, добавлены; альтернативы некоторых вопросов были заменены на более строгие.

Стоит отметить, что выбор конечных показателей был определен целью исследования - проведением **массового опроса** мониторингового типа для оценки медиаграмотности населения РФ, - в связи с чем инструментарий имеет определенные ограничения, вызванные учетом именно субъективных оценок знаний и навыков респондентов. Понятно, что связь самооценок со знаниями и умениями, существующими на практике, не является прямой (в связи с чем в менее масштабных исследованиях обычно добавляются качественные процедуры, тестирование), однако реализация методики отвечает поставленным (предъявляемым?) к ней требованиям методологического (полнота, адекватность, технологичность, экономичность), а также управленческого (мониторинг уровня медиаграмотности) характера. Кроме того, конечные индикаторы фиксируют не представления респондентов об их навыках по защите личной информации – «хорошо умею защищать информацию о своем банковском счете», - а их ответы о практиках того или иного поведения – «мне приходилось давать информацию о своем банковском счете», - таким образом, хотя и через субъективные оценки, в исследовании сделана попытка выявить информацию об объективном поведении населения. Наконец, проведенная концептуализация позволяет осуществлять расчет интегрального индекса информационной и медиаграмотности населения, который успешно справляется со своей основной задачей - наглядно демонстрирует общий уровень медиаграмотности россиян и позволяет отслеживать ее динамику.

Все индикаторы измерения медиаграмотности были распределены по следующим 6-и ключевым группам:

1. умение эффективно искать и находить необходимую информацию;
2. умение обезопасить себя от вредоносного и избыточного контента;
3. умение верифицировать и критически оценивать информацию с использованием альтернативных источников информации;
4. способность адекватно воспринимать информацию и эффективно (грамотно) ее использовать;
5. умение эффективно и корректно распространять информацию с учётом требований законодательства (защита персональных данных, авторских прав, противодействие экстремизму и пр.);
6. специфические навыки, способность человека взаимодействовать с новыми медиа, пользоваться различными Интернет-сервисами и отдельными техническими приборами.

Ниже представлены распределения ответов респондентов по индикаторам, включенным в каждую из ключевых групп. По большинству из них динамика имеется за 2014-2015 гг., однако некоторые индикаторы можно отслеживать с 2009 года.

Предложенная концептуализация дает возможность масштабировать формат представления результатов оценки медиаграмотности. Данные позволяют как сделать выводы о распространенности конкретных знаний и умений жителей РФ (на-

пример, пользование услугами интернет-банкинга), так и расположить их на единой «карте» медиаграмотности населения и представить ее сильные и слабые стороны; в обобщенном виде данные позволяют построить единый индекс медиаграмотности населения РФ.

Самоопределения уровня медиаграмотности со стороны россиян: предварительные наброски для карты

В современном мире, где количество информации, транслируемой самыми разными способами, неуклонно возрастает, становится все более и более актуальным уметь находить нужные данные в информационном потоке. Поэтому среди набора навыков, характеризующих уровень медиаграмотности населения России, первой идет группа, связанная с **умением эффективно искать и находить необходимую информацию.**

В ходе массового опроса 2015 г. респондентам было предложено самостоятельно оценить, владеют ли они соответствующими навыками поиска информации. Выяснилось, что собирать информацию из разных источников, чтобы получить полное представление об интересующей теме, способны более двух третей (69%) всех опрошенных. Данный навык указывает на общую компетентность в обращении с информацией и умение в ней ориентироваться; в то же время, в связи с интенсивным распространением Интернета, особую актуальность приобретает изучение специфики использования навыка поиска информации в онлайн-пространстве. Данные исследования показывают, что пользоваться поисковыми интернет-сервисами (Яндекс, Гугл и т.д.) в течение прошедшего года приходилось подавляющему большинству интернет-пользователей (90%), при этом по сравнению с 2009 г. показатель вырос на 10%, однако формулировать поисковые запросы, чтобы найти в Интернете нужную информацию умеют, по их словам, только 60% всех опрошенных.

Таким образом, на основе деклараций респондентов можно утверждать, что умение эффективно искать и находить необходимую информацию достаточно распространено среди населения России. При этом общая компетентность в поиске информации оказывается несколько выше, чем компетентность, связанная с поиском информации в интернет-пространстве.

Очевидно, что в современном информационном пространстве далеко не вся информация является важной и заслуживающей внимания. Отсюда возникает другая группа навыков - **умение обезопасить себя от вредоносного и избыточного контента.**

Чтобы успешно защищать себя от вредного контента, человеку необходимо понимать, что сама информация потенциально может оказывать определенное воздействие на его мысли и поведение. С учетом того что СМИ являются одним из самых влиятельных и распространенных каналов получения информации, именно об их потенциальном влиянии, в первую очередь, должен быть осведомлен человек. Более двух третей (70%) из числа всех опрошенных ответили, что полученная из СМИ информация может оказывать влияние на мысли и поведение человека. Вместе с тем довольно значительная часть респондентов (24%) выбрали противоположное по смыслу суждение – что мысли и поведение человека не зависят от информации, потребляемой им в СМИ, и еще 6% затруднились с ответом на данный вопрос.

Умение обезопасить себя от вредоносного и избыточного контента в рамках исследования изучалось также через оценку знакомства респондентов с потенциальными угрозами, существующими в информационном пространстве, среди которых были выделены манипулирование с помощью информации и компьютерные вирусы. Данные показывают, что второе понятие несколько более знакомо для населения России, чем первое (хорошо знакомы с ними 58 и 68% соответственно); при этом для

значительной части населения РФ эти угрозы находятся вне поля зрения (18 и 11% соответственно впервые услышали о них во время опроса).

С этим набором знаний также тесно связан набор умений, непосредственно определяющих способность человека обезопасить себя от вредоносного и избыточного контента. К ним были отнесены умения проводить чистку компьютера от ненужных файлов, проверку компьютера на вирусы, делать резервные копии хранящихся на компьютере файлов, распознавать ситуацию вымогательства информации в Интернете, пользоваться функциями родительского контроля.

Среди респондентов, указавших, что они хотя бы иногда выходят в Интернет, умением проводить чистку компьютера от ненужных файлов обладают, по их словам, 57% опрошенных. Почти такая же часть опрошенных (55%) ответили, что умеют проводить проверку компьютера на наличие вирусов и прочих вредоносных программ скрытого присутствия. Треть (33%) респондентов указали, что умеют делать резервные копии хранящихся на компьютере файлов, четверть (25%) - пользоваться функциями родительского контроля на компьютере (по сравнению с 2014 г. этот индикатор вырос на 11%), 18% - распознавать ситуацию вымогательства информации в Интернете.. Таким образом, более распространенными среди населения являются навыки, связанные с профилактическим обслуживанием работы компьютера, а не те, которые подразумевают определение и установление границ конфиденциальности в информационном пространстве.

Кроме описанных навыков важным элементом медиаграмотности является также **умение верифицировать и критически оценивать информацию с использованием альтернативных источников информации.**

Обладающий этим умением человек должен понимать общий контекст производства информации в СМИ. Разумеется, для обывателя нет необходимости знать, каким образом устроен медиарынок в России, или какова модель функционирования СМИ. Однако, несомненно, необходимым для ориентации в информационном потоке является знание о том, что газеты, радиостанции, телевизионные каналы и интернет-порталы могут быть как частными, так и государственными. Результаты опроса показали, что согласны с этим суждением две трети (68%) респондентов, тогда как 24%, напротив, согласны с суждением о том, что в России государство является монополистом в сфере СМИ, и все российские газеты, радиостанции, телевизионные каналы и интернет-порталы являются государственными (24%); 8% респондентов затруднились с ответом на этот вопрос.

Данное знание выступает своеобразным условием возможности человека верифицировать и критически оценивать информацию с использованием альтернативных источников информации, но не характеризует само умение – которое в действительности проявляется в случае, если человек может замечать различия между информацией и другими сообщениями, в том числе мнениями, суждениями, критикой. По результатам опроса, это умеют делать более половины (51%) всех респондентов. Около трети респондентов (33%) умеют выявлять скрытую информацию о дополнительных платежах за пользование услугой.

Как показали результаты опроса, сегодня лишь около половины россиян (56%) заявляют, что часто сравнивают информацию из разных источников, чтобы ее проверить. Тем не менее это самый высокий показатель за все время мониторинговых замеров с 2009 г.: по сравнению с первой волной он вырос на 10%.

Можно сделать вывод, что для населения России в достаточно невысокой степени характерно умение верифицировать и критически оценивать информацию с использованием альтернативных источников информации.

Следующий важный элемент информационной и медиаграмотности - способность адекватно воспринимать информацию и грамотно ее использовать. Ряд вопросов в

рамках исследования были посвящены знакомству респондентов с такими понятиями, как плагиат, компромат, сетевая зависимость, информационная война. В целом доли россиян, знакомых с этими понятиями, составляют от половины до двух третьих: понятие «плагиат» знакомо 54% респондентов, «информационная война» - 56%, «сетевая зависимость» - 60%, «компромат» - 68%. При этом от четверти до пятой части респондентов заявили, что «что-то слышали» об этих понятиях, а от пятой до десятой части соответственно – что не знакомы с указанными понятиями.

Тогда как популярными практиками потребления интернет-контента является чтение новостей в Интернете (89% респондентов приходилось делать это в течение прошедшего года), а также скачивание из Интернета и прослушивание аудио и видео (68%); чуть более половины россиян (57%) согласны с суждением о том, что Интернет в первую очередь предоставляет широкие возможности для передачи профессиональной и образовательной информации (об этом говорят в том числе те россияне, которые никогда не выходят в Интернет). Около трети респондентов (30%) придерживаются противоположной точки зрения – согласны с суждением о том, что Интернет, в первую очередь, является ресурсом для развлечения и общения. Затруднились с ответом на этот вопрос 13% респондентов.

Доля россиян, которые, по их словам, умеют определять, является ли информация, найденная в Интернете, заслуживающей доверия, составляет лишь 43% (от всей выборки). Однако способность адекватно воспринимать информацию относится, безусловно, не только к информации из Интернета. Так, далеко не все россияне признались, что умеют распознавать указания на то, что определенная программа подходит для детей и подростков (53%). Умением определять, какая информация содержит в себе рекламу, согласно данным опроса, обладают две трети россиян (67%), в то время как 22% сообщили, что не умеют это делать. Этот показатель стабилен и не менялся за все годы измерения.

Способность к адекватному восприятию информации может выражаться не только в знаниях и умениях, но и в реальном поведении. Одним из показателей информационной и медиаграмотности является наличие или отсутствие у человека стремления узнать, чьи интересы представляет СМИ, кто за ним стоит, чтобы оценить информацию из газет, журналов, ТВ, радио. Судя по ответам респондентов, доля тех, кто старается получить такую информацию, составляет 41% от всей выборки - в реальности (не по декларациям) данный показатель, безусловно, еще ниже. За все время мониторинга он изменился несущественно – в разные годы его значения составляли от 37 до 41%.

В целом можно резюмировать, что в рамках проведенного исследования затруднительно дать однозначную оценку такой важной составляющей информационной и медиаграмотности, как способность адекватно воспринимать информацию и эффективно (грамотно) ее использовать. С одной стороны, россияне сегодня активно пользуются Интернетом, в том числе для чтения новостей и скачивания аудио и видео, знают об образовательном потенциале сети Интернет, умеют распознавать рекламную составляющую информации, имеют представления о важных понятиях информационной сферы. С другой стороны, некоторые важные знания и навыки присущи лишь определенной доле граждан. Далеко не все умеют распознавать, какая информация из Интернета заслуживает доверия, различать указания на то, что определенная программа подходит для детей и подростков, меньшинство россиян интересуются тем, чьи интересы представляет СМИ, чтобы оценить представленную в них информацию.

Следующий важный показатель медиаграмотности относится к распространению информации и подразумевает наличие навыка ее эффективной и корректной передачи с учётом требований законодательства – т.е. **умения защищать свои персональные данные и соблюдать закон об авторских правах.**

Актуальность данного навыка определяется тем, что с распространением Интернета и мобильных устройств возможности передачи информации значительно возросли, а также появились различные сервисы, способствующие публикации информации личного характера. По результатам опроса, практика личного общения посредством интернет-технологий становится все более распространенной – среди тех, кто пользуется Интернетом, за последний месяц не общались с другими пользователями лишь 10% респондентов; наиболее популярными средствами общения в сети являются социальные сети, электронная почта и интернет-телефония (их отметили 74, 59 и 36% соответственно). Практика размещения личных фотографий и видео в Интернете также является довольно широко распространенной – среди постоянных пользователей Интернета (согласно данным опроса, две трети россиян – 65% - выходят в сеть не реже раза в неделю) этот опыт имеет более половины респондентов (56%). Такой вид сервиса как облачные технологии, позволяющий загружать личную информацию в сеть, в настоящее время используется пятой частью (20%) россиян – что, вероятно, связано с новизной его функционала.

Результаты показывают, что значительная часть россиян, хотя и на уровне деклараций, имеет представление об опасностях, которые могут возникнуть при передаче личной информации, и говорит об умении себя от них обезопасить. В частности, почти две трети респондентов (61%) согласились с тем, что при использовании электронных средств коммуникации (сайтов, социальных сетей и пр.) всегда осуществляется сбор персональных данных, а почти три четверти опрошенных (72%) согласились, что анонимность в Интернете зачастую обманчива - каждого пользователя можно определить. Значительная часть респондентов показали свою осведомленность о том, что жизнь «в Сети» может негативно сказываться на личной жизни и репутации человека – 61% опрошенных отметили, что размещение человеком в Интернете некоторых сообщений может негативно влиять на его карьеру и личную жизнь. Наибольшую же осведомленность россияне проявили в знании о недопустимости передачи данных о своих паролях и кодах (в Интернете и банке) третьим лицам (86%). Вместе с тем полученные результаты позволяют говорить о том, что около трети россиян даже на уровне деклараций слабо осведомлены об опасностях, возникающих при передаче личных данных; около 18% респондентов согласились с суждением, что использование электронных средств коммуникации не предполагает сбора и хранения персональных данных о пользователях, а 23% - что размещенная человеком в Сети информация не может повлиять на его карьеру и личную жизнь.

Понятно, что декларации о наличии знаний могут существенно отличаться от умений, применяемых на практике. Это подтверждают и данные опроса, согласно которым в ряду различных навыков обеспечения безопасности личных данных вариант «Определять степень конфиденциальности и безопасности передачи личных данных при пользовании услугами через Интернет» был отмечен лишь пятой частью респондентов (21%).

Таким образом, в настоящее время присутствующие в Интернете россияне достаточно активно используют его для общения различными способами, а также для самовыражения – публикации личных фотографий и видео, других материалов. Вместе с тем тогда как большинство респондентов декларируют знание об опасностях интернет-публичности, значительная часть опрошенных имеют об этом довольно слабое представление. Это усугубляется тем, что определять степень безопасности информации на практике (даже по декларациям) может достаточно небольшая часть респондентов.

Немаловажную роль в общей медиаграмотности человека играют специфические навыки, которые не могут быть отнесены ни к одной из выведенных выше категорий. В общем виде их можно охарактеризовать как **способность человека взаи-**

модействовать с новыми медиа, пользоваться различными интернет-сервисами и отдельными техническими приборами.

Для оценки общего уровня медиаграмотности важным является понимание того, насколько компетентен человек в работе с конкретными интернет-сервисами. Подразумевается, что медиаграмотный человек способен скачивать, обновлять программное обеспечение; играть в онлайн-игры; подавать заявление на получение госуслуг, искать работу через Интернет; покупать, заказывать товары и услуги в интернет-магазинах; оплачивать товары и услуги электронными деньгами (Яндекс.Деньги, Web-money); управлять банковским счетом через Интернет (интернет-банкинг).

В целом можно наблюдать общий рост использования различных интернет-сервисов по сравнению с первыми волнами замеров. Чаще всего в 2015 году респонденты-пользователи Интернета указывали такие практики, как скачивание и обновление программного обеспечения (48%), онлайн-игры (39%), а также покупка товаров и услуг (38%) и поиск работы через Интернет (34%).

Такие практики, как управление банковским счетом через Интернет, оплата товаров и услуг электронными деньгами (Яндекс.Деньги, Web-Money и т.д.) и подача заявлений на получение государственных услуг, пока являются распространенными среди небольшой части населения – каждую из данных опций отметили около четверти респондентов. При этом анализ данных пяти волн исследования иллюстрирует стремительность распространения услуг интернет-банкинга и электронных денег – с 4 и 7% в 2009 году до 25% по каждому индикатору в 2015 году.

Одной из составляющих информационной и медиаграмотности является умение интернет-пользователей обеспечивать безопасность своих личных данных. В рамках мониторинга респондентам из числа интернет-пользователей предлагалось выбрать из списка те умения в области обеспечения безопасности личных данных, которыми они обладают. Оказалось, что эти умения распространены далеко неодинаково – так, изменять личные пароли на ПК и в онлайн-сервисах, а также удалять «историю» своих действий в Интернете умеют, по их словам, больше половины пользователей (64 и 56% соответственно), а изменять настройки доступа к своей информации в социальных сетях для разных групп пользователей – лишь (немногим?) более трети (42%). Создавать несколько учетных записей пользователей одного ПК умеет лишь каждый четвертый взрослый интернет-пользователь (27%).

Карта проблемных зон медиаграмотности россиян и интегральный индекс информационной и медиаграмотности

Изложенные данные могут быть визуализированы в виде «карты», где в каждой из шести групп навыков и умений, входящих в понятие медиаграмотности, собраны все составляющие их индикаторы с количественными оценками (доля россиян, обладающих данным навыком или знанием).

ТАБЛИЦА 1

Индикаторы медиаграмотности по группам навыков и знаний с количественными оценками - доля россиян, обладающих данным навыком или знанием

На основе представленных данных можно говорить о том, что лучше всего респонденты обладают группой навыков «умение эффективно искать и находить необходимую информацию», куда относятся как более распространенные компетенции поиска информации в целом, так и чуть менее распространенные умения, относящиеся к действиям в интернет-пространстве.

На другом полюсе находится группа «специфические навыки, способность человека взаимодействовать с новыми медиа, пользоваться различными интернет-сервисами и отдельными техническими приборами», которые в наибольшей степени относятся к работе с новыми информационными технологиями. Представленные здесь навыки в меньшей степени распространены среди россиян (максимальная распространенность навыка в группе – 64%). Как наиболее «проседающие» нужно отметить навыки, относящиеся к использованию различных интернет-сервисов, в особенности – получение госуслуг, управление банковским счетом, оплата товаров и услуг электронными деньгами (хотя по сравнению с предыдущими годами по ним наблюдается рост). Среди навыков интернет-пользователей обеспечивать безопасность своих личных данных отмечаются большая распространенность «базовых умений», связанных со сменой паролей и удалением «истории» действий в Интернете, тогда как более «сложные» умения, связанные с настройками доступа в социальных сетях и созданием нескольких учетных записей, также не имеют большой распространенности (их отмечают не больше трети респондентов).

Две другие группы навыков – «умение обезопасить себя от вредоносного и избыточного контента» и «умение защищать свои персональные данные, и соблюдать закон об авторских правах», по большей части распространены среди населения России, но значительно «проседают» по отдельным позициям. Так, в группе умения обезопасить себя от вредоносного контента преобладают «общие» знания о наличии угроз, тогда как среди непосредственных умений наиболее распространенными являются те, которые связаны с профилактическим обслуживанием работы компьютера, а не подразумевающие определение и установление границ конфиденциальности в информационном пространстве. Группа по умению защищать персональные данные и соблюдать закон об авторских правах также показывает скорее высокое распространение знаний, но не конкретного поведения на практике (даже по декларациям).

Наконец, в группах «умение верифицировать и критически оценивать информацию с использованием альтернативных источников информации» и «способность адекватно воспринимать информацию и грамотно ее использовать» в целом видна высокая степень распространенности навыков (и по некоторым индикаторам в последней группе – даже очень высокая). Исключение составляют два навыка, которые фиксируют обращения к некоторой неявной информации (скрытая информация о дополнительных платежах, информация о заинтересованных сторонах, которые представляет СМИ для оценки информации), а также умение распознавать, какая информация из Интернета заслуживает доверия.

Следует отметить, что числовые значения по навыкам, для которых отмечена скорее высокая и высокая распространенность, чаще всего не превышают 60-70%. Таким образом, даже тогда, когда умения являются наиболее распространенными среди населения России, существует значительная часть респондентов, имеющих о них довольно слабое представление.

В обобщенном виде все перечисленные знания и навыки могут быть суммированы в виде так называемого интегрального (сводного) индекса информационной и медиаграмотности. Он представляет собой сумму частных индексов, рассчитываемых для отдельных навыков. Частные индексы, в свою очередь, вычисляются на основании количества «правильных» ответов, данных респондентом на определенные

вопросы анкеты. Теоретически сводный индекс может принимать значение от 0 (ни одного совпадения с «правильными» ответами) до 35 (полное совпадение с «правильными» ответами). По результатам расчета интегрального (сводного) индекса все респонденты были распределены на следующие 3 группы в соответствии с распределением значений интегрального (сводного) индекса:

1. низкий уровень навыков работы с информацией (0-11 баллов);
2. средний уровень навыков работы с информацией (12-23 баллов);
3. высокий уровень навыков работы с информацией (24-35 баллов).

Далее были рассчитаны доли россиян, для которых характерны низкая, средняя и высокая самооценка медиаграмотности. На рис. 1 приведены распределения этих долей по данным 2015 года.

Как можно заметить, основная доля россиян находится на своеобразном «среднем уровне» медиаграмотности. Это означает, что их знаний и умений достаточно для выполнения ключевых операций в медиасреде, однако свободное ориентирование в медиа-пространстве для них все же недоступно. Тем не менее такой уровень медиаграмотности можно считать приемлемым в современных условиях.

Вместе с тем данные показывают, что около четверти россиян не обладают даже некоторыми основными знаниями о медиасреде и способах работы с ней. В данном случае можно говорить о существенных пробелах в области медиаграмотности, о неприемлемом уровне владения основными навыками. Очевидно, именно на таких россиянах в первую очередь должны быть направлены различные государственные или негосударственные программы развития медиаграмотности.

Наконец, около трети россиян были отнесены к обладателям высокого уровня медиаграмотности. Подразумевается, что такие люди не испытывают никаких проблем с ориентацией в медиаконтенте, отдадут себе отчет в том, как следует обращаться с разным медиаконтентом, активно изучают возможности так называемых «новых медиа». Этот уровень медиаграмотности можно считать комфортным.

В Табл. 1 приведены сравнительные значения сводного индекса информационной и медиаграмотности, полученные в рамках мониторинга в 2014 и 2015 гг. По итогам построения сводных индексов и их сопоставления можно констатировать, что за прошедший год значимых изменений не зафиксировано: минимальные сдвиги находятся в пределах статистической погрешности измерения - таким образом, корректным является вывод о стабильных значениях индекса.

ТАБЛИЦА 2
Сводный индекс информационной и медиаграмотности в динамике 2014-2015 гг.

	2014	2015
Низкий уровень информационной и медиаграмотности	25%	26%
Средний уровень информационной и медиаграмотности	42%	44%
Средний уровень информационной и медиаграмотности	33%	30%

Заключение: от карты к территории

Нередко в адрес социологов можно услышать упрек в том, что в их статьях чаще обсуждаются внутренние проблемы дисциплины, чем реально существующие социальные проблемы. Обсуждения ведутся, скорее, по поводу составленных «карт», чем по поводу «территорий», которые на них изображены.

Авторы данной статьи видят своей задачей создание основы для дискуссии, сфокусированной не только на самой концептуализации медиаграмотности, сколько на обсуждении тех социальных явлений и процессов, которые она маркирует. Результа-

ты измерения уровня медиаграмотности россиян, изложенные в тексте, могут стать основой для такой дискуссии. Первые наброски представленной «карты» обозначают лишь основные области, но трудоемкая работа по ее уточнению и дополнению требует совместных усилий разных исследовательских коллективов. Представляется интересным дальнейшее обсуждение различных аспектов изучения медиаграмотности и сравнение полученных результатов.

БИБЛИОГРАФИЯ

Гендина Н.И.(25-26 апреля 2013 г.) Информационная и медиаграмотность в России: результаты исследования, выполненного по заказу ЮНЕСКО / Доклад на Всероссийской научно-практической конференции «Медиа-и информационная грамотность в информационном обществе»

Информационная грамотность и медиаобразование для всех / Электронный ресурс, URL: <http://www.mediagram.ru/> (дата обращения 01.06.2015).

Медийная и информационная грамотность: программа обучения педагогов / Под ред. А. Гриззл, К. Уилсон, ЮНЕСКО, (2012) / Пер.: Е.Малявская, науч. ред. русского издания: Н.И.Гендина, С. Г. Корконосенко. - 200 с.

Московская декларация о медиа- и информационной грамотности от 28 июня 2012 г. / Российский комитет Программы ЮНЕСКО «Информация для всех», электронный ресурс, URL: <http://www.ifarcom.ru/ru/news/1347> (дата обращения 01.06.2015).

Солдатова Г.У. и др. (2013) Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования / Г.У. Солдатова, Т.А. Нестик, Е.И. Рассказова, Е.Ю. Зотова. — М.: Фонд Развития Интернет, 144 с.

Текущее состояние и перспективы медиаграмотности населения РФ на основе национального мониторинга медиаповедения (2009-2013) Презентация результатов исследования / Исследовательская группа ЦИРКОН, отчет-презентация, электронный ресурс, URL: <http://www.zircon.ru/publications/sotsiologiya-smi-i-massovykh-kommunikatsiy/> (дата обращения 01.06.2015).

Цифровое будущее. Каталог навыков медиа- и информационной грамотности. (2013) М., Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества (МЦБС), – 68 с.

Literat I. Measuring New Media Literacies: Towards the Development of a Comprehensive Assessment Tool / The National Association for Media Literacy Education's Journal of Media Literacy Education Volume 6: Issue 1, pp. 15-27.

Media literacy in Russia: mapping the problem areas

ABSTRACT: In December 2014, ZIRCON Research Group conducted a representative mass survey of the Russian population in order to determine its general level of media literacy. This project is implemented in the form of monitoring since 2009 and allows tracking changes in the prevalence among the population of various skills related to handling the media. During the preparation for the sixth wave of the survey the notion of “media literacy” was reconceptualized – this procedure is described in details in the text. On the basis of the empirical data collected through a survey the map of the Russian’s media literacy was compiled. In addition to this map the integral index of media literacy was calculated. Main part of the article is devoted to the description of the map and meaningful interpretation of calculated indexes that allow identify several levels of media literacy.

VOYNILOV Y. L.

specialist-researcher, ZIRCON
Research Group, Russia, Moscow,
Solyanka st., 3, building 1, office 14.
e-mail: voynilov@zircon.ru

MALTSEVA D. V.

specialist-researcher, ZIRCON
Research Group, Russia, Moscow,
Solyanka st., 3, building 1, office 14.
e-mail: maltceva@zircon.ru

SHUBINA L. V.

deputy head, ZIRCON Research
Group, Russia, Moscow, Solyanka st., 3,
building 1, office 14.
e-mail: ludmila@zircon.ru

KEY WORDS:

media literacy,
information literacy,
media education,
public opinion poll,
integral index

WEB

In December 2014, ZIRCON Research Group conducted a representative mass survey of the Russian population in order to determine its general level of media literacy. This project is implemented in the form of monitoring since 2009 and allows tracking changes in the prevalence among the population of various skills related to handling the media. During the preparation for the sixth wave of the survey the notion of “media literacy” was reconceptualized – this procedure is described in details in the text.

On the basis of the empirical data collected through a survey the map of the Russian’s media literacy was compiled. In addition to this map the integral index of media literacy was calculated. The index allows concluding that the main part of the population has acceptable level of media literacy. At the same time map analysis shows that approximately three quarter of the population is not comfortable with new media/Internet skills and self-protection skills.

REFERENCES

Gendina N. (2013) *Informatsionnaya i mediagramotnost` v Rossii: rezultati issledivaniya, vipolnennogo po zakazu UNESCO* [Information and Media Literacy in Russia: results of a study commissioned by UNESCO] / *Doklad na vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferencii "Media i informatsionnaya gramotnost v informatsionnom obshestve"*, 22-26 aprelya 2013 g. [Report on the All-Russian scientific-practical conference «Media and Information Literacy in the Information Society», 25-26.04.2013].

Grizzle A., Wilson C. (eds.) (2012) *Media and information literacy curriculum for teachers*, Paris, UNESCO / In Russian: Gendina N., Korkonosenko S. (eds.) (2012) *Mediynaya i informatsionnaya gramotnost`: programma obucheniya pedagogov* [Media and information literacy curriculum for teachers, UNESCO], Moscow.

Fond Sovremennaya Pol'sha (2013) *Tsifrovoe budushee. Katalog navikov media i informatsionnoy gramotnosti* [The digital future. Skills of media and information literacy catalogue], Moscow: Mezhhregionalniy centr bibliotechnogo sotrudnichestva.

Informatsionnaya gramotnost' i mediaobrazovanie dlya vseh [Information literacy and media education for all]. Available at <http://www.mediagram.ru/> (accessed 1 June 2015).

Literat I. *Measuring New Media Literacies: Towards the Development of a Comprehensive Assessment Tool* / *The National Association for Media Literacy Education's Journal of Media Literacy Education* Volume 6: Issue 1, pp. 15-27.

Moskovskaya deklaratsii o media- i informatsionnoy gramotnosti ot 28 iyunya 2012 g. [The Moscow Declaration on Media and Information Literacy from June 28, 2012], *Rossiyskiy komitet Programmy UNESCO «Informatsiya dlya vseh»* [Russian Committee of UNESCO Information for All Programme]. Available at <http://www.ifapcom.ru/ru/news/1347> (accessed 1 June 2015).

Soldatova G., Nestik T., Rasskazova E., Zotova E. (2013) *Tsifrovaya kompetentnost podrostkov i roditeley. Rezultati vserossiyskogo issledivaniya* [Digital competence of adolescents and parents. The results of all-Russian research], Moscow: Fond Razvitiya Internet.

Measuring the effectiveness of news literacy education through a MOOC:

What we can learn from the behavioural data and learning analytics for better pedagogical strategies

**MASATO
KAJIMOTO**

Assistant Professor
Journalism and Media Studies Centre
The University of Hong Kong

KEY WORDS:

MOOC, pedagogy,
news literacy, learning
analytics, journalism
education

ABSTRACT: This paper discusses a Massive Open Online Course (MOOC) on news literacy taught by the researcher entitled “HKU04x Making Sense of News,” which was provided on edX, the non-profit online education portal founded by the Massachusetts Institute of Technology and Harvard University, between May 19 and June 29, 2015. More than 7,500 students from 147 countries were enrolled in the six-week course. The preliminary research presented in the paper taps into the large quantity of student demographic and behavioural data that logged every single mouse click, video player control, activity participation and all the other interactions between each learner and the learning platform to explore how educators could take advantage of the learning analytics. It focuses on specific variables, such as the relationship between the frequency of discussion forum posts and assignment grades, and educational background and overall assignment scores. The findings demonstrate the possibilities and future directions of news and media literacy teaching and research in the digital age. The paper discusses some of the pertinent key elements of news literacy education in today’s technologically interconnected societies, while exploring the idea of future computer modelling that could provide move insight into the design of effective curricula, instructional designs, technological architecture and other teaching plans and strategies.

Introduction

In the age in which the rapid development of digital communication technologies constantly morphs the ways people interact with media content through a web of networked information architecture, one of the biggest challenges for media educators is to find ways to guide the future generation of media discerning audiences who could critically assess the media messages they encounter on a daily basis.

Thus, the goal of today’s media literacy education is to help students develop actionable skills which would allow them to navigate effectively through the information overload.

Overall interest in educational programmes that are designed to instil such abilities has been growing on a global scale. As a result, media literacy education and its pedagogical approaches have been modified in terms of the nationalities and disciplines of the educators and researchers represented in the field (Hobbs, 2010; Mihailidis, 2012; Potter, 2010). Hobbs (2010) defines media literacy as a “constellation of life skills that are necessary for full participation in our media-saturated, information-rich society” (p. vii). Silverblatt and Eliceiri (1997) describe it as “a critical-thinking skill that enables audiences to decipher the information that they receive through channels of mass communications and empowers them to develop independent judgments about media content” (p. 48).

Among the various approaches designed to teach the “life skills” and “critical-thinking” mindsets, news content requires a somewhat different pedagogical strategy because, unlike other types of media products such as movies and fictional novels, news stories are considered to be representing “real” people in “real” events. Although the actual practices may differ from country to country, in general, the conventional understanding is that there is a sanctified line between news (reality) and fiction (imagination) in the media industry, and journalists are often perceived differently from other types of media content producers, such as movie directors (Fleming, Hornik, & Kajimoto, in press).

Thus, news literacy instruction, as opposed to the “catch-all” media literacy education, is considered by some educators to be a specialised approach (Adler 2014; Fleming 2014; Hornik & Kajimoto, 2014; Jolly 2014; Klurfeld & Schneider, 2014; Loth 2012; Mihailidis, 2012). Although it shares many of the same analytic goals endorsed by the media literacy education, the lessons and activities often focus exclusively on news content and production process (Hornik & Kajimoto, 2014; Klurfeld & Schneider, 2014). The United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO) has also developed a media and information literacy (MIL) programme within the framework of journalism education in recent years including model curricula that follow some aspects of journalism training (Lee, Lau, Carbo, & Gendina, 2013; Wilson, Grizzle, Tuazon, Akyempong, & Chueng, 2011).

On the Internet, 2015 saw a few Massive Open Online Courses (MOOCs) that were designed to advance the news literacy education – or media literacy education with a specific focus on journalism – for the first time in this field. In May, the author of this paper launched his six-week course entitled “Making Sense of News” on edX, the non-profit online education portal founded by the Massachusetts Institute of Technology and Harvard University. The Arizona State University offered a course entitled “Media LIT: Overcoming Information Overload” on edX at the end of June.²

In August, the University of Melbourne launched its course, “Journalism Skills for Engaged Citizens”³ on Coursera.

This paper examines the learning analytics of the “Making Sense of News” course and analyses its substantial behavioural data extracted at the end of the course. By taking advantage of the amount of detailed user data with a large sample size mined through the MOOC, which could have not been collated by means of conventional research methods in classrooms, this study aggregates and investigates the varying patterns of learning. The quantitative approach taps into the large quantity of student demographic information and usage logs that monitored every single mouse click, video player control, activity participation and all the other interactions between each learner and the learning platform.

The findings are believed to demonstrate the possibilities and future directions of news and media literacy teaching and research in the digital age. The paper discusses some of the pertinent key elements of news literacy education in today’s technologically interconnected societies, while exploring the idea of future computer modelling that could provide more

1 <https://www.edx.org/course/making-sense-news-hkux-hku04x>

2 <https://www.edx.org/course/media-lit-overcoming-information-asux-mco425x>. The course ended on 30 Aug.

3 <https://www.coursera.org/course/citizenjournalism>

insight into the design of effective curricula, instructional designs, technological architecture and other teaching plans and strategies.

Methodology

As pointed out by Raffaghelli, Cucchiara, and Persico (2015), there seem to be no coherent research methods in the field of MOOC research, as the problems encountered by education researchers are rather new. They argue that conventional educational studies would not be suitable for analysing MOOCs because the free online courses have “large cohorts of students, very large amounts of data and new ways of learning determined by unprecedented freedom of choice” (p. 490).

Literature reviews on MOOC research indicate that many scholars consider the academic inquiry into the new education platform to be in its exploratory and experimental stage, as there are many new factors and criteria that define the effectiveness of teaching and learning, such as the diverse background of the participants, user engagement, retention/attrition rate, platform interface, online tools, navigation system, social learning and so forth. Furthermore, the aims of MOOC providers greatly differ. Some regard them as an extension of public education and open learning initiatives, some see them as disruptive paradigm shifts in higher education, whereas others see them as a testing stage for the “blended” mode of on-campus teaching and learning (Ebben & Murphy, 2014; Gasevic, Kovanovic, Joksimovic, & Siemens, 2014). Not many studies, in fact, have reached the stage of testing particular hypotheses or drawing general conclusions that could affect policymaking and pedagogical overhaul, according to the meta-analysis of the literature by Raffaghelli, Cucchiara, and Persico (2015).

The research presented below is also a preliminary exploration of the demographic and behavioural data. It scrutinises the high volume of learner data available for analytic purposes and endeavours to gather some insights for future computer-based educational effectiveness research in the field of news literacy education that could be applicable under different circumstances. O’Reilly and Veeramachaneni (2014) eloquently formulated the advantage associated to the dataset mined through MOOCs, which not only includes the conventional “teaching material, student demographics and background data, enrolment information, assessment scores and grades” but also behavioural data, in the form of platform records such as “through input, every mouse click, video player control use, and every submission to the platform such as problem solution choice selection, solution composition or text entry for a forum discussion.” They argued that “the level of recorded detail of behaviour in a MOOC vastly surpasses that recorded in conventional settings” (p. 29).

Student demographics

1. Overall enrolment: The online news literacy course taught by the author ran between May 19 and June 28, 2015. More than 7,500 students from 147 countries were enrolled in the six-week course. However, as is often the case with free online courses, the number of “active” users was lower than in the case of “registered” users. The number of active students, who engaged in the course content at least once after the course start date, was 2,150 in the first week. The number of active students significantly dropped in the second week to 1,537 and from there the dropout rate increased steadily (about 150 students per week). In the fifth week, when the final assessment was included, there were 1,019 active users (the sixth week only included a course summary and some bonus content, but still recorded 938 active users).

In this instance, the trend follows a typical pattern associated to MOOCs but the huge dropout rate after the first week could also be due to the fact that the first assignment involved a heavy workload for the students, as they were required to assess five submissions by their

peers. The exit survey anecdotally supports this assumption, as many users commented that the peer assessment was too time-consuming and they decided not to complete the task.

2. More male students than female students: Among the active learners who declared their genders (many online students refuse to reveal this information upon registration), the course had 43 percent female learners and 53 percent male learners. This is a notable observation because there seems to be a consensus, at least anecdotally, among the university educators that media and journalism-related academic subjects attract more female students than male students on campus in many countries, despite the socio-cultural and economic differences among them. In the case of MOOCs, however, male students constituted the majority. This requires further investigation as the gender dynamics might have affected the online forum discourses.

3. More mature students with higher degrees: Age-wise, about 37 percent were below 24 years of age and 36 percent were between 25 and 39 years old, while 27 percent were older than the age of 40. Considering that 63 percent of the participants are “mature” students (age 25 or above), in the future, the pedagogical design and instruction might need to be adjusted in order to reflect the diversity of age groups on MOOCs. Also notably, about 35 percent of the active users, who revealed their educational backgrounds, hold a bachelor’s degree, whereas 28 percent have attained a master’s degree. In total, the vast majority of the students (95.3 percent) have completed at least high school education and many hold much higher degrees including a PhD (4 percent), which suggests that as far as this particular MOOC is concerned, it attracted a diverse group of participants with varying degrees of educational training.

4. Countries and language preference: The United States was by far the most represented country both among registered users and active students with about 17 percent of the total population, followed by Hong Kong (11 percent). A sizable portion of the registered users was from mainland China (10 percent), India (7.5 percent), the United Kingdom (3 percent), Canada (2.8 percent) and Japan (2.5 percent). Interestingly, among the active students, however, 5 percent of the population came from the Philippines although the country ranked 15th in terms of registration (1.3 percent). It should also be noted that more than 3 percent of the course participants decided not to enter their country of origin when they signed up.

The entrance survey (n=596) indicated that 87 percent of the students are “comfortable” or “very comfortable” with the English language. More than half of them (57 percent) said they looked at the subtitles that accompanied the instructional video clips “often” or “all the time”. Although all clips provided subtitles in two languages – English and Simplified Chinese – the overall majority (92.7 percent) said they preferred the English language, while 4.9 percent said they relied on both.

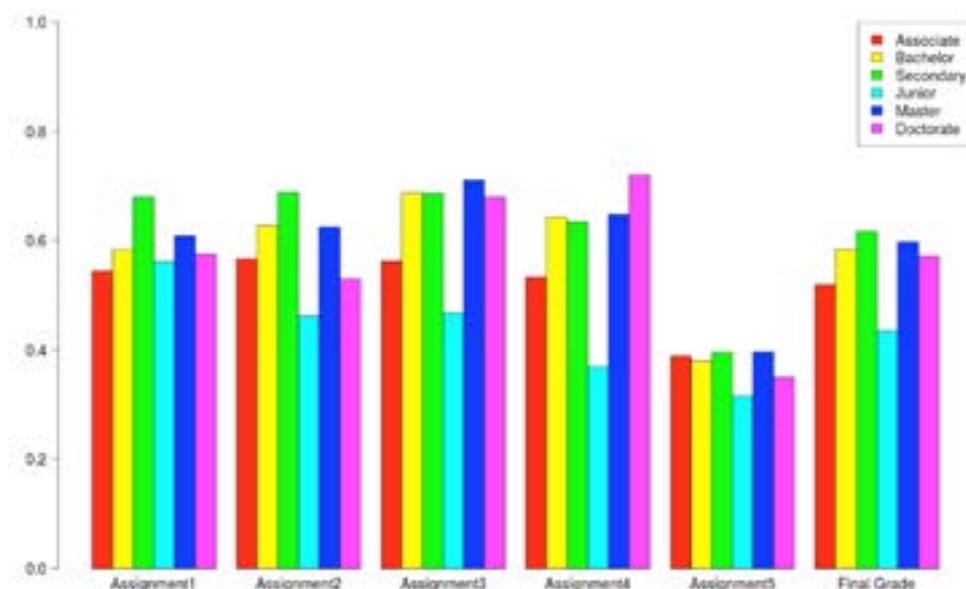
Findings

1. Average grade: As previously stated, there were five assessment tasks in the course. Across the four assignments, the mean score was noticeably lower than the median and mode scores (see Table 1 below). This indicates that there was a cluster of students who scored disproportionately lower than the others and lowered the arithmetic average for those assignments. The reason for this is debatable. On the one hand it could be that a group of students did not seriously engage with assignments, or on the other hand it could be that they in fact required more guidance and instruction as opposed to their peers.

TABLE 1:
Average assignment scores

	Assignment 1	Assignment 2	Assignment 3	Assignment 4	Assignment 5
Mean	0.61	0.62	0.70	0.64	0.39
Median	0.70	0.80	0.84	0.80	0.40
Mode	0.70	0.80	0.84	1.00	0.00

2. *Grades and educational background:* Although it is not fair to directly compare different degree holders considering the fact that the sample sizes differ to a great extent, it is worth noting that the data show that secondary school (high school) education could be the necessary foundation in order to acquire the news deconstruction skills taught in the course that were tested through Assignments 3 to 5; those who do not hold a high school diploma scored significantly lower in the three assignments that tested such skills (Figure 1). The data also suggest that a higher degree might not necessarily indicate the level of news-related critical thinking ability, as the differences between bachelor's, master's and PhD degree holders were not evident.

3. *Forum engagement and grades:* One of the core components of online courses is the discussion forum where students can interact with each other and the instructor. The six-week MOOC recorded 954 forum posts upon completion of the course. Interestingly, the highest scoring top 20 students in the course did not engage in the forum discussion at all, with only one or no forum posts, with the exception of one student who was quite active with a total of 28 entries. Meanwhile, the analyses of the 20 average (mean, median, and mode) students indicate that the vast majority of them were posting comments and responding to the discussion questions more frequently.

The study also focused on the 20 most frequent commentators. They, in fact, achieved much higher grades than the average students. The findings imply that forum engagement may not be that important for top students, whereas some interactions and participation in the discussion would possibly help other learners understand the course material better. Nevertheless, such correlation does not prove causality and requires further research. The scatter plot and regression analysis of the relationship between the number of posts and the overall grade (Figure 2) support this observation, as no-forum-engagement students generally scored lower (with the exception of really high scoring students who did not engage with the platform either), while there is no significant grade difference between those who participated in the discussion moderately and those who did so frequently.

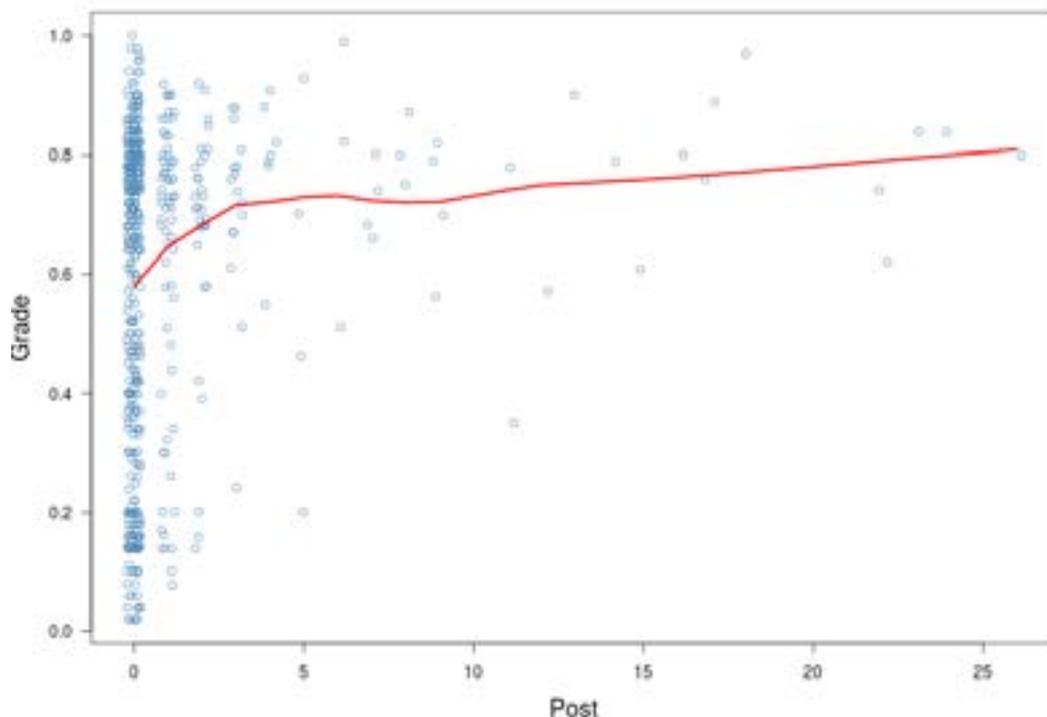

Figure 2: Number of posts and average grade

4. *Video playback: The six-week course featured the following video material:*

26 lecture video clips (about 3-4 minutes each)

12 key lesson summary video clips (about 1 minute each)

19 discussions with students (2–4 minutes each)

5 other types of material, such as assignment instructions (2-4 minutes each)

Every single video playback click stream by each student has been analysed for each clip. Overall, there are three noticeable behavioural patterns across the video content. Firstly, whenever the instructional video showed some text, charts or other graphical elements that were closely relevant to the lecture, many students paused the video even though the same information (identical text and graphics) was posted just below the video player on the page. The second interesting pattern is that while the number of “replays” varied widely in relation to lecture content, the key lesson summary video clips were frequently watched more than once. Thirdly, the discussions and Q&As with the students were not as popular as other types of material. In the exit survey (n=146), the lecture videos were rated as “most useful” (4.6 on a scale from 1 to 5), whereas the discussion content was rated as the “least useful” with a score of 3.8 in the user ratings.

Interestingly, several students commented in the survey that they mostly read the transcripts of the video material (which is shown alongside the video clips and is downloadable) instead of watching the actual clips. These comments came from some top-scoring students and this learning pattern seems to correlate with the fact that top students did not engage with the forum discussions. In other words, those who were quick to understand and internalise the concepts in order to tackle the assignments, preferred reading the texts, which often constitute a faster learning method than watching the video, and working on the assignments without asking questions or wanting to know other students’ reactions.

Discussion⁴

The “Making Sense of News” platform was an attempt to design a specialised online news literacy course (as opposed to all-inclusive media literacy courses) for the general public that

⁴ Some of the passages in this section were also featured in the Comunicar blog under the title “MOOC as an all-in-one platform for teaching and research” at <https://comunicarjournal.wordpress.com/2015/08/20/mooc-as-an-all-in-one-platform-for-teaching-and-research/>

has a universal application around the world. It has adopted what Fleming (2014) referred to as the “journalism school approach” in which the instructional theories were drawn on journalistic methods and mindsets (see also, Klurfeld & Schneider, 2014; Loth, 2012; Fleming, Hornik & Kajimoto, 2016). Although it is perhaps pedagogically not plausible to design a course that satisfies the learning needs of a large number of students with varying educational backgrounds from different countries, MOOCs can provide an unprecedented amount of students’ behavioural data that can be subsequently explored in order to pinpoint the effectiveness of each instruction, assignment, exercise, and all other teaching and learning activities.

This paper presented some of the preliminary data analysis in order to illustrate the potential of online-based media education research. It outlined some of the many possibilities MOOCs could shed light on once researchers delve into the big data. This emerging teaching and learning platform could provide an all-in-one platform for the purpose of education research, whereby researchers can combine entrance/exit surveys, demographic information, learning patterns, the results of knowledge tests, forum commentaries in the class discussions, academic performance and other variables altogether. The dataset can be examined in a wide variety of ways to see whether there is a correlation among the different variables; for example, whether or not learners’ educational backgrounds correlate with the level of certain news literacy skills.

The online platform makes it easy to test different pedagogical methods to teach news literacy. For example, a researcher could produce two or three different instructional video clips using the same script – one with the instructor talking with his/her face shown, one with an avatar replacing the instructor’s face, and one with a professional TV talent taking the role of the instructor. The three clips can be randomly assigned to different students. Later, the effectiveness of each clip could be assessed on the basis of the results obtained during the quizzes that follow immediately after the video. Such A/B testing would normally not work in a lab setting since standardising the test-takers’ individual abilities would be next to impossible, but the large sample size provided by a MOOC could possibly alleviate such concerns to a great extent. Using the same method, two different news articles can be given to the students with only one word changed. It would be interesting to see whether the choice of one particular word over other words would affect the ways in which students detect and evaluate media biases.

The written communications among the students can be tracked down, mapped and combined with other variables, which could also form a foundation for qualitative research, although the preliminary study presented in this paper lacked such analysis. The qualitative dataset allows researchers to see how students engage with one another through peer-reviewed assessments and forum discussions. If, for instance, there are two clusters of engagements among high news literacy skill students (group A) and low news literacy skill students (group B) that were organically formed, the data could indicate that they (groups A and B) are not communicating with each other. We can qualitatively analyse their digital conversations and possibly distinguish some key elements that might tell us why certain instruction works with some but not with others.

The detailed video playback data also reveal many things. The exact points where the students paused or fast-forwarded or rewound the video clip can indicate not only how students interacted with the video lectures, but also what visual cues disappeared too hastily (pause), or which parts were redundant or unnecessary (fast-forward or “forward seeks”), or what concepts and explanations were difficult to understand (rewind or “backward seeks”). The click through data and other web analytics data reveal many other factors that would inform the educators; for example, how much time students spent in order to complete different exercises and assignments, what time/day they accessed the teaching materials

and so forth, all of which could provide valuable information for educators seeking to improve the teaching strategies.

MOOCs could potentially provide great insights into the design of effective pedagogy while presenting opportunities for scholars to test a multitude of pedagogical designs, teaching methods and research hypotheses on a large scale (O'Reilly & Veeramachaneni, 2014; Veeramachaneni, Derroncourt, Taylor, Pardos, & O'Reilly, 2013). Ultimately, this kind of research should evolve into a computer modelling that could identify some key predictors, while measuring the effectiveness of educational intervention in the field of news and media literacy. In the future, one of the possible trends that could also develop along with this technology is constituted by the online-based learning platforms that organically morph and optimise the tuition for every user on a personal level, on the basis of the types of learning analytics and research findings discussed in this paper.

REFERENCES

Adler, B. (2014, March 31). News literacy goes global. *Columbia Journalism Review*. Retrieved from http://www.cjr.org/news_literacy/news_literacy_abroad.php?page=all

Ebben, M. & Murphy, J. S. (2014). Unpacking MOOC scholarly discourse: a review of nascent MOOC scholarship. *Learning, Media and Technology*, 39(3), 1-18. doi: 10.1080/17439884.2013.878352

Fleming, J. (2014). Media literacy, news literacy, or news appreciation? A case study of the news literacy program at Stony Brook University. *Journalism & Mass Communication Educator*, 69(2), 146-165. doi:10.1177/1077695813517885

Fleming, J., Hornik, R., & Kajimoto, M. (2016). Creating a global community of news literacy practice. In M. N. Yildiz & B. S. De Abreu (Eds.), *Global media literacy in a digital age: Teaching beyond borders*. New York, Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt, Main, Oxford, Wien: Peter Lang.

Gasevic, D., Kovanovic, V., Joksimovic, S., & Siemens, G. (2014). Where is research on Massive Open Online Courses headed? A data analysis of the MOOC research initiative. *The International Review of Research in Open and Distributed Learning*, 15(5).

Hobbs, R. (2010). *Digital and media literacy: A plan of action*. Washington, DC: The Aspen Institute.

Hornik, R., & Kajimoto, M. (2014). De-Americanizing news literacy using local media examples to teach critical thinking to students in different socio-cultural environments. *Asia Pacific Media Educator*, 24(2), 175-185.

Jolly, J. (2014, September 4). News literacy vs. Media literacy. *Columbia Journalism Review*. Retrieved from http://www.cjr.org/news_literacy/news_literacy_vs_media_literac.php?page=all

Klurfeld, J., & Schneider, H. (2014). News literacy: Teaching the Internet generation to make reliable information choices. *Brookings Institution Research Paper*. Retrieved from <http://>

www.brookings.edu/research/papers/2014/07/news-literacy-internet-generation-reliable-information-choices

Lee, A., Lau, J., Carbo, T., & Gendina, N. (2013). Conceptual relationship of information literacy and media literacy in knowledge societies. UNESCO.

Loth, R. (2012). What's black and white and retweeted all over? Teaching news literacy in the digital age. In Joan Shorenstein Center on the press, politics and public policy discussion paper series. Boston: Harvard University.

Mihailidis, Paul. (2012). News literacy: Global perspectives for the newsroom and the classroom. New York: Peter Lang.

O'Reilly, U., & Veeramachaneni, K. (2014). Technology for mining the big data of MOOCs. *Research & Practice in Assessment*, 9(2), 29-37.

Potter, W. J. (2010). The state of media literacy. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 54, 675–96.

Raffaghelli, J. E., Cucchiara, S., & Persico, D. (2015). Methodological approaches in MOOC research: Retracing the myth of Proteus. *Br J Educ Technol*, 46(3), 488-509. doi:10.1111/bjet.12279

Silverblatt, A., & Enright Eliceiri, E. M. (1997). *Dictionary of media literacy*. Westport, CT: Greenwood Press.

Veeramachaneni, K., Derroncourt, F., Taylor, C., Pardos, Z., & O'Reilly, U. (2013). MOOCdb: Developing data standards for MOOC data science. In *AIED 2013 workshops proceedings volume*.

Wilson, C., Grizzle, A., Tuazon, R., Akyempong, K., & Chueng, C. (2011). *Media and information literacy curriculum for teachers*. UNESCO.

Youngsters, Digital Technology and Unplugging

SADABA CHARO
Professor, School of Communication,
University of Navarra, Pamplona, Spain
e-mail: csadaba@unav.es

1. Youngsters and technology

The presence of the internet is clear in developed countries, especially among youngsters. However, technology access and usage is also increasing in developing societies, where minors are in most cases at the forefront of the adoption and usage of these new services.

The incidence of ICT is higher among young people whom, according to Prensky (2001), have been considered digital natives. In this particular case, the future, which has already transitioned into the present, is shaped by millions of minors with a screen in their pockets, which gives them global and interactive access to various forms of content. Research confirms that, despite socioeconomic and cultural differences, in most countries it is possible to find high levels of ICT penetration among young people who seem to be at the forefront of the adoption of any technological development.

The adoption of a new technology always raises issues that attract the interest of researchers. Some of the recurring themes arising from the emergence of an innovation are the motivations to adopt innovations at a particular point in time (Rogers, 1971), the impact that the arrival of a new device exerts on the habits, behaviours and conducts (displacement effect) of existing device users, possible psychological or perceptual changes, and the positive or negative effects that the new technology will have on the scenarios it affects. Of course, many of these issues commence and are supported in the quantification exercises and in the description of the profiles of new technology users. This is done in order to predict or establish consumption and adoption patterns, as well as particular uses of the new technology. The impact that an innovation can have on certain groups is another issue that has traditionally attracted the attention of researchers.

In this context, ascertaining the extent to which information and communication technologies affect children attracted significant interest for several reasons. One was the ease of access that this age group has to these new devices. In this sense, and despite its non-academic perspective, Tapscott (1998) exerted a strong influence attracting public attention to this issue. Besides, Tapscott's over-optimistic approach was shifted to a strong defensive position upon the arrival of these new devices and technologies into the lives of children. However, their educational, transformative and participatory potential led to public and private initiatives becoming common in the late nineties in order to promote an increasingly intensive use of ICT by this segment.

The Kaiser Family Foundation, the National Institute on Media and the Family or the Markle Foundation were some of the first institutions to undertake research efforts in order to understand the extent to which US children were using these new technologies (Wartella et al., 2000). In this country the most important source of information is currently the «Pew Internet & American Life Project»¹ which covers, among other issues, the role of ICTs in the everyday life of adolescents.

In Europe, Livingstone and Bovill published «Young People, New Media» in 1999 which addressed the issue of «children, young people and their changing media environment, focussing on the diffusion, uses, experiences and significance of media and information technologies among 6-17 year olds. The subject of children, young people and the new media attracts considerable public and academic interest» (Livingstone & Bovill, 1999:1). This

¹ <http://www.pewinternet.org/topics/teens-and-youth/>

was followed by a relevant research project coordinated by Sonia Livingstone under the European Commission's Safer Internet and Safer Internet Plus Programmes, and EUKids Online (Livingstone & Haddon, 2009). The project made it possible to establish the agenda both in the academic as well as in the political context regarding this field². Other relevant contribution to this field is Livingstone's (2003) proposal in relation to the research agenda in this field. As a further initiative the Net Children Go Mobile³ project has recently focused on five European countries and on the use of mobile devices across this particular age group (Mascheroni and Ólafsson, 2014).

In Latin America, between September 2007 and June 2008, a research team led by the University of Navarra and funded by Telefónica, one of the largest Spanish telecommunications companies, reached more than 80,000 young people between the ages of 6 and 18 in seven countries: Argentina, Brazil, Chile, Colombia, Mexico, Peru and Venezuela. By December 2011, the total number of children participating in the investigation stood at 200,000, and the sample was expanded to Spain, Ecuador and Guatemala. Three progress reports were published on the basis of the collated data: «The Interactive Generation in Latin America 2008» (Bringué & Sádaba, 2008), «The Interactive Generation in Spain 2010» (Bringué & Sádaba, 2010a) and «The Interactive Generation in Latin America 2010» (Bringué & Sádaba & Tolsá 2010b). Furthermore, in 2011 a special report focusing on the relationship between Spanish minors and social networks was also published (Bringué & Sádaba, 2011a). Reports including data from Argentina (Bringué, Sádaba, Zemboráin, Cantu & Bunge, 2009), Brazil (Passarelli, B., Junqueira, A.H., Angelucci, A. Kutscka, S. Boaro, J., Bringué, X., Sádaba, Ch., 2012) and Ecuador (Bringué & Sádaba, 2011b) were also published. Articles covering the particular cases of Colombia (Arango, Bringué, Sádaba, 2010), Mexico (Bringué and Sádaba, 2009) and Venezuela (Sádaba, Bringué and Calderín, 2011; Bringué, Sádaba and Calderín, 2011) were published within the same context. Beyond the relative academic value of this work, which provided original information on the relationship children and adolescents in these countries had with technology (Sádaba, 2013), its impact on public opinion was remarkably precise on account of its novelty (Sádaba, 2014).

Buckingham (2006; 2007) and Turkle (1995; 2011) among others have approached the subject from a more theoretical perspective, formulating interesting questions about the type of relationships created by the technological scenarios and how the latter affect children and young people.

In recent years, the research work conducted by EUKids Online established and confirmed the manner in which European minors are contributing to the development of new trends. Nevertheless, this may also be observed in other regions and countries: one of the most recent reports published by the Global System for Mobile Communications Association (GSMA, 2011) focusing on Egypt, Japan, India and Paraguay, found out that 69% of the children living in these countries were using a mobile phone, with the usage becoming increasingly sophisticated every day: not only because of the device itself (many children are familiarised with smartphones), but also because of the purpose they use the mobile phone for. While only 43% of the parents in those countries reported using their mobile phones in order to access social networking sites, 73% of minors declared doing so.

When considering the main reasons which might help explain and understand this close relation, it is possible to identify at least four issues (Sádaba, 2008; Sádaba and Naval, 2008):

- In the first place technology solves two of the most important and prevalent needs among adolescents: it allows them to socialise with others in quicker and costless ways, and it constitutes an easy entertainment alternative. Socialisation and leisure needs, both very relevant for this age group, are properly covered with this technology.

2
3

Database is available at: <http://www.lse.ac.uk/media@lse/research/EUKidsOnline/DB/home.aspx>
<http://netchildrengomobile.eu/>

- Technology allows them to reinforce the generational gap in a positive way: they are aware of their superior technological skills. Adults should not disregard the opportunity provided by technology use in order to demonstrate that there are things or situations in which they are better.

- In the third place, technology is an interactive medium and teenagers prefer a two-way communication process to linear or one-way communication: they want to be able to participate (even if they subsequently decide not to).

- Finally, there is a clear generational link between them and the use of technology and it is easy to understand that this creates a particular relation that cannot be overlooked.

2. Emerging risks

Youngsters are eager consumers of technology, but sometimes they are also suffering under the risks associated thereto. Experts identify three C's to be aware of: Content (age-inappropriate or harmful), Contacts (being able to contact or being contacted by strangers) and Conducts (bad habits or behaviours they can adopt or suffer from). These risks must be addressed from a multi-stakeholder perspective: governments and public administration should ensure that the online space is as safe as possible for them; telecommunications companies and content providers have to take into account the specific needs associated to this age group (Recalde, Sádaba and Gutiérrez, 2015); parents need to be aware of the risks; educators in a broader sense, could implement through media literacy programmes, as well as ways of coping with these harmful contents, contacts or misconducts.

Additionally, it is true that in the last years we have witnessed the emergence of new disorders: addiction, technology-related anxiety (Fear of Missing Out or nomophobia), but also a kind of gluttony on how we consume and produce information, as well as food. The information overload is a problem, as it is the amount of food wasted in the more developed cities of the world, where homeless people and families with low incomes struggle to eat every day. And since obesity is one of the main problems encountered in developed societies, affecting mainly children and young people, the digital gluttony can also lead to a digital obesity.

3. Unplugging: a growing necessity?

Internet access provides every single user with a front-row seat to what is happening all over the world, as well as with the possibility to contribute and participate in the reshaping of society. Nevertheless, this participatory dream that some envisaged several years ago is sometimes far from the reality of the everyday routines adopted by users: people are eager to stay connected, but this connectivity does not imply a wider awareness of the inequalities that afflict the world.

Every minute of the day, YouTube users upload 72 hours of new video content, e-mail users send 204,000,000 messages, Google receives over 4,000,000 search queries, Facebook users share 2,460,000 pieces of content, WhatsApp users share 347,222 photos and Apple users download 48,000 new apps ⁴.

Paradoxically, in the developed world, the possibility of unplugging is a luxury that only rich people can afford: certain five star hotels and resorts are providing their guests with the «experience» of being unplugged from the digital world as a cure and an exciting opportunity. At the same time, in the last five years the developing countries have experienced the highest growing rates of internet connectivity and mobile phone access.

In some countries, Western governments are discussing and approving laws designed to forbid companies from contacting their employees in their free time ⁵, in an attempt to preserve the personal lives of their citizens. They are aware that while a personal attitude

4
5

<https://www.domo.com/blog/2012/06/how-much-data-is-created-every-minute/>

<http://www.ubergizmo.com/2016/05/illegal-email-employees-after-work-hours-france/>

towards it is necessary, it is also helpful to have an organisational culture or a law that protects vulnerable individuals.

In the last decade the slow movement led by Honoré (2004) has promoted the need of taking a more detached look at our reality, far away from a technological determinism where humans just like technology itself are, or should be, every day quicker and more instantaneous. Time is required in order to acquire knowledge, to maintain a friendship, or to be involved in an interpersonal relationship, and constitutes an essential dimension of human life that ought to be taken care of in an appropriate manner.

In the context of this movement, unplugging from the permanent online connection, constitutes a real need among some thinkers. In part, this is also because of the harmful consequences of the “always on” culture, which not only creates weak links, but also produces people that, according to Shirley Turkle’s book (2011), are «alone together». While technology is sometimes a convenient way to fight loneliness or boredom it could also promote a way of life which is to a certain extent disconnected from real life.

4. Media literacy: an example

Governments, schools and families have developed resolute campaigns addressing the problem of obesity with the purpose of teaching children how to eat properly. Furthermore, in recent years, media literacy campaigns have been implemented in some countries in order to teach children how to use and consume media content. Could media literacy help to bring up more responsible citizens, who are well aware of global inequalities?

In recent years, a very interesting phenomenon could be observed, referred to as the «media literacy» umbrella. The «24 hours without media», also known as the world unplugged experiment, proposes a new activity type to educational communities whereby all participants agree to distance themselves from media contents, outlets and screens for 24 hours (Moeller, Powers and Roberts, 2012).

Some of the conclusions formulated by the participants in the project conducted by several universities confirmed that while “addiction” to media may not be clinically diagnosed, the anxiety and depression resulting from the absence thereof seem real. For most students it was really difficult, and almost impossible, to “unplug” themselves, as their mobile phones were considered to be an extension of themselves. The role of digital technology is therefore essential to their social lives⁶.

The experiment was just an opportunity for participants to reflect on their own use of the media, and the role of technology in the daily lives. Ideally, after an experiment like this, a more rational use of technology should follow. Nevertheless, there is the permanent need to remind young people about this need and within this framework media literacy programmes could represent the perfect opportunity to deliver this message.

5. Discussion

In the midst of the technological invasion we are facing, we all feel the need to be permanently connected. This tendency is and particularly visible among young people. These along with other traits are what give shape to the era of hyperconnectivity. Regarding this reality, there are those who see a certain technological fatigue amongst users, and thus from certain perspectives, there is a feeling suggesting that we need to rethink the technological approach, to reconsider the effects that technology has on our lives.

It is not possible to completely eliminate online presence, but rather the focus should lie on establishing regular periods of digital time-out in order to develop face-to-face communication; it is recommended to cultivate leisure periods which, to a certain extent, would dispense with digital technology and would re-construct the borders between the time for work and the time for rest. Digital unplugging could be a useful media literacy

⁶ <https://theworldunplugged.wordpress.com/>

tool. This is mainly because, as Buckingham (2008) reminds us, we cannot expect from technology to instil an ethical approach among its users.

From an educational perspective it is clear that at present media education and the promotion of digital competence is a priority among the systems of education and among the main international bodies. It is absolutely fundamental that people learn these new languages, acquire the capacity to critically differentiate and evaluate the enormous amount of media and sources of information available, and to use these sources in a safe manner. But perhaps one important component of digital competence should be learning how to disconnect, in order to establish connections in a different way.

The educational value of this work becomes clearer if children and teenagers are borne in mind: they are heavy users of technological devices and social applications, and although the risks and opportunities have been extensively researched in recent years by the Western world, it is still our responsibility to ensure that they are able to benefit from the use of technology, and that at the same time risks and perils are minimised.

REFERENCES

Arango Forero, G.; Bringué, X.; Sádaba, Ch. (2010). La generación interactiva en Colombia: adolescentes frente a la internet, el celular y los videojuegos. *Revista Anagramas. Rumbos y sentidos de la comunicación*, 9 (17), 45-56.

Bringué, X. & Sádaba, C. (2010a). *Generación Interactiva en España. Niños y adolescentes ante las pantallas (Interactive Generation in Spain. Children and Adolescents in Front of the Screens)*. Madrid: Foro Generaciones Interactivas.

Bringué, X. & Sádaba, C. (2011a). *Menores y Redes Sociales (Children, Adolescents and Social Networks)*. Madrid: Foro Generaciones Interactivas.

Bringué, X. & Sádaba, C. (2011b), *Generación Interactiva en Ecuador. Niños y adolescentes ante las pantallas (Interactive Generation in Ecuador. Children and Adolescents in Front of the Screens)*. Quito: Ministerio de Telecomunicaciones y de la Sociedad de la Información.

Bringué, X. & Sádaba, C. & Tolsá, J. (2010b). *Generación Interactiva en Iberoamérica. Niños y adolescentes ante las pantallas (Interactive Generation in Iberoamerica. Children and Adolescents in Front of the Screens)*. Madrid: Foro Generaciones Interactivas.

Bringué, X. & Sádaba C. (2009a). *A Geração Interativa na Ibero-América. Crianças e Adolescentes diante das telas*. Brazil: Ariel, Fundação Telefónica.

Bringué, X. & Sádaba, C. (2008). *Generación Interactiva en Iberoamérica. Niños y adolescentes ante las pantallas (Interactive Generation in Iberoamerica. Children and Adolescents in Front of the Screens)*. Barcelona: Ariel, Colección Fundación Telefónica.

Bringué, X. & Sádaba, C. (2009b). *La Generación Interactiva en México (Interactive Generation in Mexico)*. Razón y Palabra, first Electronic Journal on Communication in Latin America, www.razonypalabra.org.mx. September.

Bringué, X., Sádaba, C., Zemboráin, M., Cantu, C. Bunge, P. (2009). *La Generación Interactiva en Argentina (Interactive Generation in Argentina)*. Buenos Aires: Foro Generaciones Interactivas & CIMEL, Universidad Austral.

Bringué, X.; Sádaba, Ch. y Calderín, Mabel (2011). Incidencia de las pantallas del celular, el videojuego y la tv en la dinámica de la generación interactiva venezolana. *Temas de Comunicación*, 22, enero-junio 2011, 111-134.

Buckingham, D. (2006). *Is There a Digital Generation?* in Buckingham, D. & Willet, R. (Eds.). *Digital Generations: Children, Young People and New Media*. Mahwah, US: Lawrence Erlbaum Associates.

Buckingham, D. (2007). *The Impact of the Media on Children and Young People with a particular Focus on Computer Games and the Internet*. Prepared for the Byron Review on Children and New Technology. London: Centre for the Study of Children, Youth and Media, Institute of Education, University of London.

Global System for Mobile Communications Association (GSMA): *Children in a mobile world*. London (2011). Accesible at: <http://www.gsma.com/publicpolicy/wp-content/uploads/2012/03/gsmachildreninfographicv7.pdf>.

Honoré, C. (2004). *In praise of slowness*. New York: Harper Collins.

Livingstone, S. (2003). *Children's Use of the Internet: Reflections on the Emerging Research Agenda*. In *New Media & Society* 5(2), 147-166.

Livingstone, S. & Haddon, L. (2009). *EU Kids Online: Final Report*. LSE, London: EU Kids Online. (EC Safer Internet Plus Programme Deliverable D6.5).

Livingstone, S., and Bovill, M., (1999). *Young People, New Media*. An LSE Report. Available at: <http://eprints.lse.ac.uk/21177/>

Livingstone, S., Haddon, L. & Görzig, A. (Eds.) (2012). *Children, risk and safety on the internet: research and policy challenges in comparative perspective*. Bristol: Policy Press.

Livingstone, S., Kirwil, L., Ponte, C. & Staksrud, E. (2013). *In their own words: What bothers children online?* (<http://goo.gl/WJrcNM>) (12-05-2014).

Mascheroni, G. and Ólafsson, K. (2014). *Net children go mobile: risks and opportunities* (2nd ed.). Educatt, Milan, Italy.

Moeller, S., Powers, E. y Roberts, J. (2012). *El mundo desconectado y 24 horas sin medios: alfabetización mediática para la conciencia crítica de los jóvenes*. *Comunicar*, nº 39, v.XX, 45-52. DOI: 10.3916/C39-2012-02-04

Passarelli, B., Junqueira, A.H., Angelucci, A. Kutscka, S. Boaro, J., Bringué, X., Sádaba, Ch. (2012). *Gerações Interativas Brasil. Crianças e Adolescentes Diante das Telas*. Sao Paulo: Fundação Telefonica, Vivo.

Prensky, M. (2001). *Digital Natives, Digital Immigrants Part 1*. *On the Horizon*, 9(5), pp. 1–6.

Recalde, M., Sádaba, Ch. and Gutiérrez, E. (2015). Telecommunication Industry Contribution to Child Online Protection, en *Comunicar*, nº45, pp.179-186. <http://dx.doi.org/10.3916/C45-2015-19>.

Rogers, E. (1971). *Diffusion of Innovations*, The Free Press, New York

Sádaba, C. (2008). Los jóvenes y los nuevos espacios para la comunicación (Youth and New Scenarios for Communication). Martín, M. & Seijas, L. & Carrillo, V. (Ed.) *Nuevos escenarios de la comunicación y de la opinión pública (New Scenarios for Communication and Public Opinion)* (pp. 173-178). Madrid: Foro de Comunicación.

Sádaba, C. (2014). Use of Information and Communication Technologies by Latin American Children and Adolescents: the Interactive Generations Case. *Media@LSE Working Papers Series*, 29. London: London School of Economics. (<http://goo.gl/cR7UIs>).

Sádaba, C. & Naval, C. (2008). Una aproximación a la virtualidad educativa de los videojuegos (Videogames as an educational tool). *Revista Electrónica de Teoría de la educación*. 9(3).

Sádaba, Ch. (2013). Ibero-American minors: How are they accessing and using information. *Lecture Notes in Computer Science (including subseries Lecture Notes in Artificial Intelligence and Lecture Notes in Bioinformatics)*, Volume 2, 704-709. Springer. doi: 10.1007/978-3-642-39191-0_75

Sádaba, Ch., Bringué, X., Calderín, M. (2011). La Generación Interactiva Venezolana: Su relación con la computadora y el acceso a Internet. *Anuario Ininco/Investigaciones de la Comunicación*, 1, 1-14.

Staksrud, E., Livingstone, S., Haddon, L. & Ólafsson, K. (2009). *What Do We Know about Children's Use of Online Technologies? A Report on Data Availability and Research Gaps in Europe (2nd edition)*. Londres: EUKids Online.

Tapscott, D. (1998). *Growing Up Digital: The Rise of the Net Generation*. New York: McGraw Hill.

Turkle, S. (1995). *Life on the screen: Identity in the age of Internet*. New York: Simon & Schuster

Turkle, S. (2011). *Alone together. Why We Expect More from Technology and Less from Each Other*. New York: Basic Books.

Wartella, E., O'Keefe, B. & Scantilin, R. (2000). *Children and Interactive Media. A Compendium of Current Research and Directions for the Future*. Nueva York: The Markle Foundation.

“Are We in the Same Boat? Screenagers, Gatekeepers, & Gratekeepers in the New Literacy Universe”

JONATHAN

SANDERS

School of Journalism Stony Brook University USA

KEY WORDS:

MOOC, pedagogy, news literacy, learning analytics, journalism education screenagers, digital-Kropotkin (digital-Kropotkinism), gratekeepers, (in place of gatekeepers), ‘Alice in Putinland’, ‘Shiny objects’ (digital and catch up consumer revolution replacement for Radiant Future) ‘mangling of democracy by managing shiny things’ (replaces “managed democracy”) political correctness deviation compensation, economic levers replace ideological cleavers, neon masking

Screenagers are what this reporter calls those abled and enabled young people often described as «digital natives» or computer malchiki (i devushki). These children (meant as in Turgenev’s *Ottsy i Deti*), this rising generation or generations coming-of-age in the 21st century, those born after what one befuddled public intellectual labeled «the end of history», in other words those born after or at least reared significantly in the wake of Soviet power’s demise, what one significant keen observer-participant deemed «the greatest geopolitical catastrophe of the [20th] century», or brought up, educated, and adopting world views in the digital age face combined developments, coincident revolutions or partial revolutions, that make more difficult the task of being effective, critical-minded news consumers.

Those born will between the 1980 Moscow Olympics and the 2014 Sochi Olympics bring a unique grouping of problems to their viewings and understandings of the news. They are consciously and unconsciously caught downstream from swirling vortexes of change. Three and four dimensional paradigm shifts—changes or apparent “Kuhnian” breakthroughs that are still (at least in selected dimensions) settling into well jelled new ‘normal science’ underpin their evolving assumptions in processing news. Just a starting point for forming a statistics based picture of screenagers indicates broadly [numbers change constantly] that among 18-25 years old 90% use the internet daily; 25% upload video or photographs; 84% connect through social media every day¹.

A minimal list includes, the collapse and dismantling of Soviet civilization (“Above all, we should acknowledge that the collapse of the Soviet Union was a major geopolitical of the [twentieth js added] century.”)²; the analog to digital revolution that has pushed the ‘Guttenberg Galaxy’ into some kind of black hole, dissolving long functioning constraints on the means of production (Moore’s law and the dynamics pushing personal computers and

1 T.S.Kuhn, *The Structure of Scientific Revolution* (Chicago: University of Chicago Press, 1962). In adapting some elements of Kuhn’s notions to humanities and social science it may be valuable to entertain as valuable the critique offered by David Stone, *Anything Goes: Origins of the Cult of Scientific Irrationalism* (Melbourne: Macleay Press, 1998) that irrational decision making plays a part, but as for ‘hard’ science Kuhn’s arguments in “Objectivity, Value Judgment and Theory Choice,” in T.S. Kuhn, *The Essential Tension: Selected Studies in Scientific Tradition and Change* (Chicago: University of Chicago Press, 1977) pp.320-339. Interesting perspective can be gained from the perspective offered by Freeman Dyson in his 1997 New York Public Library lectures, in Freeman Dyson, *The Sun, The Genome, and the Internet: Tools of Scientific Revolutions* (New York: Oxford University Press, 1999)

2 The term “soviet civilization” draws on the great insights of Stephen Kotkin, *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization* (Berkeley: University of California Press, 1995) rich in so many dimension this magisterial (even well written book) reminds us, “... after the revolution in the Russian empire there was an enormous amount of admiring discussion of the United States as the world’s most advanced civilization, and a kind of “Soviet Americanism” as history’s next stage. The Soviet cult of America—a young, dynamic country that appeared to have made itself—took many forms, from the worship of industrial technology to a sense among large segments of the population that they had inherited from the Americans the mantle of civilization and enlightenment, even as their envy and imitation persisted.” P.363; Vladimir Putin, President of Russia “Addresses to the Federal Assembly,” 25 April 2005 http://archive.kremlin.ru/eng/speeches/2005/04/25/2031_type70029type82912_87086.shtml; Putin also observed, “People in Russia say that those who do not regret the collapse of the Soviet Union have no heart, and those that do regret it have no brain. We do not regret this, we simply state the fact and know that we need to look ahead, not backwards. We will not allow the past to drag us down and stop us from moving ahead. We understand where we should move. But we must act based on clear understanding of what happened.” ARD, ZDF joint interview 5 May 2005. http://archive.kremlin.ru/eng/speeches/2005/05/05/2355_type82912type82916_87597.shtml. The very most recent piece on generation change which breaks down generations into more refined and (perhaps) appropriately named units, those who came into the world 1977-1984 she terms, “the Suslov generation”, [what happened to Brezhnev? he was still doddering and tottering 1977-1982.]those born 1985-1991 “the Gorbachev generation, those 1992-1999 “the Eltsin generation,” those 2000 ‘the Putin generation, and those graduating from school 2010-2014 “the Medvedev generation.” is Larisa Pautova, “Novoe brezhnevskoe pokolenie,” http://slon.ru/russia/novoe_brezhnevskoe_pokolenie-1062007.xhtml (28 February 2014); likewise Elena Novoselova, “S mesta-kar’era,” *Rossiiskaia Gazeta* 15 January 2013 <http://www.rg.ru/2013/01/15/kariera.html> [this feature an interview with Pautova on generational outlooks and ambitions]; “Larisa Pautova: pochemu buntuit liodi—XXI,” *DP.ru* 12 Marta 2012 <http://www.rg.ru/2013/01/15/kariera.html> (3 February 2014). Further research, particularly on how fine gradations in generation given their interactions with different modes of media and how they differ given the size of the cities and the kinds of cities where they grew up would be extremely beneficial.

scalable software have rendered A.J. Liebling's dictum "Freedom of the Press is guaranteed only to those who own one" quaint.³

Slashing information production, news and real reporting, from the chains binding it to its traditional economic moorings creates astonishing and disorienting opportunities. Extreme decentralization and rapid dismantling of vertical hierarchies—digital devices sniping every link in the long functioning chains of command, rooted, east and west in early 18th century experiences—gave unexpected rise to a new economic epoch, the new information economy.⁴

The near simultaneous collapse of cold-war organizational schemes and the digitally driven new information economies triggered the intellectually intriguing but functionally destructive search for a new age ideological-philosophical organizing principle. Idealists and innovators sought as if by magic to discover a 'third way', a non-exploitative means of production. The quest for a neither communist/socialist nor capitalist master scheme (plus the stumbling, bumbling of technophobic newspapers desperate not to lose relevancy in the on line world gave away their intellectual property, thus habituating early adopters and the early majority to accessing news for free) gave dreamers and thinkers the impetus to revive a kind of 'digital-Kropotkinism'.⁵ This type of voluntary association between workers distanced from any central organization, private enterprise owner or government, based on non-renumerative mutual-aid: a factor in evolution lacks, of course, the kind of economic base that allowed the anarchist-Prince to play so long, and so wonderfully, with ideas. Another variant of the non-Moscow, non-Wall Street quest, the Co-evolution movement is rooted in counter-culture antithetical reaction to cold war America, which may

3 Marshall McLuhan, *The Gutenberg Galaxy* (New York: Mentor, 1962); Moore's law coined around 1970 takes its name from Intel co-founder Gordon E. Moore (1929-) who in a 1965 paper reasoned and subsequently in an amended form predicted a doubling in performance in integrated circuits (microprocessors whose electronic heart depends on transistors and memory chips double in 'density' i.e. computing power), in effect, every 18 months or put in other terms vital to non-techy consumers (making computers products, consumer goods is an essential, capitalist economy sine qua non of the information/digital revolution) halving the price of computing power every 18 to 24 months. Intel, Video transcript, "Excerpts from A Conversation with Gordon Moore: Moore's Law," 2 pp. http://large.stanford.edu/courses/2012/ph250/lee1/docs/Excerpts_A_Conversation_with_Gordon_Moore.pdf; see, too, "Moore's 'Law' published in *Electronics* April 1965. Corporate Histories Collection, Computer History Museum. <http://corphist.computerhistory.org/corphist/view.php?s=events&id=2454> John Markoff, credits Douglas Engelbart—the famous father of the computer mouse—with a slightly different formulation of the law providing for the miniaturization of transistors across the specified time-line, "After the Transistor, a Leap Into the Microcosm," *The New York Times* August 31, 2009 <http://www.nytimes.com/2009/09/01/science/01trans.html?ref=science> (accessed 13 February 2014) on Liebling, originally in "Do You Belong in Journalism?", *The New Yorker* May 14, 1960 p.109. <http://www.nytimes.com/2009/06/07/weekinreview/07cohen.html> see, Noam Cohen, "Word for Word/ A.J. Liebling: Surviving Without Newspapers," [quotation as "Freedom of the press is limited to those who own one."] *The New York Times Week in Review* June 6 2009 <http://www.nytimes.com/2009/06/07/weekinreview/07cohen.html> (12 February 2014)

Paul Levinson, *Digital McLuhan: A Guide to the Information Millennium* (New York: Routledge, 2001); Paul Levinson, *The soft edge: a natural history and future of the information revolution* (New York: Routledge, 1997)

4 Russian and colonial American 'first' newspapers in that came out regularly appeared at roughly the same time. Peter the Great ordered an official gazette created on 16 December 1702. John Campbell, postmaster and bookseller acted as editor of *The Boston News-Letter*, a half-sheet newspaper heavily subsidized by the British Government whose first edition carried the date 24 April 1704. The British authorities had, in effect, censored and put out of business the very first North American newspaper, *Public Occurrences Both Foreign and Domestic* in 1690 for being 'unauthorized' i.e. independent and bringing critical attention to a royal person (the King of France). Scholars sometimes dismiss Peter the Great's *Vedomosti* for its erratic publication and limited circulation (plus it came out in Old Church Slavonic) crediting *Sankt-Petersburgskie vedomosti*, an organ of the Academy of Science, as the first Russian newspaper. Eric Burns, *Infamous Scribblers: the Founding Fathers and the Rowdy Beginnings of American Journalism* (New York: Public Affairs, 2006) pp.29-38; Jeffery A. Smith, "The Colonial Journalist: Good Humour'd Unless Provok'd," in *Printers and Press Freedom: The Ideology of Early American Journalism* (New York: Oxford University Press, 1988) pp.95-206; S.M. Tominskiy, *Pervaya pechatnaya gazeta Rossii (1700-1727)* (Perm: 1959); Gary Marker, *Publishing, Printing and the Origins of Intellectual Life in Russia* (Princeton: Princeton University Press, 1985) pp.27-29; Louise McReynolds, *The News Under Russia's Old Regime* (Princeton: Princeton University Press 1991) pp.18-19.

5 Kropotkin's 1902 book emphasizing cooperative enterprise is entitled, *Mutual Aid: A Factor of Evolution*. Two biographic followers made permanent the nickname the anarchist-prince, as this revolutionary thinker and activist was descended from Rurik dynasty. His father owned more than 1,200 souls [serfs] the basis of the family fortune. George Woodcock and Ivan Avakumovic, *The Anarchist Prince: A Biographical Study of Peter Kropotkin* (New York: T.V. Boardman, 1950) Peter Kropotkin, *Memoirs of a Revolutionist* (Boston: Houghton, Mifflin & Company, 1899) Paul Avrich, *The Russian Anarchists* (Princeton: Princeton University Press, 1967); Martin A. Miller, *Kropotkin* (Chicago: University of Chicago Press, 1976). Kropotkin's own contribution (written 1909) to the famous eleventh edition of the *Encyclopaedia Britannica* (1910-1912) is still worth reading...it emphasizes a differently organized society, "...harmony in such a society being obtained, not by submission to law, or by obedience to any authority, but by free agreements concluded between the various groups, territorial and professional freely constituted for the sake of production and consumption, as also for the satisfaction of the infinite variety of needs and aspirations of civilized being...the voluntary association which already now begin to cover all fields of human activity would take a still greater extension so as to substitute themselves for the state in all its functions. They would represent an interwoven network [my emphasis js], composed of an infinite variety of groups...for all possible purposes." <https://archive.org/details/PeterKropotkinEntryOnanarchismFromTheEncyclopaediaBritannica> (14 February 2014). The naïve revivalism of Kropotkin's anarchism or 'digital Kropotkinism' a term derived from Paul Levinson's book, *Digital McLuhan: A Guide to the Information Millennium* (New York: Routledge, 2001) centers on the thought provoking work of Yochai Benkler, *The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom* (New Haven: Yale University Press, 2006). "The removal of the physical constraints and effective information productions make human creativity in the economics of information itself the core structure in fact in the new information economy.... p.4...the importance unprecedented reach individuals around the world before this was impossible is funneled efforts to either market organizations or philanthropic all our state-funded efforts p.4 one need only to run a Google search on any subject of inch to see how the «information good» that is a response to one's query is produced by the coordinated attacks of the uncoordinated actions of a wide diverse range of individuals and organizations acting on a wide range of motivations both the market and nonmarket, state-based and non-state." p.5 The richness of the insights Benkler offered, including the possibilities of democracy in a networked public sphere cannot be understated. But haunting much of these insights are demons, including lack of any full understanding of Kropotkin, his thoughts, and the lesson his life teaches and a naïve assumption of the universality of the freedoms of the western (North American) networked public space (pace Liebling 'freedom of the network is limited to those who own one') underpinned as it was by the American military-industrial-academic complex. The 'big brother' oversight and intrusions into this 'democracy in a networked public space' with all the unintentional consequences and inhibitions induce as are being made clear by Edward Snowden only complicate the crystal ball gazes Benkler offers. See, for example Chandra Steele, "The 10 Most Disturbing Snowden Revelations," *PC Magazine* 11 February 2014 <http://www.pcmag.com/article2/0,2817,2453128,00.asp> or Alan Rusbridger, "The Snowden Leaks and the Public," *The New York Review of Books* November 21 2013. <http://www.nybooks.com/articles/archives/2013/nov/21/snowden-leaks-and-public/?pagination=false> (1 February 2014); Tim Wu, among others highlights Bekler's conglomerate blindspot, how he overlooked the corrosive commercial pressures against 'digital Kropotkinism' unforeseen by the internet era's Lincoln Steffens ("I have seen the future and it works." 1919). Tim Wu, *The Master Switch: The Rise and Fall of Information Empires* (New York: Alfred A. Knopf, 2010) pp.255-256.

or may not make it out of synch with dynamics at work among the debris field that is post-cold war, post-collapse of Soviet civilization Russia.⁶

Encounters with rapacious primitive or early capitalists, operating in the same (law challenged) debris field, both pure businessmen and media owners makes the 'digital Kropotkinism' and Co-evolution both more and less understandable as well as attractive. Also this 'wild east' time which created new habits and new words confused many about what was and is normal. Among the most important additions to journalism's vocabulary list is the new evergreen zakazuka

[pay to play journalism or coverage made to order or cash for coverage] which many have internalized into their understanding of news production.⁷ Zakazuka's yet unnamed cousin paying hackers, computer-malchiki to infect or take-down a media web site disrespecting or distressing some figure or authority also can loom large in the consciousness of those trying to make sense of news.⁸ Anonymous voicing, the powerful side-force (not formal hierarchical boss, the gatekeeper) quickly raises its ugly (masked) head. It makes basic News Literacy principles VIA difficult to implement, harder to translate into quicksand social setting.⁹

Compounding difficulties with easily congruent comprehension among those growing up 'Alice in Putinland' style are the raw wounds lingering from the whirlwind "anything goes", short-lived freest press in the world interlude during the quicksand society years. These hurts coincide with the dressed up distractions of the mad dash catching up with long-postponed consumer revolutions. They are complicated, too by 'escape from the Aquarium' (to build on Boris Grebenshchikov metaphorical name for band that reflected the spirit of an age when smart young Russians could look out at the west but could not get out to the west to see and to feel for themselves) the new world opening freedom to travel¹⁰. Tourism beyond fraternal socialist countries sent smart people, cognitive dissonance in tow, to centers of decadence and chest-thumping democracy. "In some ways the long quest for a "radiant future" (the great propaganda slogan that loomed in neon and socialist-realism's bold graphics in many Soviet cities, such as Moscow's juncture of Cosmonaut Square and Marxism-Leninism Avenue that long proclaimed, 'Long Live Communism the Radiant Future of All Mankind!) has been replaced by a holy grail scavenger hunt for 'Shiny objects'."¹¹

6 Fred Turner, *From Counterculture to Cyberculture: Steward Brand, the Whole Earth Network and the Rise of Digital Utopianism* (Chicago: University of Chicago Press, 2006); Thierry Bardini, *Bootstrapping: Douglas Engelbart, Coevolution and the Origins of Personal Computing* (Stanford, Stanford University Press, 2000). John Markoff, "Computer Visionary Who Invented the Mouse," *The New York Times* July 3, 2013 <http://www.nytimes.com/2013/07/04/technology/douglas-c-engelbart-inventor-of-the-computer-mouse-dies-at-88.html?pagewanted=all> (14 February 2014) John Markoff, "An Homage to Douglas Engelbart and a Critique of the State of Tech," *The New York Times* December 16 2013 http://bits.blogs.nytimes.com/2013/12/16/an-homage-to-douglas-engelbart-and-a-critique-of-the-state-of-tech/?_php=true&_type=blogs&r=0 (14 February 2014)

7 Alexei Pankin, "The Anatomy of Zakazukha," 15 February 1999 Transitions on Line in this piece Pankin cite then going prices, as reported in a 1997 *Obshchaia gazeta* article "Izvestia \$2,500 for three typed pages; Kommersant-daily \$1000 to \$1,200 per page, Vechernaia Moskva \$300 per page." <http://www.tol.org/client/article/5658-the-anatomy-of-zakazukha.html> (14 February 2014); Freedomforum staff, "Russian journalism's 'dirty little' not-so-secret' charging for stories," 12 June 2001 Freedom Forum, <http://www.freedomforum.org/templates/document.asp?documentID=14128> (15 February 2001) Pavel Stroiilov, "Lebedev's Tangled Web, Open Democracy Russia 11 November 2010 http://www.opendemocracy.net/od-russia/pavel-stroiilov/lebedevs-tangled-web?utm_source=feedblitz&utm_medium=FeedBlitzEmail&utm_content=2012. There is, brazenly obvious, a PR firm named, Zakazukha Marketing Communications. "Our strategy is simple – to help you tell your story through the most appropriate channel." <http://www.zakazukha.com/about-us/>

8 In well may be worth studying if web attacks, troll assaults register as affirmation of truthful reporting. On aggressive countermeasure see, O. Kozlovsky, *Speech at the Conference on Cyber Dissidents*, Dallas, TX. Retrieved from <http://olegkozlovsky.wordpress.com/2010/04/20/russian-internet-vs-russian-government-my-speech-at-a-conference>. Stephen Blank believes there is a Kremlin preference for attacking before there is a need to respond, to defend. The learning curve in use of streaming video, at least, indicates a continuous effort to catch up. The release of sensation material to YouTube in which Assistant Secretary of Victoria Nuland cursed her EU allies came more than two years after Pussy Riot demonstrated the great amplifier power of YouTube. Stephen Blank "Web War I: Is Europe's First Information War a New Kind of War?" *Comparative Strategy*, 27(3), 227–247. doi:10.1080/01495930802185312; Yngvar B. Steinholt, "Kitten Heresy: Lost Contexts of Pussy Riot's Punk Prayer," *Popular Music and Society* vol.36 n. 1 2013 pp.120-124.

9 On a quicksand society see, Heidi Hollinger and Jonathan Sanders, foreword by Mikhail Gorbachev, *The Russians Emerge* (New York: Abbeyville, 2002) pp.13-14

10 See, Maria Tumarkin, *Otherland A Journey with My Daughter* (New York: Readhowyouwant.com, 2010) pp.57-62; T. Edward Phillips, "They Love this Rocking Russian in Brighton Beach," *The New York Sun* March 5, 2004 p.2 Naomi Marcus, "The Rooms Off Nevsky Prospect: A Decade in Aquarium," *The Village Voice* ; http://www.aquariumband.com/pub/doc_nm1.html (13 February 2014); J. Frederick Baylin, "Territory," (September 2000) http://www.aquariumband.com/pub/doc_jfb1.html

11 The delicious Alice phrase comes from Alessandra Stanley, "Little Bit of 'Fantasia' as NBC Begins Olympic Show," *The New York Times* February 7, 2014 <http://www.nytimes.com/2014/02/08/sports/olympics/little-bit-of-fantasia-as-nbc-begins-olympic-show.html?hpw&ref=sports>; Jonathan Sanders, "Father Knows Best Meets Gunsmoke: Russia's New Television World," *Television Quarterly* vol. xxxii numbers 2 & 3 (Summer/Fall 2001) pp.44-49; Jonathan Sanders, "My verim v kosmicheskuui ulybku," ["We Believe in the Cosmic Gigggle,"] G.A. Borovik, (ed.) Artem Borovik: *Uzhe ne vedaia pregrad* (Moscow: Sovershenno Sekretno, 2001) pp.513-522; David Remnick, "Letter From Moscow: Ekho in the Dark," *The New Yorker* September 22, 2008 http://www.newyorker.com/reporting/2008/09/22/080922fa_fact_remnick (17 September 2011). Scott Shane, *Dismantling Utopia: How Information Ended the Soviet Union* (Chicago: I.R. Dee, 1995). Ellen Mickiewicz, *Changing Channels: Television and the Struggle for Power in Russia* (New York: Oxford University Press, 1997); Ellen Mickiewicz, *Television, Power, and the Public in Russia* (Cambridge: Cambridge University Press, 2008); Ellen Mickiewicz, "The Election News Story on Russian Television: A World Apart from Viewers," *Slavic Review* vol. 65 n. 1 (Spring 2006) pp. 1-23; Mark Koenig, "Media and Reform: The Case of Youth Programming on Soviet Television (1955-1990)," PhD diss. Columbia University, 1995

12 See, Alexander Zionviev, translated by Gordon Clough *The Radiant Future* <http://www.zinoviev.ru/en/writings/zinoviev-future.pdf> (22 February 2014); on Shiny Objects, besides many anecdote about 'new Russians' see, Masha Gessen, "The New Russians," *Wired* 3.05 (May 1995) early on Gessen singled out convergence of new and digitally adept, "overwhelmingly, New Russians are techies - tekhniki in Russian - the same group that

Instead of a grand square with a great billboard now the ruling urban symbol is “The House of 1000 Little Things.” [perhaps an alternative the MEGA Family Shopping Centers scattered across the RF] Some optimists hope that twenty years of shopping brought some satisfaction and the big stuff having been acquired people can demand the biggest things. Impressed by the man who turned out for turn off Putin demonstrations, mostly young people summoned by cellphone carried messages in 2012 one explained “After refrigerators and television sets” will come demands for political liberties, for freedoms promised denied.¹³ “Distrust and contempt for manipulation of the airwaves arises almost as a Hegelian dialectic from experience with ‘reklami’, advertisements, commercials. The brilliance of ‘little rolling films’, one minute advertisements for banks that would, under stress, fail or disappear with citizens money and all kinds of goods or services bred more than a little awe and cynicism. But the temptation of ‘quick stuff’ seemed more alluring than easy solution. Perhaps, too, the conflation of quick stuff with quick macro solution promised in most un-Communist terms by young reformers made for greater frustrations and thus great concentration on nothing more than making sure individuals secured the right shiny stuff for their kitchens.”¹⁴ When advertising production values crept into news production, doubting followed. Many ordinary screenagers, willy-nilly spontaneously followed the (Solzhenitsynian) imperative not to support lies. They ceased watching television, leaving that mode of information transmission to the ‘former people’ the sovoks. Rejection of reified consciousness projected by reified blue screens—the state’s return to gatekeeper controls on the masses of mass media—put even more emphasis on subversive moral values, instead of middle class materialism and the crass social bargain the man from Leningrad was trying in his third term to finalize with the people.¹⁵

Those screenagers caught up in the (new) world of shiny things find themselves enmeshed in a paradox. Whatever the advantages digital technology offers in information flows, it often disallows in professional guidance. For better or worse (and it is often BOTH) news flows directed by journalism professionals are less predominant. YouTube, RuTube, and LiveJournal offer different kinds of enticements, different ways of seeing news and the

new ‘Alice in Putinland’ world.¹⁶ Raw news materials and unverified sources soar through has comprised Russia’s cultural elite for more than three decades. These are computer scientists and physicists, mathematicians and engineers - the people who graduated from the country’s high-pressure technical schools.” <http://www.wired.com/wired/archive/3.05/russians.html> (22 February 2014) Rose Brady, “The Rise of New Russians,” [chapter 4] in Rose Brady, *Kapitalizm: Russia’s Struggle to Free Its Economy* (New Haven: Yale University Press, 1999)pp.44—62. Leon Aron, “In Search of a Russian Middle Class 2000’ and ‘Restoration: The Art of Eating Returns to Russia 2002’ in Leon Aron, *Russia’s Revolution: Essays 1989-2006* (Washington: The AEI Press, 2007) pp.107-120; 157-172. Harley Balzer, “Routinization of the New Russians,” *The Russian Review* 62 (January 2003) pp. 15-36, especially striking are the color illustrations, notably the Palekh box Jacuzzi scene from *Mir novykh russkikh* calendar for 1998.

13 Andrei Kolesnikov, “Evolutsiia bobrovyykh shub,” *Gazeta.ru*, 24 January 2012. (26 January 2012). On the middle-classness of recent anti-new establishment demonstrations, see Leon Aron, “The Long Struggle for Freedom,” *Journal of Democracy* vol. 24 n.3 (July 2013) pp.62-74. In an article so distorted as to be billboard for the kind of slanted reporting many western journalism entities produced for the Sochi Olympics—“The Loneliness of Vladimir Putin: He Crushed his opposition and has nothing to show for it but a country that’s falling apart,” Julia Ioffe did sanely point out, “After the economic collapse and chaos of the 1990s, Putin and Russians had entered a tacit social compact: The government would provide stability and wealth, and the people would stay out of the government’s business.” *The New Republic* 2 February 2014 <http://www.newrepublic.com/article/116421/vladimir-putins-russia-has-crushed-dissent-stillfalling-apart> (27 February 2014). Is this tacit social contract a simply ‘retrieval’ ala McLuhan’s tetrad of media effects of the “Big Deal” effected after WWII between Stalin, the Stalinist gatekeepers of literature and the middle classes which Vera Sandomirsky Dunham identified in, *In Stalin’s Time: Middleclass Values in Soviet Fiction* (Raleigh: Duke University Press, 1976)?

14 This easy solution paradox, particularly when contrasted with the Mandela led experience in South Africa (a comparison most Slavs are loathed to hear) comes particularly from a refusal to confront the slogans and underlying realities of the past, notably the Stalinist past. Philosopher Aleksander Tsytko drew attention to this trap in 1989. See, “Istoki Stalinism,” *Nauka i zhizn* January 1989 pp.52-53. Leon Aron called my attention to this piece, Leon Aron, “Another Russia? After the Leviathan,” *Journal of Democracy* vol. 18 n.2 (April 2007) pp.120-123. Leon Aron, *Roads to the Temple: Truth, Memory, Ideas, and Ideals in the Making of the Russian Revolution, 1987-1991* (New Haven: Yale University Press, 2012). Esp. pp.296-305.

15 Alexei Navalny as if channeling Aleksander Solzhenitsyn’s imperative to ‘live not by the lie’, insisted, “Instead of ideological dogmas, follow moral norms, believe in common sense and the individual.” These sentiments, naturally in the new order news world spread through the web and radio empowered web. Before the gatekeeper regime collapsed Solzhenitsyn’s words, from his Nobel Lecture were beamed into the Soviet Union by the substitute media, including BBC and Radio Liberty. “The simple act of an ordinary courageous man is not to take part, not to support lies! Let that come into the world and even reign over it, but not through it. Writers and artists can do more: they can VANQUISH LIES! In the struggle against lies art has always won and always will. Conspicuously, incontestably for everyone. Lies can up against much in the world, but not against art.” Alexander Solzhenitsyn, translated by F. D. Reeve, Nobel Lecture (New York: Farrar, Straus and Giroux, 1972) p.33. Boris Akunin, “Razgovor s politnikom” [a conversation between Akunin (pen name of Grigori Shalvovich Chkhartishvili) and Alexei Navalny, <http://borisakunin.livejournal.com/49763.html>]; “Protestny dekabr 2011: chem eto zakonchitsya?”; Evgenia Albats’ interview with Alexei Navalny on the “Polny Albats” show, Ekho Moskvy, 26 December 2011, <http://echo.msk.ru/programs/albac/842708-echo/#element-text>; Karina Alexanyan et al, too highlight the moral imperatives. “The demands for justice, dignity and equal opportunity are a common theme in many successful Russian social movements...Over time, all these actions, on seemingly unrelated issues, help organizer learn what tactics work and which issues have salience with the broader public, and help build trust between participants within and across organizations...” Karina Alexanyan, Vladimir Barash, Bruce Etling, Robert Faris, Urs Gasser, John Kelly, John Palfrey, and Hal Roberts *Exploring Russian Cyberspace: Digitally-Mediated Collective Action and the Networked Public Sphere* March 02 2012 http://cyber.law.harvard.edu/publications/2012/exploring_russian_cyberspace (21 February 2014) p.9. Much of the understanding of reification, the thingification of social relationships and the propagandizing of value through hegemonic “Cathedralistic” domination draws on the writings of Lukács György. A basic introduction to reification in Val Burreis, “Reification: A Marxist Perspective,” *California Sociologist* vol.10 n.1 (1988) pp.22-43.

16 One significant difference, among the many that a crying out to be studies, is that RuTube makes easy to consciously track at least some of the history of the Russian on line world itself. Youtube’s encyclopedic approach is somewhat typical American in that historical context is at best an afterthought. See, “Khronika Runeta. God 1997,” <http://rutube.ru/video/72b5440aab7864440a084b0bacf19b5d/> (2 February 2014).

RuNet and the Russian trawling of the www.. Moreover, the habituation of new software and new hardware into new patterns of use by new twenty-first century youths, who notably multi-task—thumb skittering from Twitter to Vkontakte to Facebook to BBC to grani.ru frequently ‘collapses context’ . We are just starting to understand the implications of this new set of habits for how it deflects, defines, and determines comprehension of informations follows. There are many dimensions to ‘context collapse’ [the phrase ‘context collapse’ formulated in a slightly different context comes the very original Principal Researcher at Microsoft, danah boyd.]¹⁷

It quite possible all the ‘Alices in Putinland’ now coming of age stand in the shadows of this recently detected by scholars, development where the media is the message.¹⁸ True, because of repression—now exercised not by ideological cleavers, but by economic levers [applied by the folks at Old Square and the Kremlin]—the great drive for very highest new news standards epitomized in the NTV slogan, ‘news is our profession’ has been sunk as flagship.

Yet, screenagers face paradoxes (and practical problems that can be helped through adaptive use of News Literacy principles) made out of something larger than Putin’s ‘mangling of democracy by managing shiny thing desires’. The paradox arises from the nature of digitally carried media itself. JÜRGEN HABERMAS, noted in his 2006 Kreisky Prize speech,

«Use of the Internet has both broadened and fragmented the contexts of communication. This is why the Internet can have a subversive effect on intellectual life in authoritarian regimes. But at the same time, the less formal, horizontal cross-linking of communication channels weakens the achievements of traditional media. This focuses the attention of an anonymous and dispersed public on select topics and information, allowing citizens to concentrate on the same critically filtered issues and journalistic pieces at any given time. The price we pay for the growth in egalitarianism offered by the Internet is the decentralised access to unedited stories. In this medium, contributions by intellectuals lose their power to create a focus.»¹⁹

Russia’s long dependence on writers and journalist as directors of national attention (if even from the underground or through substitutional towers, Radio Liberty, the BBC beaming in messages from abroad) the media as social-engineers, the content makers as consciousness raisers and occasionally a conscience may be diminishing. This reduction can only please those hold the levers of power. It weakens threats to their preoccupations, although it also undercuts their own abilities to effectively communicate their own messages. It is a trade-off that most appear willing to make. “A great writer is, so to speak, a second government in his country” Noble prize winning author Aleksandr Solzhenitsyn famously observed, “And for that reason no regime has ever loved great writers, only minor ones.”²⁰

Harvard’s Berkman Center has found, as common sense observation of life in Russian urban spaces particularly the capitals dictates, evidence of an emerging networked public. Significantly, it features as Habermas foresaw, but with different specificities, a “collaborative ecosystem that help to fuel new media but also highlights the appearance of alternative sources of primary reporting and information that lies outside of traditional media sources. Moving beyond agenda setting to framing news and political actors, there are a growing number of important examples that demonstrate the capacity of new media to choose the words and perspectives to describe news events.”²¹ These important findings,

17 See, <http://www.danah.org/> (2 February 2014).

18 Alice Marwick and danah boyd, “I Tweet Honestly, I Tweet Passionately: Twitter User, Context Collapse, and the Imagined Audience,” *New Media and Society* February 2011 vol.13 n.1 pp.114-133; Alice Marwick and danah boyd, “Social Privacy in Networked Publics: Teen Attitudes, Practices and Strategies,” in *Proceedings A Decade in Internet Time: OII Symposium on the Dynamics of the Internet and Society* 21-24 September 2011 University of Oxford. http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1925128 (14 February 2012). See boyd’s ongoing research projects: <http://research.microsoft.com/en-us/people/dmb/> and the kind of article that needs parallel research in Russia, Alice E. Marwick, “The Public Domain: Social Surveillance in Everyday Life,” *Surveillance & Society* 9 (4) pp. 378-393. http://library.queensu.ca/ojs/index.php/surveillance-and-society/article/viewFile/pub_dom/pub_dom (25 February 2014).

19 Jürgen Habermas, “Towards a United States of Europe,” [Acceptance Speech Bruno Kreisky Prize for the Advancement of Human Rights,] [March 2006] <http://www.signandsight.com/features/676.html> (22 February 2006)

20 Aleksandr Solzhenitsyn,

21 Karina Alexanyan, Vladimir Barash, Bruce Etling, Robert Faris, Urs Gasser, John Kelly, John Palfrey, and Hal Roberts Exploring Russian

however, underpinned by a gushing enthusiastic embrace of digital-Kropotkinism and an unspoken anti-professional newsgathering (disguised simply as a preference for bottom-up agenda setting and modes of operation) do not address the accuracy, dependability, bias, verifiability, or lasting value of the news so engendered.²²

Glare from the distorting rearview mirror, images bouncing off the misshapen but in some ways nostalgically recalled haunting entity *homo sovieticus* impedes or at least can interfere with clear vision of news that appears on their computer monitors and/or increasingly the handheld small screens that dominates their online use.²³

Moreover, the arts and sciences of news literacy depend more on lessons learned informally in the kitchen than on formal training in Russian primary and secondary schools.

These schools receive high marks, Fives, for education in mathematics, grammar, abstract scientific theory contempt on science education but do not do an outstanding job, often, in teaching the humanities and the social sciences. Fear and the new fashions and political correctness often interfere with outstanding instruction in these 'softer' subjects. Instruction in the relevancy of news remains informal. Study of popular culture weak. Often it is a matter for the (Evro-remonted) kitchen. Habits of reading between the lines or vectored viewing (its visual cum aural equivalent form) come to those whose interpretive tools were largely forged eras dominated by the silver screen in the blue screen not the small screen. Skills addressed by media creators aimed at a 'reader-friend', (those capable of immediately detecting a sub-text audiences invited them to be part of the creative process. This 'game' or had special appeal in times of heavy censorship, but could lead to cross-cultural misinterpretations.²⁴

Generational differences loom large. Signposts and signal events, the lodestar philosophical guides are as separate across the generational gaps between what Turgenev called Fathers and Children or those conflicts that arose between adults and brought up in the prerevolutionary years and those coming-of-age during NEP....compounding lessons learned in the confusing Russian age of anxiety, the post-fall of the Berlin Wall to re-statement (or thermidorian swing of the executive pendulum) after the 'quicksand society years' (1986-1990-2001) [in purest mass media terms perhaps this period is best bracketed from founding of Interfax as a non-governmental news agency in 1989 until 2001 when Gazprom conquered NTV, itself launched in 1993.]

The disappearance, seemingly overnight, of traditional gatekeepers in the news world (and more broadly in the Internet information economies) plagues everyone, everywhere.²⁵ GLAVLIT [Glavnoe upravlenie po delam literatury i izdtel'stva The Chief Administrative Board for Matters of Literature and Publishing...the name varied across Soviet time 1922-1991] and Central Committee (of the Communist Party SSSR) [especially its Ideological Department] operated industrial strength 'iron' gatekeeper controls over all mass media. Usefulness to the party often was coterminous with definitions of newsworthiness. Some insisted, "Basically, anything which can be used to illustrate current Party policy or economic progress is considered worthy of publication and almost anything else is considered unimportant or unworthy." Put more simply the masses of mass media was pure

Cyberspace: Digitally-Mediated Collective Action and the Networked Public Sphere
March 02 2012 http://cyber.law.harvard.edu/publications/2012/exploring_russian_cyberspace (21 February 2014) p.7

22 The study adopts Benkler's definition of the network public sphere as "an online space where members of society can cooperate, present political opinions, and collectively serve as watchdogs over society, all through an online, cooperative, peer-produced model that is less subject to state authority than the traditional media." Op. cit. p.6. The limitations seem to preclude investigations of television with web based distribution, such as "Dozhd" or the hybrid Echo Moscow Radio which often combines aural only transmissions with streaming video of live events, video capture of radio interviews, blogs, often those featuring notable commentators (Liudmila Alekseeva, Iulia Latynina, Eduard Limonov, Nikolai Svanidze) and outstanding hard news photographers (for example Il'ia Varlamov) or outlinking to a long term tower of powerful truth telling, such as the BBC. However, their marvelous link analysis demonstrates the great outlinking from the blogosphere to YouTube as well as the raw material of new kinds of news gathering crowdsourcing of events, say drivers movements or election monitoring [especially falsification] efforts.

23 On nostalgia see, Svetlan Boym, *The Future of Nostalgia* (New York: Basic Books, 2001); Aleksandr Zinov'ev, *Homo Sovieticus* (New York: Grove/Atlantic, 1986); Andrei Siniavskii, *Osnovy sovetskoi tsivilizatsii* (New York: Aracade 1990).

24 The great, though little known in the west, satirist M.E.Saltykov-Shchedrin (1826-1889) first identified the reader-detector. See, his story "Melochi zhizni," on "vectored viewing" Nicholas Daniloff, Jeff Trimble, "Soviet TV: New Words, Same Story," *U.S. News & World Report* June 9, 1986 pp.35-36.

25 Literature on gatekeeper functions is vast. A good introduction can be found in the section, "News as Social Production. Selecting News: The Individual Gatekeeper," in Dan Berkowitz (ed), *Social Meaning of News: A Text Reader* (Thousand Oaks: Sage Publications, 1997) pp.53-104.

Madison Avenue in magic Marxism-land, "Soviet television is commercial to the extent that it advertises one product: U.S.S.R inc."²⁶

Rigid party discipline kept plane crashes, unless they happened to foreign airlines abroad, from being reported. Crime and poverty haunted the west but not the motherland. Soviet Communist power disappeared 266 months ago. The aura of its news management methodology has a long half-life. Sometimes turning the old upside down on its head served as 'the new journalism.' Simply doing the opposite of what were the old concrete norms or adapting them with new substitute values have built news empires. The massive press coverage of 'the Butcher of Rostov' (the red ripper) Andrei Chikatilo, the murderer-rapist-cannibal who sent at least 52 victims was an early example of glavlit negation.²⁷ Read slightly more broadly, the internalization of prurient and censorious party induced sovok values and the media's prohibitions on factually useful reporting on anything sexual contributed to Soviet everywoman, Liudmilla Ivanova rocketing a 'catch-phrase'. During a pioneering experiment in East-West communications, the very glasnosty US-USSR Spacebridge a concerned Seattle mother (perhaps critical on excesses visible increasingly in American homes) asked the Leningrad audience about sex and violence on Soviet television. Comrade Ivanova began her answer, "There is no sex in the Soviet Union...." Laughter drowned out the rest of her reply.²⁸ Fast forward twelve years journalist Elena Khanga created a sensation with her "Pro eto" [About That] talk show.²⁹ (Some suggest, notably that in the early years of the Russian internet ankedoty substituted for sex-- what in the west was a dominant feature of the web, sex talk, show, tell and sell).³⁰

Now 50% of Russian internet users, a VTsIOM survey reveals, prefer not to talk about 'sexual relationships' on-line. Presumably that means 50% don't mind discussion 'pro eto'.³¹ The digital dragons slaying old analog gods visited, as collateral damage, 'tower toppling' destruction of the vertically ordered gatekeeper model.³² Its collapse in the Eurasian space resounded more dramatically than elsewhere because this scientific revolution coincided with and accompanied the destruction of other soviet socialist monoliths by the forces unleashed by the Gorbachev-Eltsin fight for Kremlin power, a kind of third Russian revolution. The kaleidoscopically disorienting (featuring in the minds of some digital democracy), everywhere undercut and is undercutting the vertical integration essential to the strong gatekeeper model of information flows.

As economic constraints diminished other, natural, impediments to gaining broad audiences vanished. It cost, for instance, only \$380 for police officer Aleksei Aleksandrovich Dymovskii to create <http://www.Dymovskiy.ru>. Then upload a video to popular open mass platforms and quickly become a YouTube Star. His vlog, videoblog became a news sensation in its own right and the raw material for the production of hundreds of articles by

26 Gayle Durham Hollander, *Soviet Political Indoctrination: Developments in Mass Media Since Stalin* (New York: 1972)p.39 Another sovietologist put it, "The primary mission of the media system in the Soviet Union is the socialization of every person receiving the message...what is newsworthy...has already been set by overarching doctrine and party policy...derived from the notion that the ruling doctrine is based on science. Lenin's understanding of Marx's "scientific socialism...." Ellen Mickiewicz, *Split Signals: Television and Politics in the Soviet Union U* (New York: Oxford University Press, 1988) pp.26; 28. The quote about Soviet television is from Jonathan Sanders, then of Columbia University's Working Group on Soviet Television. Nick Daniloff, Jeff Trimble, "Soviet TV: New Words, Same Story." *U.S. News & World Report* June 9 1986, p.35. The great chronicler of GLAVLIT termed it a "self-administered poison." He also noted its essential Russianness, channeling the words of Godunov-Cherdyntsev, the poet-hero of Nabokov's novel *Dar* (The Gift) who reflected, 'In Russia the censorship department arose before literature; its fateful seniority has been always in evidence.' Arlen Blyum, *A Self-Administered Poison: The System and Function of Soviet Censorship*, translated by I.P. Foote (London: Legenda, 2003) p.1 see, *Sovetskaiia tsenzura v epolhu total'nogo terrorak, 1929-1953* (St.Petersburg, Akademicheskii proekht, 2000); A.V.Blium (ed) *Tsenzura v SSSR, 1917-1991* (Moscow: Rosspen 2004); A.V.Blium, *Za kulisami "Ministervstva pravdy": tainaia istoriia sovetskoi tsenzury, 1917-1929* (Sankt-Peterburg : Akademicheskii proekt 1994); also very useful is T.M. Gorjaev (comp), *Istoriia sovetskoi politicheskoi tsenzury: dokumenty i kommentarii* (Moscow: Rosspen, 1997).

27 "Izbavlenie ot Chikatilo: Rovno 20 let nazad byl kaznen Adrei Chikatilo," *Gazeta.ru* 16 Fevralia 2014 <http://www.gazeta.ru/social/2014/02/14/5907929.shtml>; Robert Cullen, *The Killer Department: Detective Viktor Burkov's Eight-Year Hunt for the Most Savage Killer of Our Time* (New York: Pantheon, 1993) [There is a 1995 film "Citizen X" based on this book. Richer in notes from the media coverage is Richard Lourie, *Hunting the Devil, Pursuit, Capture and Confessions of the Most Savage Killer in History* (New York: Harpercollins, 1993).

28 The rest of the reply, translated, "On TV only Love." See, "Spacebridge 'Citizens Summit' Leningrad-Seattle 29 December 1985 <http://www.youtube.com/watch?v=GcP-asqXP4>

29 Elena's show ran 1997-2000. She said the cutting-edge telecast was "like a bomb going off." Michael Schwartz, "Revolution? Da. Sexual? Nyet." *The New York Times* 14 July 2010. <http://www.nytimes.com/2010/07/15/fashion/15sex.html> (15 February 2014).

30 This cultural contrast, if true, makes for a fascinating area to be explored by a bold graduate student.

31 Based on a VTsIOM 2012 survey of 1,600 people in 46 regions and republics of Russia as presented in Infographics, "Truth and lies of Russian Internet Users," *RiaNovosti* 2012 <http://en.ria.ru/infographics/20120630/174286549.html> (16 February 2014).

32 The tower metaphor plays with image of "The Cathedral and the Bazaar" of changes in the media world, see among many other, Eric S. Raymond, "The Cathedral and the Bazaar," *First Monday* vol.3, number 3 2 March 1998 <http://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/578/499> (16 February 2014) and Eric S. Raymond, *The Cathedral & The Bazaar: Musing on Linux and Open by an Accidental Revolution* (Cambridge: O'Reilly, 1999). In a lovely linguistic twist one of rallying to action grassroots movements, directed against the mighty Gazprom's plans for a huge architectural monument to itself, is called deliciously: TOWER-NET. See, www.bashene.net.

professional journalists.³³ When disappointed with 'old tv' (including the conversion of once new NTV into old tv) in 2007 Natalia Sindeeva moved to create a new, largely streaming video independent television entity, Dozhd: The Optimistic Channel it was not cheap but the miniaturization of technology and capital acquired from years of operating the popular "Silver Rain" radio station made it possible to operate, not in airplane-hanger sized spaces needed at Ostankino, Moscow's television city but in a repurposed chocolate factory.³⁴ Early innovation in e-mailing and internet connections rode into Russia on the back of the same kinds of progressive minded non-profit organization that, like WELL and the Whole Earth Catalog folks shaped the north American linked computer world, progressive nerds and activists from the San Francisco bay.³⁵ Although little noticed during the August 1991 coup attempted by hard-line communists against the last General Secretary of the Communist Party USSR, Mikhail Sergeevich Gorbachev, who was defended by his rival the first democratically elected President of the Russian Federation, Boris Nikolaevich Eltsin, Gleb Pavlovskii who created his own internet address in 1990 used it to dispatch accurate accounts of Moscow happenings from the (faxed) pages of the Post-Factum News Agency.³⁶ Journalists who focused on education, Uchitel'skaia gazeta became the first 'dead trees' (paper based) publication to offer an electronic version in March 1995. Late the same year speaking out the astrophysicist theory community (from 'the other shore' an untenured post at the University of Kentucky) Dmitri Verner launched the immensely popularly and tellingly significant Russian anecdotes site, <http://www.anekdot.ru>, and within months enterprise-minded risk-takers opened Tetris, Russia's first internet café in St.Petersburg. Significantly, the anecdote enterprise came from without, like Radio Liberty and the BBC had, but it encountered no jamming as it crossed the iron curtain, Cathedral like walls had indeed come tumbling down and pernicious brain-drain paid the motherland back a dividend.³⁷

33 F. Toepfl, Managing Public Outrage: Power, Scandal and New Media in Contemporary Russia. Paper presented at the Conference on Internet, Politics and Policy, Oxford, UK. Retrieved June 20, 2011, from <http://microsites.oii.ox.ac.uk/ipp2010/programme/79>: J.E. Burgess, J. E., & J. Green, The Entrepreneurial Vlogger: Participatory Culture beyond the Professional-Amateur Divide. In Snickars, P., & Von-derau, P. (Eds.), The YouTube Reader (pp. 89–107). Stockholm, Sweden: National Library of Sweden. Beth Knobel and Jonathan Sanders, "Samizdat 2.0: The Dymovsky Case and the Use of Streaming Video as a Political Tool in Contemporary Russia," International Journal of E-Politics, 3(1), 26–41, January-March 2012 pp.27-28; generally the best and most thoughtful guide to the Russian on-line world is Evgenii Gorny. See, E. Gorny, Understanding the Real Impact of Russian Blogs. Russian Analytical Digest, 69, 8-10. Retrieved from kms1.isn.ethz.ch/serviceengine/.../Russian_Analytical_Digest_69.pdf; Eugene Gorny, A Creative History of the Russian Internet: Studies in Internet Creativity (Berlin: VDM Verlag, 2009).

34 Some of the Dozhd team were more disgusted that disappointed. Valery Panyushkin, commented, "TV is dying, those Kremlin dudes have killed it. It's impossible to learn anything from TV now, therefore it makes no sense to watch it." Xenia Prileskaya, "Rainy TV Channel's Optimistic Ambition," The Moscow Times 1 June 2010 http://www.themoscowtimes.com/arts_n_ideas/article/rainy-tv-channels-optimistic-ambition/407231.html; Natalia Sindeeva, "27 Aprilia 2010 Dozhd," Aleksandr Gorbachev, Il'ia Krasil'shchik (eds) Istoriia russkikh media 1989-2011 versia 'afrishi' (Moskva: Afrisha, 2011) p.293

35 Evgenii Gorny's chronological history of the Russian internet begins with January 1990. The first entry reads: "January: Creation of the social organization "Glasnet" (<http://glas.apc.org> later known as <http://glasnet.ru>). Financing was provided by the American "Association for Progressive Communication," from San Francisco (<http://www.apc.org>). The Americans devised the name "Glasnet" by combining the words "Glasnost" and "Network". "They provided grants, which financed Internet work for teachers, human rights workers, ecologists, informal groups and other guarantors of the open society. Namely these professions were the first provided with communications by Glasnet. Thematic teleconferences were provided for these organizations and they were assisted in receiving information from the Internet, and were oriented on its use, and these 50 users were serviced by three modem lines in 1990." (Alexander Gagin, <http://inter.net.ru/11>). In 1993, "Glasnet" became a commercial provider. On June 1, 1999 "Glasnet" merged with the company "Sovam Teleport." The technical capacity and the trademark "Glasnet" became the property of "Sovam", and on September 2, 1999 "Sovam Teleport" and "Telephone Communications of Moscow" merged with "TeleRoss Ltd." Eugene Gorny, Materials About the History of the Russian Internet PDF March 29, 2000 (material courtesy of Evgenii Gorny) p.1; On California see, Fred Turner, From Counterculture to Cyberculture: Steward Brand, the Whole Earth Network and the Rise of Digital Utopianism (Chicago: University of Chicago Press, 2006); John Markoff, What the Dormouse Said: How the Sixties Counterculture Shaped the Personal Computer Industry (New York; Penguin Books, 2006); for a fascinating study of why the internet was not born, so to speak, Cyrillic see, Slava Gerovitch, "InterNyet: why the Soviet Union did not build a nationwide computer network," History and Technology vol. 24, no 4 December 2008, pp.335-350; http://russ.ru/netcult/20030617_verner.html

Postfactum was created in 1989 and along with Inter-Fax became one of the best independent news organization in the Soviet Union. During the coup some news agencies experienced trouble with their phone/fax lines. No one seemed to think to interfere with data lines or internet connections. Author's observations. (The author covered the coup for CBS News.) Krisina Lindgren, "As Plot Unfolded, She Had FAX on It," The Los Angeles Times August 27, 1991. http://articles.latimes.com/1991-08-27/news/mn-1706_1_soviet-union (24 January 2014); Gleb Olegovich Pavlovski, in Aleksandr Gorbachev, op. cit. p.188.

Gorny, Materials pp.3-4; D. Verner, "Anekdoty iz Rosii I fol'klor internetovskoi epokhi," Russkii Zhurnal http://russ.ru/netcult/20030617_verner.html. (27 January 2010). For an introduction to anekdoty see, Emil A. Draitsner, Taking Penguins to the Movies: Ethnic Humor in Russia (Detroit: Wayne State University Press, 1998). The character and content of the early and long popular anecdote site makes ridiculous the analytic thrust and predicative power of F. Fossato, J. Lloyd, & A. Verkhovsky, A. (2008, Sep-tember 26). The Web that Failed: How opposition politics and independent initiatives are failing on the Internet in Russia. Oxford, UK: Reuters Institute for the Study of Journalism. Retrieved from <http://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/nc/publications/risj-challenges/the-web-that-failed.html>

36 Postfactum was created in 1989 and along with Inter-Fax became one of the best independent news organization in the Soviet Union. During the coup some news agencies experienced trouble with their phone/fax lines. No one seemed to think to interfere with data lines or internet connections. Author's observations. (The author covered the coup for CBS News.) Krisina Lindgren, "As Plot Unfolded, She Had FAX on It," The Los Angeles Times August 27, 1991. http://articles.latimes.com/1991-08-27/news/mn-1706_1_soviet-union (24 January 2014); Gleb Olegovich Pavlovski, in Aleksandr Gorbachev, op. cit. p.188.

Gorny, Materials pp.3-4; D. Verner, "Anekdoty iz Rosii I fol'klor internetovskoi epokhi," Russkii Zhurnal http://russ.ru/netcult/20030617_verner.html. (27 January 2010). For an introduction to anekdoty see, Emil A. Draitsner, Taking Penguins to the Movies: Ethnic Humor in Russia (Detroit: Wayne State University Press, 1998). The character and content of the early and long popular anecdote site makes ridiculous the analytic thrust and predicative power of F. Fossato, J. Lloyd, & A. Verkhovsky, A. (2008, Sep-tember 26). The Web that Failed: How opposition politics and independent initiatives are failing on the Internet in Russia. Oxford, UK: Reuters Institute for the Study of Journalism. Retrieved from <http://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/nc/publications/risj-challenges/the-web-that-failed.html>

37 Gorny, Materials pp.3-4; D. Verner, "Anekdoty iz Rosii I fol'klor internetovskoi epokhi," Russkii Zhurnal http://russ.ru/netcult/20030617_verner.html. (27 January 2010). For an introduction to anekdoty see, Emil A. Draitsner, Taking Penguins to the Movies: Ethnic Humor in Russia (Detroit: Wayne State University Press, 1998). The character and content of the early and long popular anecdote site makes ridiculous the analytic thrust and

Christmas 1996 brought Vecheny Internet a way to promote Cityline, a Moscow ISP with a friend of the company owners Anton Nosik providing content. Soon Zhurnal.ru, a cultural enterprise that served under editor Evgenii Gorny as a pixel pumped school of Russian network journalism, supported in some measure by advertisements created by the first digital advertising network boys appeared. The electronic journal, Intellectual Capital disseminated the gravelly voice of Afghan war hero and idiosyncratic Duma member Alexander Lebed (1950-2002) across Russian cyberspace in the RealAudio format. In short order, 1998 the first professionally edited web news services, Lenta.ru; Gazeta.ru and Polit.ru appeared and quickly after (18 March 1999 generally in Russian, 1 February 2000) that LiveJournal.com, the largest Russian language blog community.³⁸

Barriers dropped. Imported innovations, such as LiveJournal became more central, more popular, more vital to the dissemination of the new and news than in their place of origin. The new replaced old. Choice replaced varieties of conformity. Old habits, even revised as on television where South American soap operas took the time slots of sentimental movies and pedagogy, offered shiny and new content. Game shows for substantial material objects gained popularity instead brain challenging Shto, gde, kogda? Without the Stalinist repression, without the 'Cathedral down' command impetus it seemed, suddenly (although on line its development followed the classic Everett Rogers, Diffusion of Innovation scheme) like a gigantized, spontaneous replication of Mao's "Let a Hundred Flowers Bloom" movement.³⁹

The entire spontaneity of the 'quicksand era' contrasted sharply, of course, with the constrained consciousness era (it seemed like eons) of central party-GLAVLIT control. The triumph of spontaneity over consciousness (or the self-anointed consciousness of party few isolated in a backward land of primitive hyper-hormonal masses, striving at best for bourgeois vapidty) reversed and visited revenge on the Bolshevik triumph of consciousness over spontaneity.⁴⁰

To make sense of the wild flooding of the new and news, content created not necessarily by professionals and created not even in contexts with which new Russia consumer had familiarity everyone was on their own. Atomized information reception ruled. Even where readers turned to familiar rubrics or publications, old stand-bys Izvestiia and Pravda different regimes controlled the editorial rudders, different entrepreneurial engines drove the revised, reformed and revitalized (or not) old reliables that had to learn to survive in primitive market conditions undercut by the further chaos plaguing many 'dead tree' entities [a snarky term for paper-based past-facing traditional newspaper organizations],

predicative power of F. Fossato, J. Lloyd, & A. Verkhovsky, A. (2008, Sep-tember 26). The Web that Failed: How opposition politics and independent initiatives are failing on the Internet in Russia. Oxford, UK: Reuters Institute for the Study of Journalism. Retrieved from <http://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/nc/publications/risj-challenges/the-web-that-failed.html>

38 "Novosti v internete: Polit.ru, Gazeta.ru, Lenta.ru," Aleksandr Gorbachev, op. cit. p.185-193; Eugene Gorny, Russian LiveJournal: National specifics in the development of a virtual community Russian-cyberspace.org / URL:<http://www.ruhr-uni-bochum.de/russ-cyb/library/texts/en/gorny_rlj.pdf> Version 1.0, 13.05.2004; Significantly, Evgenii emphasizes, "The internet as a global communication system has often been perceived as a means of effacing differences between local cultures and, sometime, even as a tool of coercive unification of the world in accordance with the values of liberalism and the American way of life.[Paul Treanor. Internet as hyper-liberalism, 1996, <<http://web.inter.nl.net/users/Paul.Treanor/net.hyperliberal.html>> (1 April 2004).] Apart from these political and ethical dimensions, the uniformity of technical standards of Internet protocols, software and interfaces can apparently influence the process of cultural unification impacts of the internet and preserve their individuality. Linguistic differences are one of the most visible factors in this process. As Olia Lialina put it, "It's said that the Internet has no borders, but one is obvious. The border of language. Languages trace new maps along the Internet..." [Florian Schneider and James Allan. RUNET: NetCulture in Russia: Interview with Olia Lialina, 21 February 2000, <<http://www.heise.de/tp/english/inhalt/on/5819/1.html>> (17 November 2003).] However language is not an indifferent means of communication; it is connected with cultural values and, through it, with the national character.¶ My hypothesis is that the deviation of RLJ [Russian Live Journal js] from LJ [Live Journal js] as a whole (or, to be more specific, from the English-language LJ) may be explained to a certain degree by the influence of Russian culture and national character upon the users' online behavior." Russian-cyberspace.org / URL:<http://www.ruhr-uni-bochum.de/russ-cyb/library/texts/en/gorny_rlj.pdf> Version 1.0, 13.05.2004 p.10." Mariia Treshchanskaia, "Udalennaia zhiz': Vesti virtualni dnevnike –eto modno, Izvestiia 4 Iulia 2001 p. 3; Gorny, Creative History op. cit. m pp.235, 239.

39 Everett M. Rogers, Diffusion of Innovations (New York: The Free Press, 1962). The adoption, especially the early adoption of cell phones and computers among 'new Russians' besides being fodder for some wonderful anecdoty gives meaningful reading to the insights of Alexander Gerschenkron, Economic Backwardness in Historical Perspective (Cambridge: Belknap Press, 1962). See, too his "Problems and Patterns of Russian Economic Development," in Michael Cherniavsky (ed) The Structure of Russian History Interpretative Essays (New York: Random House, 1970 pp.282-308. Roderick MacFarquhar, The Origins of the Cultural Revolution: Contradictions Among the People, 1956-1957 (New York: Columbia University Press, 1973).

40 Classic accounts of this dichotomy are Lenin's 1905, "Two Tactics of Social-Democracy in the Democratic Revolution," and Leopold Haimson, The Russian Marxists and the Origins of Bolshevism (Cambridge: Harvard University Press, 1955) esp. chapter 8.

The author was involved in the Pravda world. "Dzhonatan Senders, novyi obozrevatel" "Pravdy" Pravda 26 Dekabria 1992 p.1. The contrast in the different roads taken—that makes all the difference (Robert Frost) between Pravda and Izvestiia over the last three decades, cries out for thoughtful young scholar's attention. The reference is to grating as filters, a grating covering a drain, they block the movement of large particles such as leaves that might clog a drain but allow the movement of water, sewage and small particule to be dispersed away regularly.

the new realities of the digital distribution world.⁴¹ In the absence of GATEKEEPERS, spontaneously each individual needed to develop the skills to his/her own GRATEKEEPER⁴² As gratekeepers each citizen news consumer must learn to be competent to deflect the on rushing currents of communicated messages into canals for garbage that news disposal and channels for analyzed understanding that creates patterns of journalistically valid and user useful information. In this way the Gatekeeper skill set overlaps the historic mission of Schneiderian News Literacy.⁴³

News Literacy is tool box for adapting individuals to the post-Cathedrals collapsed world. For all its pragmatic virtues this tool kit reflects, for worse and better the limitation of its creators and the matrix, notably the cultural, ideological, class, and linguistic weltanschauung [mirovozzrenie] of its creators as rooted in a particular national experience. It postulates, if unconsciously a certain universality and whig outlook, underpinned by an assumption of progressive narratives.⁴⁴

News literacy lacks a comparative perspective. It fails to consider anything, as Herzen titled it, "from the other shore," even a near shore or across a friendly border. There is nothing examined or incorporated into its analytic or prescriptive matrix as simple as that rooted in Francophone news world of New York's neighbor to the north, Quebec or more broadly bi-lingual Canada, to say nothing of the rich, if significantly different print and publishing history of another long-lived democracy, France.⁴⁵ However, the shortcoming, although richly indicative of 'idea foundry' where they were cast, are guileless. It stands far about from such nonsense as 'transitology' and triumphalistic pleating and promotion of the so-called victorious (in the cold war) American model.

Where news literacy pushes to undercut Russia or at least Russian values it is by unthinkingly taking sides in the Westernizer-Slavophile debate. It sides with those for whom, bringing out the underlying identity between Russia and the west was, in and since the time of Peter the Great, was axiomatic⁴⁶ Yet, the over-extension of westernization buoyed by a technological-determinism and free market Darwinian swagger, the notion that, The World Is Flat, in Thomas Friedman's popularized term poses certain problems for the application of news literacy in the Big East.⁴⁷

41 The author was involved in the Pravda world. "Dzhonatan Senders, novyi obozrevatel' 'Pravdy'" Pravda 26 Dekabria 1992 p.1. The contrast in the different roads taken—that makes all the difference (Robert Frost) between Pravda and Izvestia over the last three decades, cries out for thoughtful young scholar's attention.

42 The reference is to grating as filters, a grating covering a drain, they block the movement of large particles such as leaves that might clog a drain but allow the movement of water, sewage and small particulate to be dispersed away regularly.

43 <http://www.centerfornewsliteracy.org/history/>. As conceptualized by Howard Schneider news literacy served a public, a democratic goal of creating better prepared news consumers. It stands in marked contrast to the professional navel gazing and at times bloated pseudo-intellectual posturing put forward by those who hijacked the term without the slightest acknowledgement of their intellectual debts. See, in contrast, "Book—News Literacy: Global Perspectives for the Newsroom and the Classroom. Overview News Literacy gathers leading scholars, educators, and media makers to explore new approaches to thinking about, examining, and evaluating news media and civic engagement. News Literacy explores these two fundamental questions: What are the most pressing issues in news, media, and culture in a converged, digital, and global media age? What are the best educational practices to foster media literate understanding, engagement, and expression across borders, across cultures, and across divides? News Literacy prepares future media practitioners (and citizens) to embrace new media environments that can simultaneously empower their craft and their civic voice." <http://www.salzburg.umd.edu/book-%E2%80%9494-news-literacy-global-perspectives-newsroom-and-classroom> (19 February 2014)

44 Ideology here is utilized in a totally non-pejorative sense, although it does incorporate notions drawn from György Lukács (especially insights in, "What is Orthodoxical [sic] Marxism," in translated by Rodney Livingstone, *History and Class-Consciousness* (Cambridge: MIT Press, 1971) and Antonio Gramsci (particularly hegemony in Joseph A. Buttigieg (ed) *Antonio Gramsci Prison Notebooks* (New York: Columbia University Press, 1992) pp. 233-238). See, George Lichtheim, *The Concept of Ideology, and Other Essays* (New York: Random House, 1967). For those proceeding through the media studies prism see, the father of British academic leftist media studies, Stuart Hall, "The Problem of Ideology-Marxism without Guarantees," *Journal of Communication Inquiry* vol.28 n.10 1986 <http://jci.sagepub.com/content/10/2/28> (16 September 2009). <http://jci.sagepub.com/content/10/2/28>. The image of crass, "from the Cathedral" CP ideology has its foundation in the populist, not idea-probing writing of Nikolai Bukharin (with E[vgenii] Preobrazhenskii, *Azbuka kommunizma* (NP [Moskva] 1921) or in English, translated by Eden and Cedar Paul, *The ABC of Communism: a popular explanation of the Program of the Communist Party of Russia* (London: The Communist Party of Great Britain, 1922); on the other end of the historical continuum, the another great party thinker's rejection of warn out ideology and its blinders, see, Aleksandr lakolev, *Omut pamiati* (Moskva: Vagrisus, 2000); equally valuable (as are most of his writings) Feodor Burlatskii, *Reformy I reformatory: nadezhdy i illiuzii* (Moskva: Sobranie, 2008)

45 The many works of Robert Darnton, Carl H. Pforzheimer University Professor and University Library raise many intriguing and comparative questions. Darton comes at his incisive intellectual inquiry by way of working as a reporter for *The New York Times*.

The best critiques of American triumphalism, especially singling out its underlying anti-Russian core continue to come from Stephen F. Cohen, often in *The Nation*. Stephen F. Cohen, *Failed Crusade: America and Tragedy of Post-Communist Russia* (New York: W.W. Norton & Company 2000).

46 The author takes the axiomatic phrasing from the great Russian historian Marc Raeff (1923-2008). Raeff stressed the importance of asking 'the west for whom' and in whose point of view in Russia. Speaking of the 19th century when the Slavophile-Westernizer debate raged, and even later when populists [narodniki] debated tactics, the existence of 'two nations' in Russia. How Russia saw the west had different relevance and different meaning for each. Both this perspective and adapting it to the two audience (blue screen and mobile screen, iPhones) need to be born in mind when thinking about, to overstate with the title of a popular screed, an info sphere where *The World is Flat*. The Slavophiles would point to the very device name, iPhone, as indicative of the corrosive values, the hyper-individualism, the assertion of the "I" not the "We" undercutting 'sobornost'. If, lacking the familiarity with Gothic architecture prompts substitution of Sobor (which can mean cathedral, but is seldom conceptualized with that word, from the Greek kata (down) and hedra (base or chair) meaning a Christian church which holds the seat of a bishop, itself an idea swirling in Romanov reordering, since the tsars, especially Peter stripped independent seating or power out of the church making it subservient to the state) then at least philosophically, if a critic starts from a sobor i sobornost' point of view, the empowerment of the individuals through news lit is indeed, at least superficially subversive of Russian values. N.P. Pavlov-Sil'vanskii, *Proekty reform v zapiskakh sovremennikov Petra Velikago: opyt izucheniia russkikh proektov I neizdannye ikh teksty* (S-Peterburg: V. Kirshbauma, 1897);

47 Thomas Friedman, *The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-First Century* (New York: Farrar, Straus and Giroux, 2005) Friedman in experience in things Soviet or Russian, even though he writes about them in his NYT column (he is a very fine middle east reporter) intends to

The image of a grate and the idea of a gratekeeper emphasizes horizontal nature, at least for now, of the non-hierarchical control of information flows. Some gratekeeping is both generational and natural; turning away from the blue screen to the computer or mobile screen. But much more is necessary (and this dissent from mass media still begs the question about how there can be a public commons, Habermas' public sphere a broad civic culture to emerge as an alternative to and a dialectically engaged counterforce to a re-muscling State sphere). News literacy like the western technology Konstantin Dmitrievich Levin masters (and sometimes rejects after learning its utility) to sow his fields his way can equip 21st century educationally advantaged people to be self-reliant citizens who chose their own ways of understanding their (confusing) world.

Adapting News Literacy for useful existence in the Eurasian space demands much. Already its pioneers are finding excellent or egregious examples of media behavior. But more is needed It means careful study of the social meaning of news, its habits, and evolutionary trends in the very current period. It means, to gain academic legitimacy at the very least to fill in the conceptual, intellectual, and historical foundations sorely lacking due largely to the forced-march, shturmovshchina behind its origins to plug the yawning gaps in north American adolescent training. Adapters need to encourage more adopters. One way to do so is by never losing sight of the North Star of relevance. Another is by insisting on developing and injecting insights on comparative basis. Some of this simply is to root news literacy in non-pedantic history, particularly that of the intelligentsia and its relationship to the narod.⁴⁸

The image of a grate and the idea of a gratekeeper emphasizes horizontal nature, at least for now, of the non-hierarchical control of information flows. Some gratekeeping is both generational and natural; turning away from the blue screen to the computer or mobile screen. But much more is necessary (and this dissent from mass media still begs the question about how there can be a public commons, Habermas' public sphere a broad civic culture to emerge as an alternative to and a dialectically engaged counterforce to a re-muscling State sphere). News literacy like the western technology Konstantin Dmitrievich Levin masters (and sometimes rejects after learning its utility) to sow his fields his way can equip 21st century educationally advantaged people to be self-reliant citizens who chose their own ways of understanding their (confusing) world.

Adapting News Literacy for useful existence in the Eurasian space demands much. Already its pioneers are finding excellent or egregious examples of media behavior. But more is needed It means careful study of the social meaning of news, its habits, and evolutionary trends in the very current period. It means, to gain academic legitimacy at the very least to fill in the conceptual, intellectual, and historical foundations sorely lacking due largely to the forced-march, shturmovshchina behind its origins to plug the yawning gaps in north American adolescent training. Adapters need to encourage more adopters. One way to do so is by never losing sight of the North Star of relevance. Another is by insisting on developing and injecting insights on comparative basis. Some of this simply is to root news literacy in non-pedantic history, particularly that of the intelligentsia and its relationship to the narod. Some is to trace contrast between open and closed societies, those opening and those fighting against pressures to close up.

address economic, and especially global trade issues. His role as a generalizer, pundit, and prominent pseudo-public intellectual makes his outlook more broadly interpreted for media and information flows salient. Painting with too broad, too coarse a brush even in economics Friedman overstates flat. Joseph Stiglitz, in *Making Globalization Work* (New York: W.W.Norton & Company, 2006) notes, "Friedman is right that there have been dramatic changes in the global economy, in the global landscape; in some directions, the world is much flatter than it has ever been, with those in various parts of the world being more connected than they have ever been, but the world is not flat [...] Not only is the world not flat: in many ways it has been getting less flat." Better said is the very title of a critique from the perspective of an urban studies expert is, Richard Florida, "The World Is Spikey: Globalization has changed the economic playing field, but hasn't leveled it," *The Atlantic* October 2005 pp.48-51.

48 Here the understanding of history is envisioned as that of E.H. Carr, "The function of the historian is neither to love the past nor to emancipate himself from the past, but to master and understand it as the key to the understanding of the present." Edward Hallett Carr, *What Is History* (New York: Vintage Books, 1961) p.29

Broadly speaking, that is in more than economic terms, by the prominent anti-Marxist Karl Popper (1902-1994) especially in *The Open Society and Its Enemies* (London: Routledge, 1945)

Some is to trace contrast between open and closed societies, those opening and those fighting against pressures to close up.⁴⁹

To be useful across the physically largest country in the world News Literacy must take seriously culture as a formative experience of the mind. Cross-culture understanding, misunderstanding, and quasi-understanding needs vital attention. As grazing along the internet public sphere in the (Pentagon and American counter-culture established) language of its birth, English is as normal, almost, as breathing understanding of how it is understood and imperfectly understood is vital. Popular culture, a subject seldom studied in Russian secondary education underpins much digital communication (from constructions of basic terms such as SPAM to Zombie networks, much else).⁵⁰ It needs to be included in the NL curriculum. Capacity to understand humor and even more satire comes as a very late stage linguistic skill. Critical minded students of news flows need to be aware of its barriers. Not to distinguish comedic pose in the pretense of a mock newscast, for example, renders The Colbert Report's program long interview with Nadia Tolokonnikova and Masha Alyokhina of Pussy Riot (4 February 2014) in an absurdly wrongheaded light.⁵¹ Similarly, at least because of different understandings of both feminism and satire, a public service type presentation cum self-promotion production such as "Sarah Silverman Is Visited by Jesus" can be easily misinterpreted, even seen as transgressing, as two Russian art curators did, Russia's hate-speech laws.⁵² Insight developed and drawn from the Juri Lotman (1922-1993) led Tartu School of Semiotics (and much else) may be greatly enrich the analytic capacities and prescriptive lessons of New Literacy East.⁵³ Injecting lessons about problems of cross-cultural communications, an angle of attack, except for broad notion of cognitive dissonance, completely absent from the NL curriculum may prove valuable.

Bias and blunder frequently dwell in western journalism's coverage of Russia (and vice-versa). No more recent lessons need to be recited than those drawn than those appearing in the run-up to and the first days of the Sochi Olympics⁵⁴. Even a simple compare and contrast exercise with the 'newspaper of record', the one whose gatekeeper values sets the standard for what many journalists, particularly those in the provinces with little first-hand and experience with 'foreign' news. The 'grey old lady', as the Times is often characterized, steers the thinking and mindset others who decide what news is fit or needed to be covered by their news outlets. Thus what slim gruel the Times gatekeepers select to feed their own audience from 'abroad' has a powerful (and reality distorting) effect. The flagship publication gives little credit and less perspective on what differs the new Russia from the older incarnation. The biased coverage of 'these 'times that are changin' (to central Putin and his hands time) can, among other things create a very negative feedback loop for those situated inside the homeland looking to the outside for a non-propagandized perspective. The problems highlighted in The Times coverage of July 1980 'Brezhnev' games, Jews refused permission to emigrate, Andrei Sakharov largely

49 Broadly speaking, that is in more than economic terms, by the prominent anti-Marxist Karl Popper (1902-1994) especially in *The Open Society and Its Enemies* (London: Routledge, 1945)

50 Spam takes its name from a skit on the 1970 British comedy series Monty Python's Flying Circus. See, S. Hambridge, Network Working Group, "Don't Spew" The Internet Society (1999) <http://tools.ietf.org/html/rfc2635> (23 February 2014). Zombie traces to outsiders take Haitian culture often rooted, many believe in W.B. Seabrook, *The Magic Island* (New York: Harcourt, Brace and Company 1929).

51 <http://www.colbertnation.com/the-colbert-report-videos/432806/february-04-2014/pussy-riot-pt-1> (19 February 2014).

52 <http://www.youtube.com/watch?v=ahdR6aHQvMQ>; Fred Weir, "Russian art curators fined for controversial images of Jesus," *The Christian Science Monitor* July 12, 2010 <http://www.csmonitor.com/World/Europe/2010/0712/Russian-art-curators-fined-for-controversial-images-of-Jesus> (25 February 2014).

53 One starting point for exploring the richness of Lotman and his school is, Kalevi Kull, "Juri Lotman in English: Bibliography," *Sign Systems Studies* 39 (2/4) 2011. http://www.ut.ee/SOSE/sss/pdf/Kull_392.pdf and Maxim Waldstein, *The Soviet Empire of Signs: A History of the Tartu School of Semiotics* (Saarbrücken: V.D. Verlag Dr. Müller, 2008) and "Lotmaniana Tartuensis" <http://www.ut.ee/lotman/>.

54 Suggestive but not entirely congruent with the author's views is, Stephen F. Cohen, "Distorting Russia: How the media misrepresents Putin, Sochi, and Ukraine," *The Nation* vol.298 n.9 March 3, 2014 pp. 6-11. A study of The First Channel's coverage of the very same stories that Cohen's makes reference too would, casual observations indicate, mirror imaging, color transformation and ANTONYM substitution. <http://www.tv.ru/>

silence in exile, no consumer good (or a propaganda show of bringing women's shows into one Moscow store to make the USSR capital look like a consumer's paradise), restricted individual automobile usage, a dissident faked issue of the official paper, Pravda (done from the safety of Rome by Vladimir Maksimov) [announcing "the first decision of the provisional civilian government was to announce free elections. These are the first free elections in Russia in 63 years."⁵⁵] have disappeared. The difficult problem of troops in Afghanistan, the introduction of which sparked the U.S. boycott of these games, still is creating difficulties. Only now it is American boys patrolling the Pashtun state not Soviet boys.

Highlighting the differences since the world turned its Olympic spotlight to this part of Eurasia or at least using the opportunity to focus attention for readers who last 'visited' Russia intensively during the Beslan hostage incident (often readers/viewers toddlers too young to recognize the world-historic events and press coverage of 1989-1993 when centrifugal forces spun Soviet civilization apart and into parts) would have been more useful than NYTimes headlines screaming: "Terrorism and Tension, Not Sports and Joy." Terrorism haunted the 1980 games and press coverage of those boycotted events, too. In near perfect McLuhanesque rearview mirrorism it reflected fears of the preceding Munich Olympics. Yet the difference in the threats, how the Kremlin handled (in the medium run may have help diminish 1976 terrorist, followed by how it fed the fires of the current one, aided, if unintentionally by the blowback of Washington's anti-Soviet, anti-Russia CIA directed not so secret war in Afghanistan) never merited consideration.⁵⁶ Perhaps simply internalizing general American ahistorical outlooks made for this bias. Or it could be reporters too busy tweeting, blogging, and turning out copy lacked the time to dig into the newspaper's own morgue, even if it is wonderfully easy to explore 24/7 on line, easily searchable every single word back to 1851 through Proquest Historical Newspapers.⁵⁷ Perhaps simply internalizing general American ahistorical outlooks made for this bias. Or it could be reporters too busy tweeting, blogging, and turning out copy lacked the time to dig into the newspaper's own morgue, even if it is wonderfully easy to explore 24/7 on line, easily searchable every single word back to 1851 through Proquest Historical Newspapers.⁵⁸

Oddly the episode that best provides context and perspective on how far the motherland had changed as well as to what degree it remained the same got ignored. Feminism, a watchword of political correctness in the west (and a marginal issue to all but small circles, at least under that nomenclature, in the East) reared its head at both Olympics. It leaped colorfully onto prominent pages when plainclothes policemen and Cossacks brandish horsewhips attached a group of young women in Sochi all of whom were wearing fluorescent balaclavs and singing. The victims were members of the performance-activist group Pussy Riot. The visual rich scene made great copy and fine promotion for their video, "Putin will Teach You to Love the Motherland." It is approach a million views on YouTube.⁵⁹ More dour and more unprecedented was the black and white publication of the samizdat (self-published or underground) 1980 magazine

55 Henry Tanner, "A Fake Pravda Announces Moscow Coup: An Olympic Comparison," *The New York Times* 26 July 1980 p.3. "A headline proclaimed, "Russia has overcome the demons—no union, no socialists, no soviets, only republics." The operation is half prank, half serious political propaganda. Vladimir Bukovsky, the dissident Soviet author who was allowed to emigrate to the West in 1977 after 12 years in Soviet Prisons, helped write the Russian text."

56 See Steve Coll, *Ghost Wars: The Secret History of the CIA, Afghanistan, and Bin Laden, From the Soviet Invasion to September 10, 2001* (New York: Penguin Press, 2004)

57 See Steve Coll, *Ghost Wars: The Secret History of the CIA, Afghanistan, and Bin Laden, From the Soviet Invasion to September 10, 2001* (New York: Penguin Press, 2004)

58 Proquest Historical Newspapers: *The New York Times (1851-2009)* <http://search.proquest.com.libproxy.cc.stonybrook.edu/hnpnewyorktimes/index>

59 <http://www.youtube.com/watch?v=gj0KY19gWs> Andrew Roth, "Members of Russian Protest Group Attacked by Cossacks in Sochi," *The New York Times* February 20, 2014 p.A4.

Women and Russia. The soviet state expel three women for publishing this material, including, provocatively according to an accounted printed in the Times “ a statement urging Soviet women to persuade their husbands and sons to go to prison rather than fight in Afghanistan.”⁶⁰ Dissent, especially effect dissent that seemed to threaten a vital Kremlin interest sparked repression and exile. Dissent and brazen non-conformity now sparks repression, but the broader freedoms of the new Russia, at least so far, include the ability to travel abroad and to return (to stage well covered actions). Now journalists can even correspondent with repressed individuals in the Russian prison system through e-mail. This, however much Putinland violates human rights is far from the Gulag days of Soviet Power⁶¹

To analyze the news provocations, intentional and unintentional of a group like Pussy Riot, however far it is from pressing concerns of most Russia screenagers suggests areas where the News Literacy tool kit needs strengthening. Greater competence in basic visual literacy must underpin a world increasingly communicating in streaming video and through photo saturated pixels. Understanding of how visual stimulants work upon human eyes and brains needs great and greater emphasis. The insight taught by great pioneers in cinematography—the grammar of film/video making—needs explication. An awareness of such basic deviations from professional video newsgathering practices, as adding music, the source of which is not shown on camera needs emphasis, so that any unprofessional steps trigger in the news literate screenager an automatic adverse reaction or at least raises a big question mark. Students must be alerted to how things as long known as the Kuleshov effect condition their perceptions and emotions. Too rooted in the old fashioned old order newspaper world news literacy as today constituted misses Lenin’s lesson, “of all the arts cinema is the most important,” which updated to the digital era means video production. One reason screenagers turn to streaming video of just past events is the knowledge that faking and forging visual evidence in photoshop is one thing, but it takes time to do and to render in video, so that fast uploading carries the greater possibility of lesser manipulation. An effort to inject more centrally into New Literacy visual culture lessons might be broadly termed, in a play on words (in English) ‘effecting Kuleshov’. The term would honor the East-West interaction Edison to W.K. Dickson to D.W. Griffith and Lev Kuleshov to Sergei Eisenstein with Esfir Shub to Dziga Vertov that gave the 20th century its signature moving form of communications.⁶² Screenagers traveling by fingers on phones along the world wide web may seem to replicate patterns of information intake perfected by their grandparents. There is and was an over-trusting of ‘the other’, voicing from ‘the other shore’ (in Herzen’s famous phrase). Even in the days of expansive glasnost’ when Radio Maximum went on the air as a commercial venture listeners commented, “the weather forecasts are more believable, simply because they are in English.”⁶³

60 “3 Feminists Expelled by Moscow,” The New York Times July 21, 1980 p.A3. This piece was an UPI report datelined Vienna. The women were listed as Tatyana Mamonova, Tatyana Goritscheva, Natalya Nalachoskaya.

61 Protest art, especially that steeped in feminist tradition (besides that of the 1920s) or the punk tradition is not as well known in Russia as in western Europe or north America. An intellectual history of the Pussy Riot phenomenon demands more than the usual grounding in Russian studies or trendy western habits. It demands someone with a deft touch and a comparative perspective of someone broader than an émigré (in a previous period a Nabokov or a Maurice Hindus (1891-1969) or an Alexander Werth (1901-1969) whose understanding of their birth culture always exceeded their finger-tip feel, however great their journalism, for their adopted culture. The ability to shuttle back and forth, especially to get western education, critical thinking and news literacy skills and then re-immense as an insider/outsider in a native culture makes a significant, twenty-first century difference in US-Russian understanding. Great freedoms to travel and to study abroad encourage development of journalists, such as Masha Gessen who can well calibrate the different rhythms in political correctness, intellectual trendiness, and cultural matrixes who can explain, in a sophisticated manner the meaning and significance of ‘Pussy Riot’ because she has a solid foot in each culture. See, Masha Gessen, *Words Will Break Cement: The Passion of Pussy Riot* (New York: Riverhead Books, 2014). The appropriate streaming video explanatory frame behind this book emerges on screen in: Huffington Post Live http://www.huffingtonpost.com/2014/02/26/words-will-break-cement_n_4859875.html The author, Ms. Gessen is part of the story of increasing repression in Putinland too, in as much as that because she felt the draconian, if highly ambiguous anti-LGBT propaganda laws threatened to rip her children from her family that she moved, again, out of Russia for the safety of her kids.

62 Clearly film can reveal, distort, and denial realities. Significantly, the Roger diffusion of innovation theory hold strong in video. Where once only the commanding heights news professionals and the KGB, possessed video to capture scenes now the miniaturization and cost reduction of the technology allows ordinary citizens to keep watch on the watchers, to mount cameras in car as a shield against wolves in uniforms. Lenin’s famous quote about cinema bears repeating especially against the built in bias of the fathers of news literacy it is always vital to bear in mind Stalin’s role. Peter Kenez, reminds us (bear this in mind in watching RT [and all the federal channels], thank you Mikhail Lesin—js) “Although it is to Lenin that famous statement is attributed that film is the most important of all arts, it was Stalin who was preoccupied with cinema to an extraordinary extent. . .The primary social of films in the age of Stalin was not to portray reality but to help to deny it.” *Cinema and Soviet Society: From the Revolution to the Death of Stalin* (New York: I.B.Tauris, 2001) p.5

Jonathan Sanders, “Radio Maximum,” The CBS Morning News 26 June 1992. It is vital that someone begin studying the differences between those with various grades of competence in consuming news from the English language dominated web and those exploring the information public sphere on line exclusively in Russian.

63 Jonathan Sanders, “Radio Maximum,” The CBS Morning News 26 June 1992. It is vital that someone begin studying the differences between those with various grades of competence in consuming news from the English language dominated web and those exploring the information public sphere on line exclusively in Russian.

It may seem in a supposedly seamless world a search 'abroad', if that term still has some retention of its old Cold War and pre-digital meaning, to repeat the experience of seeking out substitute free media, VOA, Radio Liberty, BBC.⁶⁴ The couplet from the Brezhnev era echoes this:

'Est' obychai na Rusi
Noch'iu slishat Bi-Bi-si' [There is a habit among us Ruskies/at night we listen to the BBC]

However useful, and even nostalgic, the 21st century version of listening along the internet illustrates, among other things McLuhan's tetrad of media effects. It retrieves, enhances, reverses, and obsolesces.⁶⁵ The political trendiness, the domestic preoccupations, the pernicious framing, focus, and interpretation (as universal values) of 'political correctness', pace Yeats, "is loosed upon the world."⁶⁶

Like satire and humor this can make for off-kilter intake and interpretation. Adding to the News Literacy tool kit navigational skills, like the ones Russia's greatest enthusiast for ships and the sea, Peter the Great sought to learn when he traveled to Holland, the ones of sextant and chronometer he made sure to master himself no matter how talented or loyal his court, so that he could always figure out where he was, can help screenagers make allowances for time-space distortions. For shorthand call this addition to the NL skill quiver Peter's sextant. Technology may have collapsed distances, but minds may still be rooted in places and culture. It is important as a reflexive action in reading and watching to employ Peter's sextant to calculate how far is the source or the sender from the consumer what distance across a world that is NOT flat might have in distorting the message.

Anyone may post on YouTube. Something trending on twitter can instantly gain a following. It is simple to establish an identity on LiveJournal. In a crowd emotions can amp up adjectives. Enthusiasts can become overly enthusiastic. Agitators, activists, propagandists, poser and young people trying to grow into being their generations Tatiana Mitkova or Artem Borovik or Iuri Shchekochikhin or even Alexander Nevzorov can in over eagerness exaggerate or misinterpret or be spun or simply overwhelmed. Complicating the situation Big brother is watching...and worse acting. Actors of various stripes don masks, balaklavas, and utilize various software surveillance avoiding technologies. Self-preservation is a good thing.⁶⁷ Some politicians lamenting the crumbling of old Cathedral dominant gatekeeper world want to prevent "provocations on the internet; others in an act the NSA might envy were it not doing something similarly with its advanced technology already are demanding a law that compels major Internet providers to keep records of traffic ready to present them to security agents on demand without a warrant (the demand for the law does not mean this action is not already happening regularly).

The world is not flat; the first amendment of the American constitution does not hold in most places in the world (and sometimes the Patriot Act drills holes in it inside the United States, too.) But this interferes greatly with screenager's need to use key News Literacy tools: VIA (Verifiable, Independent, Accountable). Anonymity, and what to do about it is one of the great riddles of the internet age. At the very least screenagers confronting this tangle need to take a page from the mantra of NTV in its glory days under Igor Mareshenko—News

64 On this see the important work of Anna Sergeevna Kolchina especially, "Radio Svoboda v 1950-1970-e gody XX veka: poisk form propagandy v period kholodnoi voiny," Vestnik Moskovskogo universiteta seriya 10: Zhurnalistika n. 3 2010 pp.103-116; "Radio Svoboda v 1970-e gody I v poslednee desiatiletie," in I. Aleshkovskii (red) Materialy dokladov XVI Mezhdunarodnoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh 'Lomonosov' (Moskva: Makc Press, 2009); and Gene Sosin, Sparks of Liberty: An Insider's Memoirs of Radio Liberty (University Park: Penn State University Press, 1999).

65 Marshall and Eric McLuhan, Laws of Media: The New Science (Toronto: University of Toronto Press, 1988)

66 The reference here is to William Butler Yeats (1865-1939) poem "The Second Coming" (1919) line 4.

67 The delicious irony of the most neon colored masking, splashed world-wide by those masters of attention grabbing, Pussy Riot, is that their very balaclava disguises make it impossible to distinguish the original Pussy Riot media event making pranksters from the break off minority faction lead by Nadia Tolokonnikova and Masha Alyokhina from the original, presumably genuine and non-ego promoting, anti-individualist feminist who escaped State repression and fawning western fames. Dostoevskii who loved creating characters and their doubles and who had more than a conflict filled relationship with the west might well love theatrical convolution of this masking and problematic image building. See, Julia Ioffe, "Pussy Riot Arrested in Sochi: Annals of Idiocy," The New Republic 18 February 2014 . <http://www.newrepublic.com/article/116587/pussy-riot-arrested-sochi-during-olympics> (20 February 2014) the subtitle of this piece might well apply to Ms. Ioffe's coverage of Russia in 2014. Yet another irony deep in this neon riddle is that the very English word BALACLAVA is one of the few rooted in the western powers horrific experience in meddling in Crimea, a place much quite suddenly on the front pages of world news screens and newspapers. See too, Daniel Dayan and Elihu Katz, Media Events: The Live Broadcasting of History (Cambridge: Harvard University Press, 1992).

is our profession. Each piece of information flowing over a screen needs to be challenged by the query...what is the profession of the content creator. Patterns need to be discerned if credential or real identities cannot be verified. Trust can be established in cyberspace, but warily. Issuing the NTV challenge is not a cry for reinforcing the narrow credentialing and denying of broad liberal arts higher education as proper preparation for journalistic careers too long dominant in the realms controlled by Kremlin power. The soaring accomplishments of Alexei Venediktov alone are refutation of that old order narrowness. The precedent, of course, came earlier, Vladimir Giliarovskii did not go to journalism school or studying writing. Was not proof enough?

The web contains many creatures, not all are innocent spiders, not are working out the dreams of digital-Kropotkinist making content for the greater glory of the public or even to show off their talents; are not even independent agents; digital thugs for higher abound, trolls practice troll craft. A starting point in roaming the web is for screenagers to ask 'is news their profession'? If not what? Was it some innocent who posted that nasty video of Viktor Shenderovich after he, in politically incorrect fashion admitted on-line to liking Lulia Lipnitskaia, the 15 year old skating phenomenon mused, "if you only knew how Berliners, in the summer of 1936, liked shot putter Hans Woellke, the first German track-and-field champion, a smiling, handsome guy symbolizing new Germany's youth!"⁶⁸ If a Dimitri Kiselëv wants to heap scorn on Shenderovich that is his right; everyone knows who he is and to whom he is accountable. But digital troll posters who upload falsified video, 21st century forgers pursuing 'active-measures' muddy the waters of understanding and identifying news.

For screenagers and those teaching them the New Literacy tool kit can help make for critical-mind voyagers across the twenty-first century. Yet each must bear in mind the skill set has its own perils. Peter's sextant can remind how far home is from pleasant shores, how far in time they are removed from more ideal climates. Effecting Kuleshov can remind them of where artistic expression can soar and where big brother stifles it or where it is used to hypnotize and to disguise. The NTV challenge can enrage or remind screenagers of radiant hopes dashed by men in towers or inspire by examples of bravery, insight, and great works. Alienation of a special Russian kind, floated on a sea of relentless questioning and dissatisfaction may follow. Often this kind of critical-thinking minority carries the 'out of the mainstream' name intelligentsia. Teachers of this cadre must realize they are preparing people for storm tossed existences. Some may prefer to forgo the difficult voyage for a simple quest after 'shiny objects'. Those who embrace the tool kit of New Literacy have ways to move forward, even survive being wave-tossed backward as each mans her or his own boat. We may not be all in the same boat. There are commonalities; but currents vary, crafts evolve to meet conditions. No one, least of all someone from another shore should be so bold, so arrogant as to do anything more than share their experiences, knowing that they are limited and often the product of over-privileged circumstances. The rules of what is universal are only beginning to be discovered...and perhaps screenagers will refine and explain some of them.

68 Leonid Bershidsky, "Olympics Bring Back the 1980s in Russia," BloombergView February 17, 2014. www.bloombergview.com/articles/2014-02-17/olympics-bring-back-the-1980s-in-russia (20 February 2014).

Медиаграмотность и медиаобразование: Россия и мир

ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ, Д.П.Н. А.В. ФЕДОРОВЫМ, ГЛАВНЫМ РЕДАКТОРОМ ЖУРНАЛА «МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ».

ВОПРОСЫ ЗАДАВАЛА: ЮЛИЯ ЧЕРНЕНКО

- Как вы оцениваете текущую ситуацию в сфере медиаобразования и медиаграмотности в России и в мире?

Если говорить о ситуации с развитием медиаобразования и медиаграмотности, то я оцениваю ее в целом положительно. В Канаде, Австралии, Новой Зеландии, Венгрии и в ряде других стран медиаобразование официально интегрировано в школьный образовательный процесс. ЮНЕСКО вместе с ведущими европейскими медиаобразовательными организациями проводит активный мониторинг уровней медиаграмотности населения, издает учебные пособия, проводит конференции. В последние годы под флагом ЮНЕСКО произошло объединение сторонников развития медиаграмотности и информационной грамотности. Активно развивается в мире и научная работа по тематике медиаобразования и информационной грамотности. Существует множество интернет-сайтов по этой тематике.

- Чем, на ваш взгляд, ситуация в России отличается от ситуации в мире?

В России, к сожалению, на практике активно развивается только профессиональное медиаобразование (будущих журналистов, кинематографистов и т.д.) в вузах. В школах ситуация иная. Здесь медиаобразованием занимаются только энтузиасты, в основном на факультативном и кружковом уровнях. Сразу оговорюсь, что кружковой уровень в моем понимании – это и школьная пресса, и школьное ТВ, и интернет-сайты, созданные школьниками. Несколько лет назад было объявлено о том, что в российские школы придет факультативная кинообразовательная программа «100 фильмов». Но на практике она пришла только в те школы, где опять-таки нашлись энтузиасты... Энтузиасты медиаобразования в России, конечно, есть. Как правило, это члены Ассоциации кинообразования и медиапедагогике России (Л.М. Баженова, О.А. Баранов, Е.А. Бондаренко, С.И. Гудилина, Л.А. Иванова, Н.Б. Кириллова, С.Г. Корконосенко, А.П. Короченский, А.А. Левицкая, Е.В. Мурюкина, П.А. Печенкин, В.В. Солдатов, И.В. Челышева, А.В. Шариков, Н.Ф. Хилько, С.Б. Цымбаленко, Е.Н. Ястребцева и многие другие). Есть и города, где медиаобразование подрастающего поколения развивается довольно активно (Белгород, Екатеринбург, Иркутск, Москва, Омск, Пермь, Таганрог, Тверь и др.). Но в целом, полагаю, что без серьезных решений в пользу медиаобразования на министерском уровне практическая ситуация с массовой медиаграмотностью в России будет развиваться и дальше «очаговым» способом. Конечно,

есть коллеги, надеющиеся, что массовое медиаобразование возьмет в свои руки массовая журналистика, но это, по-моему, не более чем иллюзия...

Зато Россия, думается, вполне может соперничать с любой из западных стран по уровню развития научных исследований в области медиаобразования: только за последние двадцать лет медиапедагоги, исследователи медиакультуры защитили десятки диссертаций, опубликовали свыше ста монографий и учебных пособий, сотни научных статей. В России вот уже двадцать лет активно наполняются полезным научно-методическим содержанием медиаобразовательные сайты (www.mediagram.ru, <http://mediaeducation.ucoz.ru/>, www.mediaeducation.ru и др.), успешно проходят конференции и семинары. Медиапедагоги России за последние четверть века активно работали в рамках научно-исследовательских проектов, поддержанных грантовыми программами Федеральных целевых проектов, Министерства образования и науки РФ, РГНФ, РФФИ, Фонда Президента РФ.

- Журнал «Медиаобразование» издается с 2005 года. Какова, на ваш взгляд, роль этой темы сейчас? Насколько она исследована? Оценена ли по достоинству? Достаточно ли к ней внимания?

Журнал «Медиаобразование» вот уже 11 лет объединяет вокруг себя медиапедагогов и исследователей медиакультуры. В этом году он был включен в престижную международную журнальную базу Web of Science (ESCI) и в список журналов, рекомендованных ВАК РФ. Это, на мой взгляд, говорит о востребованности медиаобразовательной тематики в научном мире. И мы надеемся, что новый статус журнала привлечет к нему еще большее внимание ученых, медиапедагогов разных стран.

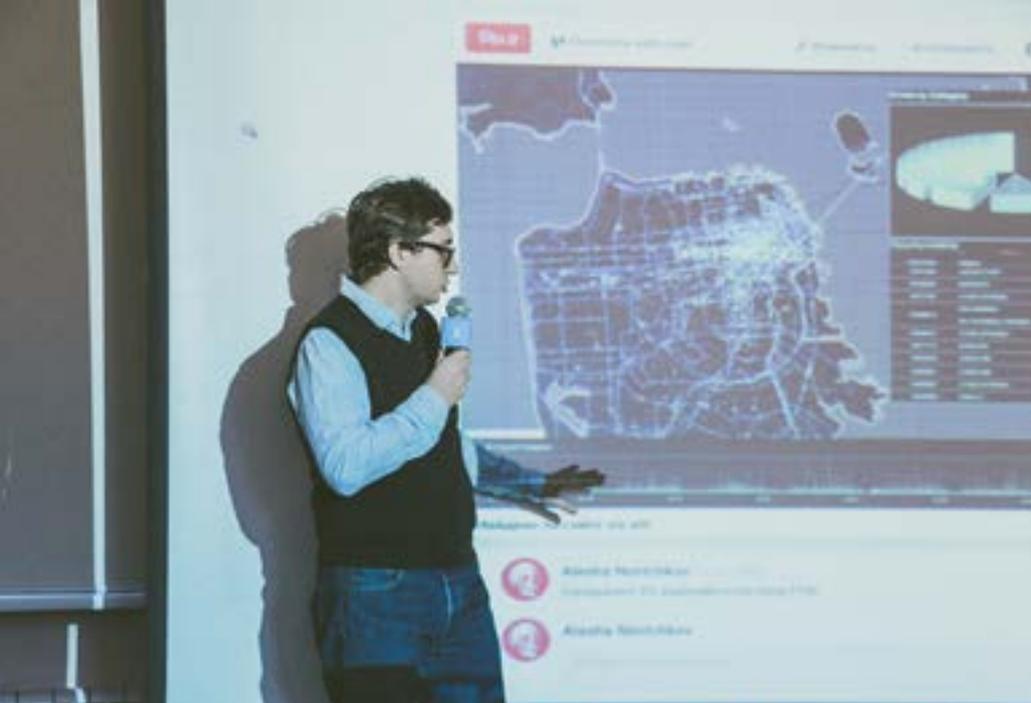
- Какие у вас прогнозы относительно развития медиаобразования в ближайшие годы?

Что касается всего мира, то там, наверно, с каждым годом число стран с обязательным массовым медиаобразованием будет расти.

- Каким, на Ваш взгляд, будет путь России в этом развитии? Идем ли мы по тому же пути, что и весь мир, или есть какие-то характерные особенности?

Прогнозы строить сложно. Но я уверен, что без официальной поддержки со стороны Министерства образования и науки РФ массовое медиаобразование в нашей стране на практике активно развиваться не сможет, хотя позитивное развитие, естественно, всё равно будет. Процесс, как говорится, пошел...

Разумеется, ведущие российские медиапедагоги в курсе мировых трендов в области медиаобразования, но это не отменяет нашей специфики большей ориентации на эстетические и моральные компоненты.

Медиаграмотность и медиаобразование: цифровые медиа для будущего

26-28 НОЯБРЯ 2015 ГОДА ДЕПАРТАМЕНТ МЕДИА ФАКУЛЬТЕТА КОММУНИКАЦИЙ, МЕДИА И ДИЗАЙНА НИУ ВШЭ ПРОВЕЛ ВТОРУЮ МЕЖДУНАРОДНУЮ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКУЮ КОНФЕРЕНЦИЮ «МЕДИАГРАМОТНОСТЬ И МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ: ЦИФРОВЫЕ МЕДИА ДЛЯ БУДУЩЕГО».

Тема конференции находит живой отклик среди ведущих исследователей медиа всего мира. В этот раз важность конференции была подчеркнута вступительными речами директора департамента государственной политики в области средств массовой информации Министерства связи и массовых коммуникаций РФ Екатерины Лариной и заместителя руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям Владимира Григорьева. Научную и социальную важность тематики также осветили руководитель департамента медиа факультета коммуникаций, медиа и дизайна НИУ ВШЭ, профессор Илья Кирия и председатель программного комитета конференции, профессор департамента медиа Анна Качкаева.

В спектр тем, представленных на конференции докладами в рамках пленарных заседаний, попали такие важные вопросы, как образование и медиаграмотность в России, исследованная на аудитории студентов-журналистов (Авторы: Анна Качкаева,

Светлана Шомова и Анна Колчина, профессора НИУ ВШЭ), новостная грамотность в школах и университетах США (Автор: Джонатан Сандерс (Jonathan Sanders), профессор Университета Стони Брук, США). Про «цифровой тайм-аут» в качестве инструмента повышения медиаграмотности рассказала Чаро Садаба (Charo Sadaba), профессор Университета Наварры, Испания. Анализ эффективности массовых открытых онлайн-курсов (МООС) по обучению медиаграмотности представил профессор Центра изучения медиа Университета Гонконга Масато Кайимото (Masato Kajimoto).

Были представлены также доклады, касающиеся уровня медиаграмотности в Польше (Агнешка Фиипиак, Элиза Каниа, Университет имени Адама Мицкевича), Беларуси (Сергей Вендиктов, Могилевский институт Министерства внутренних дел, Александр Градюшко, Белорусский государственный университет) и Молдове (Ирина Душакова, Центр этнологии, Институт культурного наследия). Российские города также были представлены достаточно широко: на конференции прозвучали доклады исследователей из Санкт-Петербурга, Челябинска, Череповца, Тюмени, Таганрога, Твери, Казани.

Еще один блок конференции касался цифровых медиа в качестве инструментов медиаобразования. О медиа-информационной грамотности как ключевой компетенции современного специалиста рассказала зав. кафедрой журналистики и медиаобразования МПГУ Ирина Жилавская. Опыт теории и практики медиаклуба для студентов — будущих педагогов осветила профессор Таганрогского института имени А.П. Чехова Елена Мурюкина.

Доклад о конгруэнтности медиаобразования современным медиапроцессам представили исследователи из Казанского федерального университета Дмитрий Туманов и Лилия Егорова.

Важной темой конференции стала также медиакритика: результаты международного экспертного опроса, посвященного медиакритике и медиаграмотности, представили исследователи из Таганрога Александр Федоров (Таганрогский институт имени А.П. Чехова) и Анастасия Левицкая (Таганрогский институт управления и экономики).

Аспект Big&Open Data и его роли в медиаобразовании затронула профессор НИУ ВШЭ Марина Шилина.

Отдельный блок конференции был посвящен связи искусства и медиаобразования. В этой секции с докладами выступили Дарья Березуцкая (НИУ ВШЭ), которая рассказала про использование киноискусства в медиаобразовательной работе, Полина Милушкова (НИУ ВШЭ), исследующая взаимодействие медиа и современного российского театра. Про театр как место встречи художника и ученого также рассказала Анна Паукова (НИУ ВШЭ). Театра касался и доклад Марии Крупник, которая анализировала медиа и игровые среды в современном театре. Доклад об особенностях трансмедийных арт-проектов на опыте Болгарии представила Татьяна Сергеева из Казанского федерального университета. Еще одну важную тему затронула Оксана Мороз (РГГУ), представившая доклад «Медиа как моральный свидетель: российский опыт самоопределения (не)признаваемого сообщества».

С широким спектром тем и докладов конференции можно ознакомиться в видеозаписях на официальном сайте мероприятия: <https://cmd.hse.ru/mediacnf>.

В нашем журнале будут опубликованы некоторые из представленных докладов, переработанные их авторами в научные статьи. Наш журнал рад представить читателям в этом номере статьи зарубежных коллег, посетивших конференцию: Джонатана Сандерса, Масато Кайимото и Чаро Садаба. Кроме того, в журнале «Коммуникации. Медиа. Дизайн» читатель также сможет ознакомиться с материалом Анны Качкаевой, Светланы Шомовой и Анны Колчиной, статьями Ирины Жилавской, Марины Шилиной, Егора Туманова и Лилии Егоровой. Теме медиаграмотности также посвящено интервью с главным редактором

Media Literacy and Media Education: Digital Media for Future

(26-28 NOVEMBER 2015)

Media Education and Media Literacy play a central role in the life of a modern society, where Media is understood to be a public good and an institution for the development of citizens. The Russian Ministry of Communications included Media Education in its list of priorities for developing the media space. Media Literacy should be part of the media ecosystem and education, and News Literacy (a new concept for Russia and in education) should help to develop the audience's critical thinking and critical autonomy.

The field of Media Literacy is at a crossroads of many academic disciplines and it has multidisciplinary characteristics. The conference in Moscow will bring together scholars and teachers, engaged in research in different areas of Media and Education, and also media professionals (who work with educational content), to discuss new trends in Media Literacy.

The main aim of the Conference is to continue cooperation between researchers in different universities around the world, studying the problems of Media Ecology, Media Literacy, Media Education and Media Culture.

Please, find more information, including all the videos from the conference, at its official website: <https://cmd.hse.ru/en/mediacnf/>

Александр Варин - живой мотор радиоиндустрии

ОН НИКОГДА НЕ СПЕШИЛ, ВЕЧНО ОПАЗДЫВАЛ НА УТРЕННИЕ ЛЕКЦИИ К СВОИМ СТУДЕНТАМ И В ИТОГЕ ПРИШЁЛ НА РАДИО КАК РАЗ ВОВРЕМЯ

СЕРГЕЙ КОРЗУН

Известный российский журналист и медиаменеджер. Основатель и первый главный редактор радиостанции «Эхо Москвы». Обладатель правительственных наград. Москва, Российская Федерация.

Когда в начале 90-х его бывшие сокурсники по МАИ дружными рядами уезжали за границу или уходили в предпринимательство, он продолжал преподавать математику. Иначе, зачем было это всё: золотая медаль в школе, красный диплом в МАИ и кандидатская диссертация? А в 93-м из-за безденежья и нежелания уезжать из страны пошёл в рекламный бизнес и вскоре оказался на «Авторadio». Как выяснилось впоследствии, надолго и всерьёз. До такой степени всерьёз, что в новой для себя и для страны индустрии стал первым не по времени прихода, а по значимости. Его первая радиостанция и сейчас первая по рейтингу в Москве среди более чем полусотни вещателей. И при создании Российской академии радио в 2007-м он был пламенным мотором. И без вариантов стал первым президентом главной ассоциации в отрасли.

Вскоре после избрания он обозначил в программе «Без дураков» на радио

«Эхо Москвы», какими вопросами намерена заниматься Академия: «Такими, как актуальные на данный момент вопросы авторских и смежных прав, которые актуализируются в связи с вводом части гражданского кодекса. Вопросами радио измерений. Вопросами образования в радио и медиа вообще, потому что у нас опыт – «сын ошибок трудных» – это единственный на данный момент способ обучения профессии.

Другого фактически нет. И это плохо, когда индустрия есть, а образования, которое давало бы кадры для этой индустрии, нет».

Ситуация мало изменилась за последние годы. По-прежнему в программах

ведущих российских журфаков практической работе студентов в медийных проектах отдаётся преступно мало места, не более четверти от всего времени обучения. Поэтому каждая радиостанция, любой медиахолдинг работает как «сам себе университет», а журналистика постигается на «летучках», во время «разборов полётов» и, в лучшем случае, кодифицируется в стайл-буках некоторых СМИ. До сегодняшнего дня в стране не создано ни одного образовательного стандарта «прикладного бакалавриата» в области журналистики, и этот разрыв между образованием и практикой реальных СМИ предстоит преодолеть в ближайшие годы. Причём, четырехлетнюю программу обучения надо строить уже не по сегодняшним реалиям, а по прогнозам на 2020 год, когда будущим абитуриентам наступит время пополнять медиаиндустрию. И в ВШЭ есть все возможности реально преодолеть этот разрыв, привлекая для обучения создателей прорывных проектов сегодняшней медиаиндустрии.

Российское радио, как ни удивительно, не отстает от мировых тенденций ни по технологиям, ни по креативу. Этому мнению придерживался и Александр Варин: «Радио в России – лучшее радио в мире. Я очень много участвую в различных форумах, конференциях, которые посвящены радиобизнесу и проходят в Европе и в США. Ра-

дио в России – самое креативное, самое яркое, самое масштабное, самое творческое. Везде на Западе и в США – это достаточно скучное и предсказуемое мероприятие. Хотя по поводу того, как общество относится к радио, могу привести один пример. Я был на одной радиостанции в Вашингтоне. На рок-радиостанции. Студия утреннего шоу этой радиостанции украшена, простите, женскими трусами... Но эта радиостанция очень популярна в Вашингтоне. И газета «Вашингтон пост» каждую неделю публикует колонку, в которой критик разбирает эфиры вот этого утреннего ди-джея на этой радиостанции. Почему? Потому что он влияет на умы тех, кто живет в Вашингтоне. Вот показатель, да».

И по сей день «радиокритика» отсутствует в России как явление, хотя телекритика культивируется весьма активно. Конечно, индустрия радио сравнительно «беднее» индустрии кино и ТВ, но накал общественной дискуссии на радио ничуть не уступает телевизионным дебатам и не в пример более разнообразен. Думается, внимание студентов Вышки к контенту эфирных разговорных радиостанций было бы весьма оправданно и своевременно, а их курсовые работы могли бы стать прообразом собственно «радиокритики» в России.

Лично мне довелось поработать с Александром Вариным в первой половине 2000-х, когда «Проф-Медиа» предложил мне возглавить редакцию «Новости online 88,7», приняв мой высокотехнологичный проект «фаст-радио». Варин – руководитель радиохолдинга ВКПМ – сильно помогал мне тогда и не вмешивался лично в вопросы концепции и программирования, разумно считая, что идее надо дать взрасти и укрепиться. Тогда проект «не пошёл» и был закрыт через 6 месяцев руководством «Интеррос» по финансовым соображениям. А спустя 5 лет, в день первого выхода в эфир радио «Бизнес-ФМ», Варин позвонил мне лично с поздравлениями, поскольку понял слушая этот первый эфир, каким могло стать то «фаст-радио», которое мы задумывали в ВКПМ.

Он был фанатом радио и каждое утро прослушивал эфир и своих радиостанций, и конкурентов по радиовещанию. «Радиорынок не дает нам спать спокойно. Там чуть ли не каждый месяц появляется новая радиостанция. И я обязан слушать эфиры для того, чтобы составить представление о них, составить какой-то план действий, если это угроза конкурентная и т. д. Ну, и естественно наши радиостанции, наши проекты, которые сейчас находятся в эфире, они обязаны быть мною прослушаны».

ЭДУАРД САГАЛАЕВ, президент НАТ:

«Александр Варин – это большой человек в прямом и в переносном смысле слова. Он большой, немножко даже похож на Гаргантюа. Он невероятно добрый и теплый человек с богатой фантазией. Потому что он руководит сразу несколькими потрясающими радиостанциями. Такими как «Автордио», например, или «Юмор ФМ». И это сказывается на нем. Потому что он умеет рулить, и умеет шутить и смеяться. И человек, с которым легко, приятно, тепло, комфортно. И с которым всегда можно найти общий язык».

Александр Варин ушёл мгновенно, не прощаясь. Инфаркт в 44 года оборвал его жизнь в декабре 2009. Множество звёзд на прощании – он знал практически всех как организатор роскошных и громких музыкальных фестивалей. Море людей и цветов. Он был лицом радиоиндустрии. Его дело живёт и, по прогнозам аналитиков рынка, будет жить долго. По крайней мере, пока человечество передвигается в пространстве за рулём собственных автомобилей.

In memory of media manager Alexander Varin

ABSTRACT: For the historical section of the second issue of the academic Journal “Communications. Media. Design” the editorial staff have chosen one of the figures of Russian radio industry, media manager Alexander Varin, who was referred to as “engine of radio industry” by his own colleagues. Varin was born in 1965 and died in 2009, and this tragedy was referred to as a crisis point for the industry by all major media experts. Being one of the core figures in Russian radio business, Varin worked as a President of “Prof-Media Broadcasting Corporation”, he was also a founder of Russian Academy of Radio Industry. His impact on research of radio audience was great and invaluable. In this section there is material about Alexander Varin from his colleagues Sergey Korzun and Olga Ermolaeva with memories about character and working style of Varin. There are also several quotes from the media experts about the death of Varin and his last big interview for the Russian Academy of radio.

Наследие Александра Варина

ЕРМОЛАЕВА О.Я.

Директор НП «Медиакомитет»,
Сопредседатель общественно-
го совета социологов ТВ при На-
циональной Ассоциации Телеради-
овещателей (НАТ), Член правления
Совета Ассоциаций Медийной Ин-
дустрии (САМИ), кандидат психоло-
гических наук

С Александром Александровичем Вариным я познакомилась достаточно давно. Ведь он активно принимал участие практически во всех отраслевых мероприятиях, часто был их инициатором. Обладая аналитическим складом ума, широким кругозором, большим практическим опытом и, как говорят, активной жизненной позицией, Александр Александрович удивительно умел не только определить ключевые моменты развития радиовещания в России, но и убедить своих коллег в правоте своих взглядов и консолидировать отрасль в решении актуальных проблем. Представить спектр его интересов можно, если посмотреть тематику мероприятий, в которых он активно принимал участие. Так, еще в декабре 2006 г. на Межрегиональной Конференции «Федеральное и региональное радиовещание в России: сохранение и развитие единого информационного пространства» он впервые поднял вопрос о проблемах взаимодействия сетевых и локальных вещателей в своем докладе «Сетевые радиостанции и местные вещатели – сотрудничество и конкуренция». Большое значение он предавал вопросам новых технологий вещания в связи с предстоящим переходом радио на цифровой формат вещания, выступая на круглых столах, которые проводила радиостанция «Маяк» при поддержке Роспечати, в частности, в круглом столе «Цифровое радиовещание в России. Выработка подходов формированию социального пакета. Проблема последней мили» в июне 2007 г.. Александр Александрович большое внимание уделял вопросам измерения радиоаудитории. Именно по его инициативе, которую поддержали Гильдия Радио Медиа Союза, Радио «Маяк», Радио «Россия», Радио «Голос России», «Европа Плюс», «Авторадио» и Роспечать НП «Медиа Комитет» начал работу по созданию «Рекомендаций по единым требованиям и стандартам на системы измерения радиоаудитории» в 2005 году. В декабре 2006 г. радиодной отрасли был представлен «Единый словарь терминов, определений, показателей и параметров радио аудитории, используемых при измерении радио аудитории». При его создании были учтены рекомендации и материалы отраслевых радиодных мероприятий, а также руководителей и сотрудников радиостанций среди которых был сам А. Варин и его коллеги.

В рамках этого проекта состоялись круглые столы, в которых Александр Александрович принимал самое активное участие: «Практика внедрения рекомендаций по обработке и предоставлению данных по результатам измерения радиоаудитории» (сентябрь 2007); «Медиаметрия в России и Европе: продолжение диалога - сколько стоит слушатель» (25 сентября 2007); «Проблемы гармонизации исследований и измерения мультимедийной аудитории: Интернет-радио и Интернет-телевидение» (23 октября 2007); «Практика внедрения рекомендаций по обработке и предоставлению данных по результатам измерения радиоаудитории».

И в 2009 году Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям инициировало подготовку и выпуск отраслевых докладов по радио, телевидению и Интернету. Первый отраслевой отчет Роспечати «Радиовещание в России в 2009г.: состояние, тенденции и перспективы развития» был выпущен в 2010 году. И первой компанией, которая откликнулась на инициативу по созданию отраслевого отчета по радио была компания «ПрофМедиа», которую тогда возглавлял Варин. Он всегда очень активно откликался на инициативы и всегда больше, чем кто-либо, думал не

только про успехи и развитие своего холдинга, но и про состояние радиоотрасли в целом. И первый отраслевой отчет, организованный Роспечатью, был создан как раз подразделением «ПрофМедиа» при полной поддержке А. Варина.

7 декабря 2007 представители отечественной радиовещательной индустрии приняли стратегическое решение о создании отраслевого института – Российской Академии Радио (РАР). Идея создания РАР принадлежала первому Президенту ВКПМ Александру Варину и Президенту Национальной ассоциации телерадиовещателей (НАТ) Эдуарду Сагалаеву.

Все будущие академики прекрасно понимали, что задачи, которые стоят перед отраслью, должны решаться консолидированно с учетом мнения всех основных игроков радио рынка. Именно Варин стал фактически ее создателем и первым президентом Российской академии радио (РАР). Эта Академия успешно существует до сих пор, в 2017 году будет отмечать свой 10-летний юбилей. Теперь можно с уверенностью сказать, что РАР - это реально действующий инструмент формирования консолидированной позиции по вопросам, затрагивающим всех участников индустрии. Практика показала эффективность РАР в деле развития конструктивных, цивилизованных взаимоотношений между вещателями, которые, оставаясь соперниками в борьбе за долю рынка и аудиторию, консолидировано решают вопросы авторских и смежных прав в радиовещании, совместно участвуют в диалоге с органами, регулирующими деятельность СМИ. РАР все более активно вовлекается в процесс разработки решений, затрагивающих интересы индустрии и, в конечном итоге, потребителей – слушателей радио, способствуя формированию прозрачных, логичных и универсальных правил игры на рынке радиовещания.

Академия решает основные проблемы, которые стоят перед отраслью в целом. Это и вопросы измерения, и вопросы правового регулирования, вопросы авторского права. Их инициативы способствовали принятию некоторых документов, регулирующих отрасль.

Александр Александрович Варин очень широко и глубоко понимал проблемы всей отрасли — вот что, наверное, было главным было в его работе. Можно ли назвать Александра Варина мотором радио-индустрии? Безусловно да., Он был чрезвычайно активен и в жизни, и в радио отрасли и, главное, умел объяснять, доказывать, убеждать и отстаивать свои взгляды и убеждения. Он держал свою отрасль в хорошем рабочем тоне.

Смерть Александра Варина приведет к смене системы управления «Проф-медиа»

(ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ В ГАЗЕТЕ «ВЕДОМОСТИ» ОТ 3 ДЕКАБРЯ 2009 ГОДА, СРАЗУ ПОСЛЕ ИЗВЕСТИЙ О СМЕРТИ А.ВАРИНА)

ВИНОГРАДОВА Е.
Редактор рубрики «Конкуренция/
Маркетинг», газета «Ведомости»

Вчера утром на 45-м году жизни скоропостижно скончался один из самых известных медиаменеджеров России – президент «Вещательной корпорации «Проф-медиа» (ВКПМ) Александр Варин, сообщила ВКПМ. Причина смерти – инфаркт.

«Варина заменить невозможно, – подчеркивает президент холдинга «Проф-медиа» Рафаэль Акопов, – сама система управления должна быть изменена, чтобы сохранить заданную им динамику». Бизнес ВКПМ демонстрировал неплохие показатели даже в тяжелый 2009 год, добавляет он: «Мы вернемся к вопросам, касающимся управления, после того как с достоинством проводим Александра в последний путь». Все в компании в шоке от произошедшего, поэтому организационные вопросы, связанные с дальнейшей работой корпорации, еще не обсуждаются, сообщил представитель «Проф-медиа». Известно лишь, что, скорее всего, исполняющим обязанности президента ВКПМ будет назначен ее коммерческий директор Олег Осташевский.

Варин в медиабизнесе с 1993 г., в 1996-м он стал президентом «Авторadio» и занимался развитием радиийного бизнеса, а в 2003 г. стал президентом ВКПМ. ВКПМ – третий по размеру аудитории радиохолдинг России после «Европейской медиагруппы» и «Русской медиагруппы», ему принадлежат станции «Авторadio», «Radio Energy», «Юмор FM», «Radio Алла», на которые, по данным Radio Index, в первом полугодии 2009 г. приходилось 9% радиоаудитории страны.

«Александр внес в радио математическую точность и педантичность, все его проекты доводились до совершенства. Я знаю, что у него были большие планы и грандиозные проекты, которые он, к сожалению, не успел реализовать», – говорит гендиректор «Русской медиагруппы» (РМГ) Сергей Кожевников. ВКПМ и РМГ недавно объявили об объединении коммерческих служб в единый сейлз-хаус.

Людей, сопоставимых по значению с Вариним, на радиорынке меньше, чем пальцев на руке, говорит гендиректор телеканала «Россия» Антон Златопольский. «Это был не просто яркий и заметный менеджер медиаотрасли. Александр Варин был тем человеком, благодаря которому радиорынок ощущал себя как единое сообщество», – говорится в сообщении концерна «Радио-центр». В ноябре 2006 г. Александр Варин был избран вице-президентом Национальной ассоциации телерадиовещателей, а с декабря 2007 г. занимал должность президента Российской академии радио.

Последнее большое интервью президента ВКПМ

НА ВОПРОСЫ ЮРИЯ ГРИГОРЬЕВА ОТВЕЧАЕТ АЛЕКСАНДР ВАРИН

Григорьев: — Александр Александрович Варин сегодня у нас в гостях. Президент «Вещательной корпорации «Проф-Медиа», кандидат физико-математических наук. Здравствуйте, Александр Александрович!

Варин: — Здравствуйте!

Григорьев: — Меня интересует одна вещь: как мог кандидат физико-математических наук... причем, если мне не изменяет память, вы и школу закончили с золотой медалью?..

Варин: — Да. А институт – с красным дипломом. А во время учебы в институте был ленинским стипендиатом...

Григорьев: — Да что вы говорите!

Варин: — Да. А чтобы быть ленинским стипендиатом, надо вообще не иметь «троек» и три сессии подряд сдать без «четверок». И тогда ты получал сто рублей стипендии. Плюс еще пятьдесят рублей за студенческую научно-исследовательскую работу. Словом, я пил пиво, как король, на сто пятьдесят рублей в месяц.

Григорьев: — Сумасшедшие деньги! Инженер в ту пору восемьдесят получал.

Варин: — Совершенно верно.

Григорьев: — Теперь я кое-что начинаю понимать. Вы жили недалеко от института, получали такую стипендию, и, естественно, все собирались в гости к вам. Но об этом чуть позже. А пока расскажите о вашей семье, я о ней почти ничего не знаю: кто ваши папа, мама, бабушка?

Варин: — Я из семьи ученых. Мои родители познакомились на физическом факультете Московского государственного университета. Они учились там в 50-60-е годы, в эпоху тотальной победы физиков над лириками. Фильм «9 дней одного года» абсолютно точно отражает романтику тех времени. Мои родители – это просто персонажи того фильма, в самых лучших своих проявлениях.

Изначально я настраивался на естественнонаучную карьеру. А поскольку мне больше нравилась математика, чем физика, по такому пути я и пошел, в итоге чего и была диссертация, о которой вы говорили. В наше время всякие научные звания на многих производят гнетущее впечатление, потому что многое можно купить. Но то, о чем мы говорим, – этого купить нельзя. В подземном переходе нельзя купить диссертацию на тему «Качественные свойства решений полулинейных уравнений эллиптического и параболического типов». Она там просто не продается.

Григорьев: — Для меня это темный лес! (смеется)

Варин (смеется): – Хотел сказать, что для меня тоже, но это не совсем так. В Московском авиационном институте, абсолютно замечательном и лучшем вузе на свете, я учился на вновь образованном факультете «Прикладная математика», и он был достаточно обособленным от всего остального вуза, потому что авиацией как таковой или космонавтикой мы не занимались. Мы занимались чистой наукой, прикладной наукой, не были инженерами, а были математиками, программистами и так далее. Это оттуда пошло знаменитое высказывание, которое принадлежит Михаилу Задорнову, моему однокашнику: «Закончив Московский авиационный институт, я так и не понял, почему самолеты летают, а крыльями не машут»

Григорьев: — А, он же «маист»!

Варин: — «Маист» это неправильно. «Маёвец»!

Григорьев: — Ах, да «маёвец», из МАИ... Кстати, Леон Измайлов, ведь, оттуда же?

Варин: — Он тоже «маёвец»: «измаёвец», Измайлов. Его псевдоним – из МАИ. У нашего института много выпускников знаменитых: Майя Кристалинская, Элем Климов... Многие известные люди, которые сейчас решают важные вопросы жизни страны, закончили МАИ. Это школа становления личности в самом широком смысле этого слова, а не просто место обучения какого-то специалиста.

Возвращаясь к теме семьи, к корням. Родился я в семье ученых, но огромную роль в моем воспитании сыграл дед, отец моей мамы, Марк Стефанович Житло. Он был художник, ученик Кончаловского, ровесник века, и вместе с бурным двадцатым веком пережил все его перипетии – и революцию, и страшный голод на Украине, откуда он родом. Его приемный отец был репрессирован. В 41-м мой дед пошел добровольцем на фронт. В октябре, в самое критическое время, был ранен под Наро-Фоминском разрывной пулей, которая потом не давала ему покоя до конца жизни: осколок был обнаружен, когда деду было уже за 80. Рана на его бедре была такая, будто тигр вырвал когтями кусок мяса, это след от выхода разрывной пули. Когда эта рана начала костенеть, он, наконец-то, пошел к врачу, там сделали рентген и обнаружили множество мелких осколков, с которыми он прожил около 50-ти лет.

Григорьев: — А он был профессиональный художник?

Варин: — Он был художником-самоучкой изначально. Бог ему дал талант писать маслом – не знаю, как такое возможно. Он и меня пытался учить этому, но я понял, что я в принципе это не могу. Живопись маслом, когда ты должен сложить картину из отдельных мазков, точнейшим образом подбирать цвета и так далее. Это же не графика, не рисунок, когда ты держишь в голове всю картину и идешь по линии точным путем к конечной цели. Это вообще совершенно другое восприятие мира, цвета, изображения. Откуда у него это взялось – никто не знает, но это так. И вот, когда он под Малоярославцем, в селе Шемякино, писал пейзаж на реке Лужа, там очень живописные места, в Калужской области, это было еще до войны, в 30-х годах, кто-то его похлопал по плечу. Дед оглянулся: стоит человек в соломенной шляпе, в парусиновых брюках. «Здравствуйте, я художник Кончаловский». Оказывается, у Кончаловских неподалеку была дача. На этой даче своего знаменитого предка впоследствии часто бывал Никита Михалков, и мы однажды подарили ему портрет Петра Кончаловского

кисти моего деда, его ученика. У нас в семье хранится рекомендация Кончаловского: «Прошу принять Житло Марка Стефановича во ВХУТЕМАС как исключительно одаренного художника из народа».

Он пошел учиться, учебу оборвала война, так он диплома и не получил, но при этом всю жизнь работал художником. Надо было зарабатывать кусок хлеба для семьи – появилась дочь, потом внук, молодые мои мама и папа учились. Он был фактически нашим кормильцем. Кормил он всех тем, что работал в художественной мастерской при ЦК КПСС, где изготавливались портреты, которые сейчас можно увидеть в кадрах кинохроники – идут демонстрации, а на домах портреты...

Григорьев: — То есть он эти портреты рисовал?

Варин: — Да. Могу рассказать, это очень интересно. Мало кто знает, по какой технологии это изготавливалось. Во-первых, каждый портрет был, что называется «залитован», утвержден, рисовался по канонам, как икона. Брежнева, Суслова или Громыко и других деятелей можно было изображать только так и никак иначе... И чтобы это было только так и никак иначе, изготавливались специальные трафареты, которые состояли из нескольких десятков или, может, даже сотен слоев. Каждый слой прокрашивался ватным тампоном определенной краской, в итоге постепенно появлялся облик человека. Я наблюдал за этим процессом, он даже какой-то мистический характер имел: из неживых абсолютно вещей – тампона, картонного трафарета – возникал человек. Хорошо помню, что последним штрихом к портрету Брежнева было нанесение на пиджак Леонида Ильича его пяти звездочек знаменитых. Это был последний проход последнего трафарета. После чего дед говорил: «Ну, всё, дело сделано!»

А когда я родился, семья жила в коммунальной квартире, в Коптельском переулке, это в районе института Склифосовского. Жили так бедно, что не было денег даже на какую-нибудь коляску-люльку для младенца, так что первые месяцы своей жизни я провел в чемодане. То есть познавал мир, глядя из чемодана. Мама рассказывала мне историю из своего детства, которое прошло в той же квартире. Конец 40-х – начало 50-х годов. В коммуналке, понятное дело, какие-то склоки, дразги, и кто-то, видимо, донес «куда следует». Наверное, комнату хотели эту несчастную отобрать. И вот, стал приходить к нам офицер из НКВД, смотреть, чем мой дед занимается. А работал он в ту пору не только в мастерской, но и дома. И каждый раз, когда приходил офицер, мой дед писал портрет Сталина. Причем это было не специально, просто дед все время этим занимался. Офицер один раз пришел, второй раз, третий... Видит: всё время человек рисует Сталина. Это, вероятно, его успокоило, и ходить к нам он перестал, решив, наверное, что более благонадежную семью трудно себе представить.

Григорьев: — Я хочу напомнить нашим радиослушателям, что мой сегодняшний гость Александр Александрович Варин, президент Вещательной корпорации «Проф-Медиа», кандидат технических наук. Я буду потихонечку сообщать и другие ваши регалии. Вице-президент Национальной ассоциации теле-радиовещателей, НАТ. И ещё вы, оказывается, с 2007 года президент Российской академии радио – РАР.

Вы знаете, говорят, что жить нужно так, чтобы депрессия была у других. Я почему об этом вспомнил, когда сегодня утром эту фразу случайно прочитал? Как удивительно сложилась жизнь у человека, родившегося в чемодане, закончившего школу с золотой медалью, а МАИ с красным дипломом! Но главное, как говорят, человек богат друзьями. В МАИ у вас образовалось множество друзей, которые с вами проводили дни рождения, праздники – у вас дома. Как здорово, когда о вас говорят так: «мы собирались под Новый год у Саши Варина, потому что у него была квартира рядом с МАИ, там всегда было много народу». И про одну маленькую деталь мне тоже сказали, я не знал, что это такое, но вы сейчас это осветите: что такое комель?

Варин: — Вы затронули тему лучших лет в жизни каждого человека. И моей, и моих друзей, безусловно. Это студенческие годы, проведенные в Московском авиационном институте. Это время первой любви, это время настоящей дружбы, это время просто такого «пожирания» мира, когда ты его пьешь крупными глотками. Когда все краски яркие, когда все девушки прекрасные, когда все друзья тебе преданы и только твои. Это невероятное время. И мы его провели, как мне кажется, очень насыщено, благодаря институту, благодаря той компании, которая у нас была. Мы все учились в одной группе, а познакомились ещё до поступления, потому что поступили мы, как это называлось, «по эксперименту», то есть не все экзамены сдавали. Нас тут же запрягли в какую-то работу, какие-то скамейки таскали или книжки, я не помню.

А дальше мы занимались художественной самодеятельностью, у нас была факультетская агитбригада, мы ездили в стройотряды. В течение десяти лет мы ездили в Харабалинский район Астраханской области. Это был замечательный, в те годы, наверное, лучший студенческий отряд, в который люди ездили не только и не столько, чтобы заработать денег, а чтобы провести время, насладиться и культурной программой и общением друг с другом. И огромное количество семей вышло оттуда, огромное количество появилось детей этого стройотряда и, наверное, уже скоро появятся его внуки. Это было действительно прекрасное время.

А возвращаясь к комелю, о котором вы говорили, история это такая. В студенческих стройотрядах было принято справлять студенческий Новый год, как положено, в ночь с 31-го на 1-е. Только не с декабря на январь, а с июля на август. Это был веселый студенческий праздник, с капустниками и так далее, но в тот момент, о котором мы говорим, нам почудилось, что нам совершенно необходима елка, для того, чтобы правильным образом встретить Новый год.

Поскольку это Астраханская область, то елка там – категорическая редкость, они там не растут практически. Но недалеко был заповедник, заказник, где даже не елки, а сосны, в общем, какие-то хвойные деревья росли и строжайшим образом охранялись. Но, тем не менее, мы снарядили экспедицию ночью, и эта экспедиция, вооружившись фонарями, топорами, в спецодежде, ушла в поход, и принесла эту елку. Случилось это накануне празднования нашего Нового года, и нам не хотелось, что называется, заранее эту елку светить, чтобы бойцы, публика, для которой мы готовили этот сюрприз, раньше времени не узнали. Поэтому нам надо было её спрятать. А прятать в голой степи негде, кроме как в домике, в котором мы живем. А поскольку после этого похода, от радости, что эта елка у нас, мы понято что сделали... В маёвском гимне есть такие слова «ты помнишь, как водку из банок хлебали, из-под баклажанной икры?» Так вот, немного хлебнув на радостях, мы стали затаскивать эту елку в комнату, ночью всё это происходит, весь отряд спит. И, в общем, она очень долго не проходила. Елка же проходит в дверь и растопыривается и ветками своими сама себя не пускает, но понимание этого у наступило не сразу.

Как математику, мне пришло озарение, и я произнес эту фразу... я даже не знаю, откуда я вспомнил, как это называется, но я заорал: «Комелем, тащи комелем!». Комель – это часть ствола дерева между ветками и корнем, часть ствола без веток внизу. Идея была в том, чтобы тащить не так, как она растопыривается, а развернуть её и толкать толстой частью вперед, и тогда ветки будут не растопыриваться, а наоборот, складываться. Это сработало, елку мы спрятали, Новый год получился. Всё прошло хорошо, но эти яркие воспоминания остались у многих на всю жизнь, и эта фраза, «Комелем!» теперь означает некое озарение, правильный путь, верное решение.

Григорьев: — Закончив МАИ, вы почему-то остаетесь там – именно из-за кандидатской?

Варин: — Да, это была такая карьера, совершенно нормальная, понятная. Вектор, который имеет одно направление: окончание института – и тебя оставляют на кафедре, и так это и было. Это считалось престижным распределением. Меня оставили на кафедре, и в тот же год, когда я закончил институт, это было в 88-м, я поступил в аспирантуру МАИ. И, закончив её, защитил собственно диссертацию.

Григорьев: — А во время работы над диссертацией продолжались эти стройотряды?

Варин: — Да, они, безусловно, продолжались для меня, но уже в качестве такого руководителя, эксперта, «вождя и ветерана движения».

Григорьев: — Вот это я и хотел добавить: говорят, «когда Варин стал лидером стройотрядов, мы стали занимать призовые места». Призовые места не за строительство, а за самодеятельность. Вы с Белобородовым сочиняли сценки, интермедии и их же разыгрывали. Это правда?

Варин: — Да, это правда. Сейчас Александр Васильевич Белобородов является у нас заместителем финансового директора, но нас связывают почти 30 лет дружбы. И в студенческие годы мы, действительно, увлекались разными видами творчества, в том числе скетчами, в том числе сочиняли стихи – и мелкими и крупными формами, на любой вкус.

Григорьев: — Я, вот, знаю, что была какая-то компания барабанщиков из пяти человек – это что, была какая-то отдельная группа, кто там был с вами?

Варин: — У вас хорошие информаторы, Юрий!

Григорьев: — Должен сказать, что я так давно готовился к этой встрече, я столько пытался «наковырять» чего-то такого, о чем можно у вас спрашивать! Но, когда я услышал «компания барабанщиков», я никак не мог понять, вы там были тоже барабанщиком или это была какая-то группа?

Варин: — Нет, «барабанщиками» нас прозвали девочки в группе, потому что на первое 23 февраля в институте они нам подарили игрушечных барабанщиков и решили, что мы барабанщики и есть. С тех пор они нас так и называют. Я не могу сказать, что это какое-то обидное слово, это такое девичье обозначение нашей мужской компании.

Григорьев: — Все студенты, когда приходили к вам, знали, что их ждет вечер видеопросмотров. Конец 80-х славен тем, что стали появляться видеомагнитофоны, и, говорят, один из первых видеомагнитофонов появился у вас или у вашего дедушки?

Варин: — Это удивительные зигзаги советской реальности. Мой дед, поскольку он инвалид войны, я уже говорил об этом, имел право на льготы определенные. Он имел право без очереди купить, к примеру, холодильник или машину, или тот самый первый советский видеомагнитофон «ВМ-12». Который он и купил.

Григорьев: — Вы до сих пор помните название?!

Варин: — Да, прекрасно помню, прекрасное название, «Электроника ВМ-12». Я даже звук помню, с которым вот в нем кассетоприемник работал... А «декодер», такое слово помните? Потому что все кассеты, которые мы пиратским образом получали, покупали, которыми обменивались – они все были записаны в «ПАЛе», а у нас в Советском Союзе система кодирования была «СЕКАМ» – совершенно другая, и для того, чтобы смотреть в цвете эти фильмы, нужно было установить декодер специальный. Целая мафия была, которая их устанавливала. Это было прекрасное тоже время, и этот видеомагнитофон... Это вообще была целая индустрия, какими-то странными каналами добывались записи. Представляете, мы делали дискотеки в этих стройотрядах, и никаких записей артистов и тех исполнителей, которых любила вся молодежь – их же легально нельзя было достать. Вся студенческая жизнь строилась на сплошном «криминале». Я прекрасно помню: в Сокольниках была такая подпольная студия,

куда мы ездили, потому что занимались дискотеками, для того, чтобы получить все эти записи. Запись стоила 4 рубля – две стороны, причем одна сторона кассеты – это 45 минут, а альбом занимал примерно 40 минут. И вот, чтобы не терять эти оставшиеся 5 минут, был такой бонус от этих подпольных студий, когда тебе на последние пять минут «добивали» («добивка» это называлось) запись какого-то альбома, который был тебе незнаком. Чтобы попробовать. Именно таким образом мы узнавали о какой-то новой музыке, о новом исполнителе. Мы смотрели какой-то каталог, где было чего-то там написано, где мы ничего не знали, не понимали, но из этих «добивок» мы получали новую информацию. Такая интересная была жизнь.

Григорьев: — Уважаемые радиослушатели, я хочу напомнить, что мой сегодняшний гость трехкратный лауреат премии «Медиаменеджер России», член жюри национальной премии «Радиомания». Поговорим об этом чуть-чуть попозже. Александр Александрович Варин, как я уже говорил, президент «Вещательной корпорации «Проф-Медиа», кандидат технических наук и наш «главный товарищ» на «Юмор FM». И я сегодня беру интервью, о котором я мечтал четыре года, и это, наконец-то, свершилось.

Я вам безмерно благодарен, что вы согласились. Потому что очень интересно. Я уже перестаю поддакивать и перестаю что-то говорить. А знаете почему? Мне кажется, что это всё-таки какой-то дар, дар человека, умеющего захватить своим словом. Я даже знаю случай, когда я вы ездили на электричке в Голицино или куда-то еще?..

Варин: — В Шемякино, был такой эпизод...

Григорьев: — ...И вот, вы ехали в электричке и рассказывали друзьям про то, что вы читали. Вы так это рассказывали, что поневоле вся электричка затихала и прислушивалась, и поддакивала...

Варин: — Я пересказывал очень модного тогда писателя, просто до умопомрачения модного писателя, Стивена Кинга. Мы в конце 80-х, в начале 90-х годов жадно впитывали в себя всё то, что, можно сказать, хлынуло к нам, когда рухнул «железный занавес». В том числе увлекательнейшие романы Стивена Кинга, один из которых я и пересказывал. А был и другой эпизод, в стройотряде. Про нас снимали фильм, и отряд построили на линейке. А линейки, как известно, все не любят: там надо стоять, как-то выглядеть, переминаясь... А стоять пришлось какое-то долгое время. Как положено у киношников, всё не работало, камеру забыли включить, и так далее. И, поскольку я был в руководстве отряда, мне надо было как-то удерживать людей. А людей-то много – в отряде 200 человек. И тогда я говорю: давайте я вам стихи прочитаю. Все замерли, стали слушать, и я прочитал стихи, о которых я говорил, нашего совместного сочинения с Белобородовым, нечто такое студенческое. И сейчас я вам одно из этих стихотворений, приличное, прочитаю.

Листок бумаги лег на стол,
От лампы мягкий свет струится,
Вечерний сумрак, дождь пошел,
Весь город замер – мне не спится.
Лишь дневнику доверю я,
Как был обманут я жестоко,
Как предали меня друзья,
Как мне безумно одиноко.
Да, я любил и был любим,
О Боже, как она прекрасна!
Мечты развеялись, как дым,
Желания жгли меня напрасно.
Но не одна пришла беда:

Как верил в дружбу я мужскую,
Но предал друг меня тогда,
Нарушил клятву он святую.
Исчезли дружба и любовь,
Я изгнан из людского рода,
И не начать мне жизни вновь,
Ведь мне уже четыре года.
Ты б мне простила тот грешок,
Но что увидел я, о Боже,
Был под тобой его горшок,
А рядом он, и с наглой рожей!

Григорьев: — Мы уже начинали говорить с вами про ваши новогодние институтские посиделки. Один ваш товарищ очень красочно описал: «Как мы тогда сидели? Каждый приносил что-то. Это было модно, кстати. Кто принесет салатки, сельдь под шубой, кто-то варит картошечку, чистит селедочку, всё это собиралось. Потому что навалить это на одного человека было тяжело. Народ собирался человек 10–15...»

Варин: — Могло и больше быть!

Григорьев: — ...И, естественно, говорит, безумно любили танцевать. И тут я вас хочу попросить рассказать: была такая группа «Кар-Мен», и как вы пародировали эту группу?

Варин: — Ну, группа «Кар-Мен» — она и сейчас есть, слава Богу. Но многое из того, что мы сейчас делаем, и что пользуется огромной популярностью у миллионов людей, действительно, родилось из того времени. И, в частности, наш фестиваль наш «Дисотека 80-х» — это как раз те самые танцы, которые мы тогда устраивали в разных местах: и в квартирах, и в стройотрядах. А группа «Кар-Мен» это было такое наиболее яркое, мощное, энергичное явление в этой области.

Я еще помню прекрасно: в школе, когда я был в седьмом классе, в 79-м году, мы играли в группу «Машина времени» и спорили, кто из нас будет «Макаревич», а кто «Кутиков». И вот сейчас, сидя за одним столом с Андреем Вадимовичем и с Александром Викторовичем, я ловлю себя на мысли, что свершилось чудо. Люди, в которых я играл тридцать лет назад со своими школьным друзьями, теперь являются моими коллегами, товарищами по общему делу. Сейчас, вот, группе «Машина времени» исполняется 40 лет, мы поддерживаем их концерт, мы будем осуществлять съемку этого концерта. Мы сделали с группой «Машина времени» совершенно невероятную историю, она называлась «Авторадио дарит «Машину». Это были два гигантских бесплатных концерта на Тушинском аэродроме в Москве и на Дворцовой площади в Санкт-Петербурге. В общей сложности мы собрали более 150 тыс. зрителей. И вот, вспоминая группы «Кар-Мен», «Машину времени»... Человек же черпает идеи прежде всего из прошлого, из детства. Что такое вообще мысли? Это комбинация воспоминаний, и ничего больше.

Григорьев: — Я говорил уже, что вы член жюри национальной премии «Радиомания», и у ваших радиостанций невероятное количество наград, особенно, говорят, в этом году?

Варин: — Да, мы традиционно получаем много наград, потому что мы креативная компания. Говорю об этом с гордостью, и наши коллеги все это признают. И у нас очень много идей, очень много ноу-хау, очень много чего мы сделали первыми, после чего это стало индустриальными стандартами, после чего это стало распространяться в других медиа и на других радиостанциях, и в других СМИ. И вот в этом, 2009-м году у нас очень большой урожай наград, в общей сложности наша компания взяла их пять. «Радиомания» — это такая главная радионная награда, которая ежегодно вручается организацией «Медиасоюз», и её главная ценность в том, что её нельзя купить — она

действительно независимая, и она профессиональная. Она от коллег, конкурентов вручается тебе, а это самое ценное.

Это действительно признание твоих профессиональных заслуг, потому что наши заслуги перед аудиторией оцениваются рейтингами, социологией, статистикой, конвертируются в доходы рекламные и так далее. Это всё объективные данные. А, вот, что касается такой субъективной оценки тебя как профессионала, «Радиомания» – именно такая премия. И мы обладаем из всех радиокomпаний наибольшим количеством этих наград, у нас их в общей сложности 21. И мы с гордостью об этом говорим. И я бы еще хотел сказать, что уже который год подряд в номинации «Юмористическая программа», к счастью, нет никакой конкуренции. Потому что всегда в шорт-листе, в финальной тройке номинантов премии «Радиомания» присутствуют только работы радиостанции «Юмор FM» и никакой другой. Это чудесно!

Григорьев: — Кстати, кем придумано радио «Юмор FM»? Вами?

Варин: — Ну, не мной одним, безусловно. Хорошие идеи нельзя придумать – они объективно существуют. Как нас учили: что такое материя – объективная реальность, данная я нам в ощущениях. Вот, идея «Юмор FM» – это некая объективная реальность, она просто была нам дана в ощущениях. А задача менеджера уловить то, что и так существует, что и так востребовано. И в этом смысле Россия одна из немногих стран в мире, которая имеет полное право на собственную юмористическую радиостанцию. Таких стран вообще-то в мире немного, кроме России это ещё только Франция, Великобритания и США. И всё! Не хочется обижать другие страны, но их язык не позволяет им это сделать, потому что он не столь богат, как русский язык, их история и культура не обладают столь мощным пластом юмора.

Юмор это реально часть нашей национальной культуры, представить русского человека без шутки, без иронии – невозможно, а, например, немца можно. Ну, можно себе представить человека из Германии, который не обладает чувством юмора, а про нашего человека так сложно сказать. Мы просто сделали то, что кто-то должен был сделать. Мы сделали это первыми, и вот этим надо гордиться. Первыми и, можно сказать, последними, потому что «Юмор FM» в том виде, как сейчас существует наша радиостанция, вбирает в себя все аспекты юмора, которые есть на данный момент. Его лучшие образцы из прошлых лет, или какие-то образцы, которые авангардны и нацелены в будущее. На волнах «Юмор FM» представлены самые разные направления. Мы являемся свидетелями того, что юмор в нашей стране развивается, он рождает новые направления. Если раньше, советская, классическая школа была школой такого автора-исполнителя, писателя, читающего свои произведения, то 21-й век родил совершенно иные формы. Формы импровизационного юмора, молодежного юмора, юмора даже экстремального. И дело не в том, что этот юмор построен на каком-то там дурном словечке. Дело в том, что это отклик на реалии современного мира. Современный мир так устроен, что человек живет в гигантском потоке коммуникации, и для того, чтобы он просто что-то услышал, ему нужно очень громко об этом сказать, быть может, зацепив его внимание, в том числе, и таким «словечком». Поэтому мы не придумали «Юмор FM», мы его просто открыли, запустили, сделали. Благо, это радио развивается, это уже одна из крупнейших радиостанций в нашей стране, одна из крупнейших и самая быстрорастущая федеральная сеть.

«Юмор FM» очень быстро «набирает» города. Потому что на этот формат имеется огромный спрос, потому что он приносит доход, он востребован, он становится популярным у слушателей. И пользуется спросом у рекламодателей. И это прекрасно. Поэтому я хотел бы ещё раз подчеркнуть, говоря о радиостанции «Юмор FM», то, что наша страна должна гордиться, что у нас есть возможность иметь собственную юмористическую радиостанцию. Отнюдь не каждой стране, не каждому языку, не каждому народу такое дано.

Григорьев: — Я знаю, что вы умеете и любите рассказывать анекдоты. Если можете вспомнить сходу, расскажите какой-нибудь? Или два!..

Варин: — Знаете, когда тебе расскажут какой-то анекдот, есть достаточно короткий период, день-два, когда ты его интенсивно всем рассказываешь. К сожалению, после этого его место освобождается для следующего анекдота. В тему Нового года я расскажу... Вы сказали, что я президент Вещательной копорации «Проф-Медиа», куда входят радиостанции «Юмор FM», «Авторадио», радиостанция ENERGY и «Радио Алла». «Радио Алла» – это наш совместный проект с Аллой Борисовной Пугачёвой. И вот, прошлый Новый 2009-й год мы справляли в доме Буйновых, Александра и его супруги, это очень гостеприимный дом, вместе с Аллой Борисовной Пугачёвой. И на этот Новый год был подготовлен такой телекапустник Максимом Галкиным, очень смешной. И среди гостей был Кудрин, наш замечательный министр финансов. Кудрин так же, как многие гости, в том числе и я, принял участие в этом капустнике и вошел туда в качестве некоего героя. Я очень запомнил его выступление. Тогда как раз кризис разворачивался, и очень важны были те слова, которые он говорит. И вот, овации в зале вызвали следующие слова министра финансов Кудрина: «Нас, правительство, меня, министра финансов, часто спрашивают – что будет: высокая инфляция или полная задница? Я официально заявляю: инфляции мы не допустим!» А анекдоты... Вот – не то, чтобы любимый, но мне понравился недавно:

Блондинка спрашивает мужа:

- Дорогой, ты что обиделся?
- Я на дураков, блондинок и детей не обижаюсь
- Так я ещё и дура?!

Ещё один, по-моему, милый.

Блондинку спрашивают:

- Вы хотите прожить миллион лет?

Блондинка отвечает:

- Всего или ещё?

Вот, ещё вспомнил...

Бабушка отчитывает внучку:

– Внученька, тебе уже 18 лет, ну нельзя вот так бегать за всеми парнями подряд. Ты должна определиться, найти свою любовь, ты же будущая невеста, будущая жена, мать. Отчитывала-отчитывала, внучка слушала и спрашивает:

- Бабушка, а ты-то сама определилась?
- Да, конечно!
- Ну, и кого же ты любишь?
- Морячков!

Григорьев: — Александр Александрович, мы с вами встречаемся в канун Нового года, и хотелось бы услышать поздравление для всех наших радиослушателей.

Варин: — Дорогие друзья! Я всех вас поздравляю с Новым годом, желаю вам нового счастья. С Новым годом!

Григорьев: — Спасибо большое! Ну, а мне остается добавить, что передача была организована продюсером эфира Евгением Каплуном, звукорежиссером Александром Алёхиным, ну, и, конечно, вашим покорным слугой Юрием Григорьевым. Всего вам самого наилучшего, до следующей встречи!

Сведения об авторах

Андрющенко Екатерина. К.ю.н., магистр юриспруденции (НИУ ВШЭ), LL.M. (Riga Graduate School of Law)

Войнилов Юрий Леонидович. Эксперт, Институт статистических исследований и экономики знаний, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, Москва, Мясницкая ул., 9/11.

e-mail: yuvoynilov@hse.ru

Ермолаева Ольга Яковлевна. Кандидат психологических наук, Директор НП «Медиакомитет», Сопредседатель общественного совета социологов ТВ при Национальной Ассоциации Телерадиовещателей (НАТ), Член правления Совета Ассоциаций Медийной Индустрии (САМИ)

Жилавская Ирина Владимировна. Кандидат филологических наук, доцент Московского педагогического государственного университета, член Российского комитета Программы ЮНЕСКО «Информация для всех», главный редактор электронного научно-образовательного журнала «Медиа. Информация. Коммуникация»

Кайимото Масато. Ph.D, Профессор, центр журналистики и исследований медиа, Университет Гонконга, Китай

Качкаева Анна Григорьевна. Кандидат филологических наук, Ph.D., профессор НИУ ВШЭ

e-mail: ikiria@hse.ru

Колчина Анна Сергеевна. Кандидат филологических наук, старший преподаватель департамента медиа НИУ ВШЭ.

e-mail: akolchina@hse.ru

Корзун Сергей Львович. Профессор департамента медиа Факультета коммуникаций, медиа и дизайна НИУ ВШЭ

e-mail: skorzun@hse.ru

Логунова Ольга Сергеевна. Кандидат социологических наук, доцент НИУ ВШЭ

e-mail: ologunova@hse.ru

Мальцева Дарья Васильевна. к.с.н., специалист-исследователь, Исследовательская группа ЦИРКОН, Россия, Москва, ул. Солянка, д.3, стр.1, офис 14.

e-mail: maltceva@zircon.ru

Перлинжейро Рикарду. Профессор юридического факультета Федерального университета Флуминенсе (Нитерой, Рио-де-Жанейро), Федеральный апелляционный судья (Desembargador Federal) Федерального регионального суда 2-го региона (Рио-де-Жанейро).

e-mail: ricardoperlingeiro@id.uff.br

Садаба Чаро. Профессор школы коммуникаций, университет Наварры, Памплона, Испания.

e-mail: csadaba@unav.es

Сандерс Джонатан. Профессор, Школа журналистики, Университет Стони Брук, Нью-Йорк, США

Федоров Александр Викторович. Доктор педагогических наук, профессор, главный редактор журнала «Медиаобразование»

Шомова Светлана Андреевна. Доктор политических наук, профессор департамента медиа НИУ ВШЭ

e-mail: ludmila@zircon.ru

Information about the authors

Andryuschenko Ekaterina. Ph.D., Master of Law (National Research University – Higher School of Economics), LLM (Riga Graduate School of Law).

Ermolaeva Olga Yakovlevna.,Ph.D., Director of “Media Committee”, Member of A Council of Associations of Media Industries, National Association of TV and Radio Broadcasters.

Fedorov Aleksandr Viktorovich, Ph.D., Professor, Editor-in-Chief of academic Journal “Mediaeducation”

Kachkaeva Anna Grigor’evna.,Ph.D., Professor, School of media, Faculty of Communications, Media and Design, National Research University – Higher School of Economics, Moscow, Russia

e-mail: akachkaeva@hse.ru

Kajimoto Masato., PhD, Assistant Professor, Journalism and Media Studies Centre, The University of Hong Kong

Kiriya Il’ya Vadimovich, Ph.D., Professor, School of media, Faculty of Communications, Media and Design, National Research University – Higher School of Economics, Moscow, Russia

e-mail: ikiria@hse.ru

Kolchina Anna Sergeevna, Ph.D., Assistant Professor, School of media, Faculty of Communications, Media and Design, National Research University – Higher School of Economics, Moscow, Russia

e-mail: akolchina@hse.ru

Korzun Sergey L’vovich, PhD, Department of visual information. The Pushkin State Museum of Fine Arts. Moscow, Russia.

e-mail: skorzun@hse.ru

Logunova Ol’ga Sergeevna, Ph.D., Professor, School of media, Faculty of Communications, Media and Design, National Research University – Higher School of Economics, Moscow, Russia

e-mail: ologunova@hse.ru

Mal’tseva Dar’ya Vasil’evna, specialist-researcher, ZIRCON Research Group, Russia, Moscow, Solyanka st., 3, building 1, office 14..

e-mail: maltceva@zircon.ru

Perlingeiro Ricardo, PFull Professor of the Faculty of Law of Fluminense Federal University (Niterói, Rio de Janeiro). Federal Appellate Judge (Desembargador Federal) of the Federal Regional Court of the 2nd Region (Rio de Janeiro).

Sadaba Charo, FProfessor, School of Communication, University of Navarra, Pamplona, Spain

e-mail: csadaba@unav.es

Sanders Jonathan, School of Journalism, Stony Brook University, USA

E-mail: osavelyeva@hse.ru

Shomova Svetlana Andreevna, Ph.D., Professor, School of media, Faculty of Communications, Media and Design, National Research University – Higher School of Economics, Moscow, Russia

e-mail: sshomova@hse.ru

Shubina Lyudmila Viktorovna, Deputy head, ZIRCON Research Group, Russia, Moscow, Solyanka st., 3, building 1, office 14.

e-mail: ludmila@zircon.ru

Voynilov Yuriy Leonidovich, Specialist-researcher, ZIRCON Research Group, Russia, Moscow, Solyanka st., 3, building 1, office 14.

e-mail: voynilov@zircon.ru

Zhilavskaya Irina Vladimirovna, Ph.D., Professor, Pedagogical State University of Moscow, Member of a Russian Committee of UNESCO “Information for All” Programme, Editor-in-Chief of academic Journal “Media. Information. Communication”

Национальный
исследовательский институт
«Высшая школа экономики»

Главный редактор:
БЫСТРИЦКИЙ А.Г.

№1, 2016

Выпуск подготовили:

Шариков А. В.
Векслер А. Ф.
Ендальцева А. С.
Каширских О. Н.
Старусева-Першеева А. Д.
Черненко Ю.А.

Дизайн:

Темен П.
Ларцев А.
Никифорова А.
Егошина Т.
Бирюков Д.